

Русский Мойте-Кристин

Валерий Борисов

Главный герой книги — талантливый художник, мечтающий о славе. Вероломный друг из-за любви к одной девушке упекает соперника в места лишения свободы — на Колыму. Почти как у А. Дюма. Но российская романтика намного страшнее французской реальности. Герою пришлось в жестоких схватках отстаивать свою честь и достоинство. Старый зек перед смертью посвящает его в тайну колчаковского золота, спрятанное в годы гражданской войны на севере — в районе вечной мерзлоты. Герой едет в указанное место и находит золото. Но на него уже претендуют другие. Кровавые схватки, смертельные погони...

Валерий Борисов

Русский Монте-Кристо

Необходимое разъяснение читателю о том, как автор познакомился с Русским Монте-Кристо

Мы с женой остановились для отдыха недалеко от Неаполя, в небольшом пансионате с громким названием «Везувий» — здании из дикого камня и кирпича в четыре этажа, с ухоженным парком и пальмовыми аллеями, выходящими прямо на песчаный пляж Тирренского моря. Стоял август — самое прекрасное время для отдыха в южной Италии — море фруктов, море ласковой соленой воды, море красивых и отзывчивых итальянцев, море всего самого прекрасного в Калабрии.

Было жарко — полдень только миновал. Навстречу нам, с многообещающей улыбкой, выпорхнула управляющая пансионатом, как она представилась, синьора Джулия — молодящаяся дама средних лет. Моя жена, знавшая немного итальянский, стала с ней разговаривать, но получалось плохо и мы перешли на английский, которым синьора Джулия уверенно владела. Узнав, что мы из России, она стала восторженно расхваливать моих соотечественников, прибавляя в

свой английский, для образности, итальянские слова и выражения, которые я не понимал, но чувствовал — о нас говорят восторженно. Я правильно чувствовал. Сейчас многие русские, закатывала свои огромные, черные от туши и теней глаза Джулия, отдыхают и путешествуют по Италии. И они, оказывается, просто обожают ее пансионат и постоянно кто-то из русских отдыхает здесь. Синьора Джулия, порхая вокруг нас, восхищенно щебетала о том, что русские занимают самые лучшие и дорогие места в ее пансионате. Умеют великолепно отдыхать, а вечеринки, которые они устраивают, длятся часто всю ночь, а иногда сутки и более. В эти вечеринки, переходящие в утренники, полдни и снова в вечеринки, втягиваются буквально все отдыхающие и обслуживающий персонал, и даже местные жители. И эти круглосуточные вечеринки проходят очень весело: с музыкой, танцами, играми и, обязательно, русскими забавами, где дозволяется все. Но, если проиграл, то надо обязательно исполнять желание выигравшего — фант, так требуют русские обычаи. Конечно же, поглощается при играх несметное количество калабрийского вина, которое, естественно, лучшее в Италии, пива и, обязательно, водки. И только русской, которую некоторые, разгорячившись, пьют почему-то из стаканов, а не из рюмок. Итальянскую водку

русские не любят, впрочем, как и другую европейскую, с сожалением добавила она, видимо, досадуя на то, что итальянские спиртовары не достигли уровня российских. Правда, также со вздохом сожаления добавила синьора Джулия, русские и остальные отдыхающие могут немного поспать днем, а обслуживающему персоналу приходится тяжело — им днем надо работать. Этот размах русских забав она и ее сотрудники ощущают на себе. Но ни она, никто из работающих в пансионате, никогда не обижаются на русских. Наоборот, все готовы оказать любую, даже трудноисполнимую помощь в организации и проведении вечеринок русским синьорам — на что-то намекала управляющая.

Было приятно слышать из уст синьоры Джулии весьма лестную оценку о своих земляках. Но в то же время я знал, что так кутить может только самая минимальная часть моих соотечественников — абсолютное большинство, пока не может себе позволить расслабиться даже в дешевых домах отдыха. Но все же чувство гордости переполнило мою душу — от русского размаха в восхищении за граница.

— Мы так не будем делать. — Ответил я синьоре Джулии, с некоторым сожалением, и она меня правильно поняла.

— Конечно! — Воскликнула она. — Вы же с

женой, а не с подругой. Я правильно вас понимаю?

— Си. — Ответил я по-итальянски. Это, наверное, единственное слово в моем итальянском словарном запасе, которое я мог произнести на родном для Джулии языке без акцента.

— Пойдемте, я покажу вам наш пансионат. — Широко улыбнувшись, пригласила пройти по зданию, управляющая.

Сначала она показала нам ресторан, в котором мы должны были три раза в день питаться и предложила:

— Если желаете завтракать, обедать и ужинать в номере, то вам подадут все туда или куда скажете...

Но я отказался от таких услуг и, довольная моим отказом, синьора Джулия предложила выбрать нам столик самим, за которым мы могли бы кушать три раза в день, в течение всего времени отдыха. Меня радовало, что будет не шведский стол, а нормальные завтраки, обеды и ужины. Ресторан представлял открытую веранду, выходящую в сторону моря и я выбрал крайний, ближе к морю, столик. Джулия что-то крикнула на итальянском и к нам подошел молодой черноволосый красавец-метрдотель, а может, официант. Он с достоинством поклонился нам, дружелюбно улыбнувшись, и выслушал распоряжение управляющей. Потом вынул из

кармана блокнот и что-то объяснил Джулии. Та обернулась к нам и сказала по-английски:

— Джованни. — Сначала представила она метрдотеля и пояснила его разговор с ним. — За этим столиком завтракает семья из Дании, в девять часов. Если вам не рано, то вы можете завтракать за этим столиком с восьми часов до девяти. Таким же образом, мы можем решить вопрос с обедом и ужином. Если не возражаете? — И она мило улыбнулась.

Мы не возражали против такого времени и она, обернувшись к Джованни, распорядилась, чтобы он подал нам расписание приема пищи и меню. Но это вовсе не означает, что мы должны скрупулезно ему следовать, продолжала щебетать Джулия. У них всегда найдется столик в нужное для нас время. Также и с меню. Можно выбрать любую кухню: понятно, от русской и, естественно, до итальянской.

Джованни широко, от всей души улыбаясь, протянул нам листок с причудливыми виньетками по краям, где было указано время наших завтраков, обедов и ужинов. Быстрота и непринужденность, с которой был решен этот важнейший для нашей праздной жизни вопрос, просто покоряла. Джулия довольная нашей сговорчивостью повела нас дальше, объясняя на ходу — вот бар, где можно в любое время дня и ночи взять спиртное и

перекусить, конечно же, если захочется. Но нас и так будут кормить по-русски до отвала, щедро и понимающе улыбалась Джулия. Отдыхающим, обязательно, подают на стол лучшие вина Калабрии. Вечером, когда отужинают отдыхающие, в ресторане играет ансамбль, можно потанцевать и, вообще, повеселиться. Оркестр исполняет любую музыку — понятно, от народной итальянской, от которой весь мир в трепете замирает, естественно, до русской народной, от которой весь мир в восторге плачет. Также можно заказать и другую музыку в интервале — от китайской до негритянской, под которую очень удобно плясать. Так, под мелодичное щебетание, Джулии мы прошли на третий этаж и она представила нам горничную:

— Джина! Она хозяйка на вашем этаже.

Я долгим взглядом разглядывал нарочито яркую блузку горничной, которая плотно облегла ее загорелые плечи и вызывающе подчеркивала красоту высокого бюста. А если еще и заглянуть в глубь широкого и низкого декольте... — у холостяка могла бы закружиться голова. Но со мной рядом стояла жена и я не мог позволить себе, снова же к сожалению, никакого головокружения. Джина — черноволосая, смуглая, с несколько округлым, но очень миловидным лицом и великолепной фигурой, также как недавно

Джованни, широко и от всей души улыбнулась, жертвенно склонив головку перед нами так, что густые блестящие волосы закрыли как бы театральным занавесом ее, по-итальянски открытое лицо, и произнесла по-английски:

— Проходите. Вот ваш номер.

Вмешалась в разговор Джулия и пояснила:

— Это номер первого класса. Из окон открывается изумительный вид на Везувий. Вы его сейчас увидите. Он там вдаль и, когда хорошая погода, его прекрасно видно. С видом на море у нас только номера люкс. Вы же заказали первый класс? — Утвердительно спросила она, с милой улыбкой.

Я кивнул в знак согласия. Джулия, видимо, была очень огорчена, что у нас будет вид не на Средиземноморье, а на какой-то там Везувий и успокоила нас, одновременно, предложив:

— У нас есть свободные номера люкс, за небольшую доплату вы можете занять один из них?... — Она вопрошающе смолкла.

Но я сказал, что этот номер нам нравится и мы его менять не будем. Вид на далекий Везувий нам более приятен, чем вид на близкое море. На морях мы периодически бываем, а Везувий, может быть, никогда в жизни больше не удастся посмотреть, и мы очень довольны номером. Не мог же я признаться ей в том, что у нас не хватает

средств на номер люкс.

Джулия, удовлетворенная моим ответом, снова зашебетала:

— Располагайтесь и будьте как дома. Так, кажется, у вас говорят? Джина и все мы, всегда к вашим услугам. Сейчас мы живем только для вас. — Она щедро улыбнулась. — Джина вам все покажет и расскажет. Она в вашем распоряжении на все время вашего отдыха. Я ухажу, с вашего разрешения, не буду вам мешать располагаться в номере. Сейчас принесут ваши вещи. — И еще раз ласково улыбнувшись, она ушла.

Джина, которой, собственно говоря, нечего было делать в номере, — там царил образцовый порядок, помогла нам разложить вещи, все время что-то воркуя на ломаном английском, вперемешку с мелодичными итальянскими фразами, и тоже ушла.

Так начался наш отдых в пансионате «Везувий» — трехразовое питание, ежедневное обгорание на горячем морском песке под жарким итальянским солнцем, вечерние прогулки и ресторан... Скука, признаюсь, ужасная. Это говорю не в упрек итальянцам, они великолепны — просто я не умею отдыхать. Считаю такой отдых, пустой тратой времени. А итальянцы — молодцы! Для тех, кто умеет отдыхать — сделают все, даже невозможное, чтобы яркие впечатления от отдыха

остались в памяти гостей на всю жизнь.

Так прошла неделя. Русских, кроме нас не было, вопреки рассказу Джулии. Немцы, датчане, шведы — прекрасные люди, но с ними сложно общаться — они не могут понять нас, нашу мятежную русскую суть. А мы не можем понять их безмятежную суть и живем, как бы, в разных измерениях, хотя лежим рядом на желтом песочке и смотрим в тоже голубое, с редкими кучками облаков, итальянское небо. Что поделаешь? Такие уж мы — русские. Не по-европейски скроены, не по-американски сшиты. Нам надо обязательно о чем-то размышлять и во время отдыха, ковыряться в своей душе и мозгах, не обращая внимания на окружающих. Нам, русским, нужны постоянные душевные страдания, хотя бы мысленно. Но, увы, Италия не может их предоставить. Нет в ее репертуаре страданий — одни радости. Не умеем мы, русские, отдыхать. Ох, как не умеем!

Как я сказал, шла вторая неделя нашего времяпровождения, когда в нашем отдыхе произошли существенные изменения.

Было пленительное по красоте утро и мы с женой, к восьми часам, как предусмотрено нашим расписанием, пришли завтракать. Но наш столик оказался занятым. Это было так не похоже на предупредительных итальянцев. Возникшую неловкость в отношении нас, сразу же подтвердила

реакция Джованни, промчавшегося, как спринтер через весь зал к нам. Сбивчиво, путая английские и итальянские слова, он стал извиняться за непредвиденную накладку и просить, чтобы синьор и миссис — это значит мы, если можно, немного подождали. Стол через несколько минут освободиться и нам быстро подадут, заказанный на сегодняшнее утро, завтрак. Если мы не желаем ждать, то немедленно накроют другой стол. Покончив с извинениями и предложениями, он доверительно произнес:

— Вы знаете, кто завтракает за вашим столом? — И, сделав небольшую паузу, прошептал. — Это русские! Только что приехали из России. Я думал они смогут быстро позавтракать, но они почему-то задерживаются. А вот за тем столом. — Джованни повел глазами к соседнему столу. — Тоже русские. Вам теперь не будет скучно. — Сделал он логически правильный вывод, желая обрадовать нас. Джованни, видимо, заметил, что русские любят земляческие компании и радовался от того, что наш отдых станет еще более привлекательным. — Если желаете, я спрошу этих русских — можно ли вам сесть за ваш столик?

Я кивнул в знак согласия. Джованни подбежал к столику, за которым сидели мужчина и женщина, и заговорил с ними. Потом радостно замахал нам

руками, приглашая к столу. Мы подошли, Джованни с довольной улыбкой — успешно разрешилось это маленькое недоразумение, спросил нас:

— Завтрак подавать?

Мы с женой снова согласно кивнули. Джованни побежал на кухню, а мы сели за стол, в легкие пластмассовые кресла. Пара, сидящая напротив, виновато смотрела на нас и мужчина произнес серьезно, без улыбки, к которой мы привыкли за недолгое время нахождения в «Везувии»:

— Извините нас. Мы не знали, что подошло время вашего завтрака. Утро такое прекрасное и мы загляделись на море. Поэтому задержались. С этого столика открывается великолепный вид на море. Мы стол выбрали сами, место понравилось. Официант не виноват. Извините нас, еще раз? — Мужчина позволил себе улыбнуться.

На вид, ему было далеко за сорок, даже ближе к пятидесяти. Он был черноволос, но наполовину сед. Гладко выбритое лицо, было туго обтянуто тонкой смуглой кожей, под которой выделялся каждый мускул. Со лба, в седину виска, убежал глянцевого шрама. У него были крупные нос и рот, с толстыми губами. Глаза были непонятного цвета, то ли синеватые, то ли черные, в зависимости, с какого угла в них смотреть. Взгляд был серьезен, но

дружелюбен.

Его спутница была намного моложе его. Нынче многие новые русские путешествуют и отдыхают не с женами, а секретаршами, чтобы и на отдыхе эффективно осуществлять руководство своими делами. Естественно, продуктивно руководить этими делами можно тогда, когда под рукой имеется, знающая твой бизнес, опытная и надежная помощница. Еще некоторые новые русские, предпочитают отдыхать с племянницами, в крайнем случае, с подругами детства, которые моложе их на несколько десятков лет. Двум последним категориям спутниц, они, обычно, показывают мир из альтруистически-познавательных соображений. Конечно же, эффективное руководство делами и познание мира, не ограничивается только теми моментами, которые я назвал. Жизненная и предпринимательская деятельность новых русских намного разнообразнее и насыщеннее.

Так вот, спутница мужчины, на первый взгляд, могла быть отнесена к последней категории. Но, снова же, на первый взгляд. Разница в их возрасте, не позволяла ей быть подругой детства этого мужчины, может, она была племянницей? У нее был округлый овал лица и более, чем ее спутник, она была смугла. В ее облике было что-то восточное — в разрезе черных глаз, небольшом

носике и пухлых губках. Черные волосы, ниспадавшие почти до плеч, усиливали сходство с востоком. Вот что я сумел заметить, на первый взгляд, в облике новых соотечественников и торопливо воскликнул:

— Что вы! Что вы! Вы нам нисколько не помешали! Мы, наоборот, рады землякам. Если не возражаете, то мы можем вместе с вами за этим столиком кушать. Отсюда, действительно, открывается прелестный вид на море. А приятная окружающая среда, так способствует полноценному аппетиту... — Рассыпался я от радости, услышав родную речь. Почему-то, свою радость я связал с едой, будто бы она единственная функция столика.

Мужчина с улыбкой кивнул в знак согласия, в ответ на мою возвышенную тираду.

— Хорошо. Если мы не будем вас стеснять, то расположимся за этим столом. — Он вопросительно посмотрел на свою даму.

Та, в ответ, кивнула: «Да.» Но этого слова не произнесла вслух.

— Да, да! — Торопливо продолжал я. — Вы не представляете, как мы соскучились по родной речи и землякам. А то, извините меня, не с кем даже поговорить по душам!

Мужчина в ответ иронично улыбнулся. Мне показалось на слове «по душам», но я не стал придавать его снисходительной улыбке большого

внимания, и продолжал:

— Вон за тем столиком, как сказал Джованни, тоже русские. Познакомимся с ними и образуем здесь маленькую русскую колонию. — Я показал рукой в сторону столика, где сидели двое русских мужчин, и завтракали. — Вот будет весело нам! — Восторгался я новыми перспективами дальнейшего отдыха.

Но мужчина, сидящий напротив меня, почему-то напрягся, что было заметно по его лицу, по которому пробежала мускульная тень, но ответил вежливо:

— Я думаю мы с вами проведем здесь время приятно и с пользой. — Проговорил он трафаретно.

То, что приятно — мне было понятно, но почему с пользой? Но я не успел задать детализирующего вопроса, или снова разразиться восторгом от встречи с земляком, как тот произнес:

— Вы нас извините, мы пойдем к себе в номер. Нам не пришлось этой ночью толком и поспать. Перелет... переезд. Встретимся за обедом, а после полудня на пляже.

Я был немного обижен его сухим тоном, так не контрастирующим с моей радостью, и смущенно забормотал:

— Да-да... За обедом... На пляже...

К нам, увидев что новые отдыхающие встают из-за стола, спешили Джованни и Джулия. На лице

управляющей сияла радостная приветливая улыбка, точь в точь, как утреннее ласковое солнце над лазурным морем. Банально, но это действительно так. Она поздоровалась с нами, с вновь прибывшими и все это одновременно, и с неподдельным чувством доброжелательности:

— Чао! Вам здесь нравится? Незабываемое утро, наслаждайтесь им! О, вас ждет еще много таких несравненных рассветов и закатов! Это наслаждение — просыпающееся море и проснувшееся солнце! Они неразлучны у нас, как влюбленные! Да, у нас никогда, не смогут разлучиться мужчина и женщина. Но пока они здесь. — Уточнила Джулия. — Видите? Вот — берег любви, здесь — море наслаждений, там — таинство лесов и бесконечно нежный поцелуй солнца. — Вся ее пылкая тирада относилась и ко мне с женой, и к вновь прибывшим, и всем, всем, всем! Джованни с приветливой улыбкой молчал, пока хозяйка представляла море, солнце и лес. Но Джулия, после поэтических слов, непосредственно перешла к делам и сказала новой русской паре. — Если не возражаете, я вас проведу в ваш номер люкс, с видом на море!

Мужчина кивнул мне — мол еще встретимся, женщина, также как недавно, извиняюще улыбнулась. Она, кажется, за недолгое время нашей беседы не проронила ни слова. Впрочем, как и моя

жена. Они пошли в свои апартаменты-люкс. А нам принесли завтрак. Джованни, как обычно пожелал нам приятного аппетита, и мы приступили к трапезе. Вот, теперь заговорила моя жена:

— Что ты ведешь себя как мальчишка, увидевший новую игрушку! Зовешь их за наш стол, а может мы им не нравимся? Приглашаешь их на пляж! А они устали с дороги. Не видишь сам всего?!

Я попытался возражать — на пляж я их не приглашал, а собеседник пригласил. Но жена продолжала перечислять мои оплошности, которых я успел наделать, оказывается, очень много за такое короткое время знакомства. Удивительно, как это жены умеют портить мужьям настроение — из полета в безоблачных небесах, мигом вернуть их на грешную землю.

Мы с женой загорали на пляже до обеда. Потом, переодевшись в своем номере, мы направились вниз, в ресторан обедать. Пока я замыкал ключом дверь, с противоположной стороны номеров, имеющих выход на террасу, с видом на море, отворилась дверь и мы увидели, выходящих из комнаты, наших утренних знакомых, имен которых до сих пор не знали. Я, будто истинный итальянец, — когда это я успел нахвататься у них радостного отношения ко всем людям — воскликнул, несколько, неуместно:

— Вы уже проснулись?! Идемте обедать. Наступило наше время.

Мужчина приветливо улыбнулся:

— Да, немного передохнули. Пора и осмотреться, где мы находимся.

Женщина также, как и утром, тихо улыбнулась, прошелестев одними губами:

— Добрый день.

Мы пошли к лестнице и, спускаясь по ней, увидели еще двух русских, которых мне показал утром Джованини. Я совсем позабыл, что они здесь. Впрочем, их до полудня на пляже не было. Я сказал, обращаясь к мужчине:

— Это же русские? Давайте с ними познакомимся?

Но он, недовольно поморщившись, ответил:

— Мне кажется не стоит с ними знакомиться. Они какие-то нелюдимые. Живут в соседнем от нас номере... — Пояснил он.

— Нелюдимые... — Размышлял я вслух. — А, понял? Они наверное, представители этих... Ну, как их? Меньшинств!

Мужчина, в ответ на мои слова, облегченно вздохнул:

— Да. Может быть. Обычно такие пары избегают контактов с другими людьми, даже со своими земляками. Не стоит мешать их отдыху.

Его спутница впервые, за все время короткого

общения с нами, улыбнулась широко и открыто, и мне показалось, что смешинки посыпались из ее глаз. Но вслух ничего не сказала.

Мы сели за столик. Любезный Джованни, как всегда был рядом и протянул нашим новым знакомым меню — видимо, они раньше не сделали заказ. Женщина пробежала глазами меню и попросила макароны и овощи, а мужчина заказал первое и второе.

Я стал разъяснять им, что заказы на завтрак, обед и ужин делаются заранее и все будет исполнено в лучшем виде. Так удобнее. Мужчина с согласием кивал мне в ответ — в следующий раз они поступят также, как и мы. Но им быстро принесли заказанное, и мы начали обедать.

— Да! — Воскликнул вдруг я. — Мы еще не знакомы? Как к вам обращаться?

Мужчина вопросительно посмотрел на женщину. Та покраснела и произнесла первой:

— Меня зовут Ольга Валентиновна. Я учительница. — И она покраснела еще больше.

— Юрий Григорьевич. — Представился мужчина и пожал через стол мне руку. — В общем, бизнесмен, банкир. Как сейчас говорят — новый русский.

Я назвал себя и представил свою жену.

— Ольга, тоже моя жена. — Уточнил Юрий Григорьевич, и переспросил. — Вы писатель? —

Он, видимо, был удивлен моей профессией. — Не могу вспомнить ваши произведения.

Я, смущаясь, назвал пару своих книг.

— Да, да. Я, кажется их читал. — Любезно ответил Юрий Григорьевич, чтобы не обидеть меня, как писателя. — В крайнем случае, просматривал.

Но по его лицу было видно, что он моих книг не читал. Его любезность меня не обидела — не все же должны читать мои опусы, и я ответил:

— Ничего. После знакомства с нами, вам обязательно захочется прочитать, что-то мое. Из простого любопытства — с кем вы были знакомы.

— Конечно. Это вы правильно подметили.

Он был очень корректен. Его жена молчаливо кивала головой, в знак согласия с мужем.

Недалеко от нас сидели двое русских, которых мы уже видели и тоже обедали. Потом мы снова поднялись к себе в номера, переоделись для пляжа и вышли в холл. Мы с женой немного задержались в номере, чтобы наши новые знакомые успели собрать все необходимое для пляжа — они ж только приехали и, наверное, не успели полностью распаковать свои вещи. Но к нашему удивлению, они были уже в холле и ждали нас. Пришлось извиниться за свое опоздание и мы пошли к морю.

День был солнечным и мы расположились рядом под большими зонтами. Потом пошли в море. Вода была немного прохладной, как раз то,

что нравится отдыхающим. После загорали. Как обычно. Но для меня появилось нечто новое.

Я с интересом разглядывал фигуру Юрия Григорьевича. Он был мускулист, ни капли лишнего жира, что, увы, свойственно нашей вечно недоедающей нации. Но не это привлекло мое пристальное внимание, а многочисленные шрамы разного размера, рассеянные по всему его телу: груди, спине, руках и даже на ногах. Но более всего меня привлекла единственная татуировка на левой стороне груди, на уровне сердца. Это был портрет очень красивой девушки в анфас, с распущенными волосами, но рассеченный наискосок, широким и длинным шрамом, слева направо — две разъединенные половинки одного портрета. Шрам прошел по глазу, носу и губам, изображенного на груди нашего знакомого, портрета девушки и средняя часть татуировки оказалась обезображенной. Но остальное осталось нетронутым. Татуировка с годами, как это часто бывает, не расплылась, а сохранила четкость линий. По ним можно было судить, что девушка не просто очень красива, но и имеет личное отношение к носителю своего портрета. Это была не трафаретная, банальная татуировка женского лица, выкальваемая излишне романтизированными мужчинами на теле, а в нем была индивидуальность изображения, я бы сказал, психологизм. Видимо,

между Юрием Григорьевичем и портретом девушки существовала глубокая связь. Но это был не портрет его жены, — слишком велико между ними изобразительное различие. Наш новый знакомый заметил, что я слишком пристально разглядываю его татуировку, и спросил:

— Заинтересовались? Хоть не раздевайся! Все сразу же обращают на наколку внимание.

— Да. Очень качественная татуировка и девушка красивая. — Оценил, почему-то, я техническую сторону наколки. — Она произвольно бросается в глаза любому, кто видит вас в пляжном виде.

— Грехи молодости. — Засмеялся Юрий Григорьевич, но пока не пояснил, что он имел в виду под грехами. — Сейчас вы поймете откуда у меня такая, как вы выразились, качественная татуировка.

Он достал из пляжной сумки альбом и карандаши, вынул один лист, приспособил его на коленях и, глядя, на мою жену, стал быстро набрасывать рисунок. Я молча и заинтересованно наблюдал за ним. Через несколько минут он протянул ей лист ватмана, на котором была изображена моя дражайшая половина. Портрет карандашом был выполнен вполне профессионально, быстрее и лучше, чем это делают пляжные и уличные художники. Я искренне

удивился:

— У вас несомненный дар к живописи! Никогда бы не подумал, что бизнесмен может так профессионально рисовать?

— Писать. — Поправил он меня. — Это мое хобби. Занимаюсь в свободное время и на отдыхе. Вот, когда-то и запечатлел на своей груди тягу к изобразительному искусству. — Иронично и коротко пояснил он наличие на своем теле единственной татуировки.

— Для хобби это слишком хорошо. — Продолжал нахваливать я его работу и, одновременно, демонстрируя свои знания в изобразительном искусстве. Нельзя же, чтобы у него сложилось обо мне мнение, только как о человеке, заикленном на своей писательской профессии. Пусть видит, что и я разносторонняя личность. — Вы этот рисунок оставите нам на память?

— Конечно.

— Тогда подпишите его?

Он взял рисунок обратно, почему-то не сразу, а немного поколебавшись, поставил автограф с датой и вернул портрет моей жене. Потом взял из папки еще один лист и пояснил:

— Хочу сделать набросок, вон того паруса в море. Видите? Красиво, как у Айвазовского, но только не в шторм. Или как у Лермонтова: «Белеет

парус одинокий...»

Вглядываясь пристально в море, он начал набрасывать карандашом этюд. Рисунок получился неплохой, но Юрий Григорьевич, оказался им недоволен:

— Не получается. Наверное, не пришло еще вдохновение.

Он начал пририсовывать к рисунку с парусом фигурки полуобнаженных отдыхающих, и я заметил:

— У вас получается, как у Иванова. «Отдыхающие на берегу Неаполитанского залива».

Он впервые, за короткое время нашего знакомства, от души рассмеялся. Его жена тоже открыто улыбнулась и смешинки мелкими морщинками окружили ее глаза.

— Да. Почти, как у Иванова. — Улыбаясь, согласился он и положил лист в папку. — Хватит на сегодня. Нет вдохновения. — Повторил он. — Наверное, это потому, что мы только приехали. Пока глазу хватает созерцательной работы. Он просто наслаждается красотой Италии. Мозг не может ни за что зацепиться и задуматься. Все в Италии, как будто на расписной открытке — цвет, колорит, воздух — а мысли нет. Красиво! Это не то, что у нас в России. Там природа заставляет человека думать, будоражит душу, предлагает проникнуть ему в ее самую суть. А здесь... Просто

красиво, приятно и спокойно. Наслаждение — без проблем.

Немного погодя, он пошел купаться в море с женщинами, а я подошел к двум русским парням, которые расположились недалеко от нас на пляже, чтобы познакомиться. Они играли в нарды, поглядывая по сторонам и изредка переговаривались между собой.

— Здравствуйте. — Сказал я им, как можно радушнее.

— Здравствуйте. — Как-то нехотя ответили они.

— Я бы хотел познакомиться с вами и предложить совместный отдых.

Они переглянулись между собой и один из них ответил, снова же, нехотя:

— Хорошо. Вот доиграем в нарды, искупаемся и тогда познакомимся ближе...

Они смотрели на меня, если не враждебно, то по крайней мере с большой неохотой, и у меня пропало всякое желание с ними знакомиться.

— Хорошо. — Пробормотал смущенно я и отошел от них.

Немного позже, лежа на песочке и обсыхая от морской воды, Юрий Григорьевич спросил меня:

— Вы подходили к этим двум русским парням, чтобы познакомиться? Не пытайтесь этого делать. Я уже вам говорил о них. Мы с ними вместе

летели в самолете, ехали сюда вместе, и я понял, что они очень замкнутые люди. Почему-то не признают своих земляков. Нелюдимы, одним словом. А может их совсем иное интересует? Не будем мешать их отдыху. — Повторил он, тоже самое, о чем говорил немного раньше, а может, попросил меня не вмешиваться в отдых тех, двоих.

Вечером мы совершили прогулку по берегу моря и Юрий Григорьевич снова отметил, как здесь красиво.

— Вот бы здесь поселиться и постоянно жить. И больше ничего не надо в жизни! — Со вздохом произнес он.

Когда мы возвращались в пансионат, то увидели снова тех двух русских, которые как и мы прогуливались по берегу моря, выбивая камнями блины на воде. Но я уже больше не предлагал им присоединиться к нашей компании.

Так прошло несколько дней. Мы подружились с нашими новыми знакомыми, всюду были вместе. Они не пытались отделаться, под каким-либо предлогом от нас, мы тоже. Такие теплые отношения нам нравились. Женщины подружились более крепко, чем мы — их мужья и, как я понял, доверяли друг другу некоторые семейные тайны. Но моя жена не слишком-то рассказывала мне о них. Всю жизнь считает меня болтуном и слишком наивным в жизненных делах человеком. Тяжело с

ней! И так все двадцать лет нашей совместной жизни!

Но кое-что, моя жена о них мне все-таки рассказала. Ольга Валентиновна сообщила ей, что у них двое детей — девочка и мальчик, семи и пяти лет. Но они остались в России, у ее родителей, и она за ними очень скучает и ждет не дожидается, когда можно будет вернуться домой. Ольге Валентиновне оказывается всего тридцать три года, а ее мужу намного больше. Это факт вызвал у меня любопытство и я стал подсчитывать, — во сколько же лет появились дети у Юрия Григорьевича. Выходило лет в сорок, как минимум.

«Поздние дети?» — Размышлял я, делаясь этим открытием с женой. Но зато полностью отпало подозрение, что банкир путешествует со своей секретаршей. — «А почему она ждет разрешения вернуться домой? Непонятно».

— Но Оля еще достаточно молода и дети у нее появились вовремя. — Возражала мне жена, не поясняя другого момента, высказанного мною.

— Да. Но у них все-таки большая разница в возрасте. Она тебе не рассказывала, когда и как они поженились?

— Нет. Но ты сам знаешь, что нынешние бизнесмены предпочитают молодых жен. И у него это первый брак. Знай это?

— Интересно? — Отвечал я ей, не понимая

многого во взаимоотношениях Юрия Григорьевича и его жены. Почему они не взяли в путешествие своих детей? Чего они здесь выжидают? Неужели он холостяковал до сорока лет? Такой красивый мужчина и не мог раньше жениться? Расспрашивать его лично об этом — было не тактично. Юрий Григорьевич в беседах со мной, почему-то, не касался своего прошлого и своей нынешней работы, будто их не существовало. Единственную куцую информацию о них, предоставляла мне моя жена, со слов новой подруги. А мне, почему-то, так хотелось узнать о них больше! Любопытство или писательское чутье? Непонятно.

Через неделю и наши новые знакомые сильно заскучали от нескончаемого моря и теплого пляжа, и мы для разнообразия впечатлений поехали к Везувию. На него не поднимались, но объехали кругом. Посмотрели убежище восставшего Спартака, сход лавы, но в Помпеи не заехали, решили в следующий раз. Глядя на Везувий, Юрий Григорьевич произнес:

— Все здесь красиво, но как бы сделано понарошку. Искусственно, что ли? Одна гора, а рядом холмы. У нас в России, если горы, то их много и надолго — за месяц не объедешь. И красота, не человеком сотворенная, а природой. Она и давит, и возвышает. Слабых ломает, сильным

дает дух. Глядя на Везувий, хочется писать лирические стихи. Проникнув в суть наших гор — сочинишь философские стихи. А может, даже не стихи, а научные трактаты. Вот если бы я писал пейзаж на фоне Везувия, то я уверен, что у меня бы получилась открытка, а не картина. А если буду писать бесплодные скалы Джугджура, то получится картина. Хорошая или слабая, но картина, в которой будет частица твоей души. Но все равно в Италии очень красиво! Она, как бы светлая часть России.

Я не понял его упоминания о Джугджура. Причем он здесь? Смутно помнил, что это, где-то далеко, на краю России и спросил, неужели он там бывал?

— Да. — Несколько смутившись, ответил он. — Бывал на Дальнем Востоке по коммерческим делам. Природа там — чудо богатырское.

И он смолк, как будто сказал что-то лишнее, и мы поехали обратно.

Когда мы садились в автомобиль, то я увидел двух нелюдимых русских, которые из своей машины, без водителя, визуально осматривали Везувий.

— И они здесь! — Не удержался я и кивнул в их сторону. — Что им здесь надо?

— Наверное, тоже решили посмотреть вулкан. — Ответила моя жена, опередив с ответом

моих попутчиков.

Они согласно кивнули в ответ на ее слова и проблема появления этих двух русских отпала. Но меня удивило — почему вдруг моя жена стала отвечать за них?...

Нам оставалось отдыхать еще четыре дня, а нашим, уже без сомнения хорошим знакомым, еще около двух недель.

Погода в тот, запомнившийся мне вечер, выдалась скверная — весь день моросил мелкий надоедливый дождь, море закрылось влажной дымкой тумана. Отдыхающие убивали время в своих в номерах или в баре. Группа немцев, приехавшая на отдых недавно, из-за плохой погоды провела в баре весь день, и к вечеру многие из них были в достаточно веселом состоянии. Оркестр непрерывно играл по их заказу и они целый день гарцевали, в прямом смысле слова, а не танцевали или плясали. В павильоне ресторана стоял страшный шум и грохот. По мере наступления темноты к ним присоединялись новые танцующие, из числа отдыхающих. Было шумно и весело. Мы, поужинав, остались за своим столиком с бутылкой кьянти, и смотрели на бесившихся от безделья людей. Оркестр играл без перерыва рок-н-роллы, твисты, джаз и даже что-то итальянское, типа тарантеллы. Но я могу ошибаться — точно ли была эта мелодия, уж слишком оригинальна была

импровизация. Но когда звучали упругие и четкие ритмы итальянского танго и тела танцующих слипались, как пластилиновые, то танцевальное томление достигало апогея. Даже у педантичных и рациональных немцев итальянское танго расслабляло душу и превращало их в кротких малышей, ждущих подарка, от своих пассий. Музыканты по одному-по два уходили покурить или утолить жажду бокалом вина, но их выпадение из ансамбля не нарушало слаженной игры оркестра. Танго у оркестра получалось интимно-потрясающее и я произнес:

— В итальянских танго больше чувственности, чем в аргентинских. Может потому, что оно воздействует на инстинкты человека. Аргентинское танго великолепно по форме...

— Возможно. — Ответил Юрий Григорьевич. — Европейское и аргентинское танго очень сильно отличается от японского...

— А разве японское танго есть? — Недоуменно перебил я его.

— Есть, и очень своеобразное по технике движений... — Неопределенно ответил Юрий Григорьевич, но пояснить свою мысль не успел.

К нам подошла Джулия, извинилась за ненастье, пообещав на завтра, в крайнем случае, на послезавтра великолепную погоду. А сегодняшний дождь — досадное исключение из привычных

правил августовского сезона. Мы пригласили ее присесть за наш столик и она с удовольствием согласилась. Сразу же подскочил Джованни со стулом для своей начальницы, поставил перед ней фужер и всем налил вина.

— Грациас. — Поблагодарила Джулия и выпила за нас.

— Прекрасные у вас имена. — Сказал я. — Такое приятное сочетание букв «д» и «ж» располагает к умиротворению и спокойствию.

— Что вы! — Энергично возразила Джулия. — Да такие имена как Джованни, Джузеппе, Джина и подобные им, дают сейчас только в крестьянских семьях. В городе таких имен уже почти не встретишь. Мы все из крестьянских семей.

— Все равно. — Отозвался Юрий Григорьевич. — Такие буквы присутствуют в именах добрых итальянцев и мы, отдыхая у вас, убедились в этом.

По всему видно, Джулии было приятно услышать из уст иностранцев доброе слово о своем имени и она весело ответила:

— Пусть будет Джулия. Раз так называли меня родители, так оно есть и будет.

«Дъжь» она произносила ласково и мягко, как будто между этими буквами был мягкий знак.

— Вам нравится здесь? Вы еще сюда

приедете? Обязательно приезжайте, для вас всегда у нас найдется номер.

— Конечно, приедем. — Пообещал я. Юрий Григорьевич и его жена в знак согласия со мной, кивнули в ответ. Они вообще-то мало говорили при нас, а с чужими совсем замолкали. Чтобы завести их на разговор надо было выбрать, уж очень интересную тему. Может быть, исключение составляла его жена. Но она предпочитала разговаривать не со мной, а с моей женой. А моя супруга, как я уже сказал, мне многого из этих разговоров не передавала. Джулия, пригубив вина из фужера, рассказывала:

— Видите, как эти веселятся? — Спросила она и кивнула в сторону пьющей и пляшущей компании, не называя их конкретно по национальности. — Это не веселье, а больше брачные игры, как... — Она не уточнила сравнения. — Вот ваши соотечественники умеют веселиться с такой выдумкой, о которой им и не догадаться. — Она снова кивнула в сторону веселящейся компании. — У вас каждый веселиться по-своему, непредсказуемо. У вас не существует отдельно выпивка, танцы и песни. Вы ставите настоящие спектакли. Я много видела таких спектаклей в исполнении русских. Хотите, расскажу об одном из них?

Мы все охотно закивали головами — давайте

рассказывайте! Всегда приятно слушать рассказы о славных деяниях соотечественников, вошедших в мировую историю. В данном случае, историю пансионата «Везувий».

— Месяца два назад у нас отдыхали русские. Тоже была плохая погода и они весь день сидели в ресторане. А вечером, в перерывах между танцами, стали проводить конкурс. Кто выпьет полную бутылку водки или коньяка из горлышка, мог выбрать себе самую красивую даму. Но дама тоже должна была выпить целую бутылку вина или водки. Но ей разрешалось пить не из горлышка, а из бокала. Некоторые из дам, выбирали бокал, а не бутылку. Но от водки, большая часть из них отказывалась, а вино пили. Та из дам, которая не выпивала бутылку вина за один раз, обязана была идти с тем русским, который выпил целую бутылку водки, к нему в номер, и там допить ее. В первый раз только две или три синьоры сумели выпить всю бутылку вина и выиграть конкурс у русского. Потом уже не могли — не хватало сил. А их все выбирали и им приходилось идти с русскими в номер. Потом русский возвращался и снова выпивал бутылку водки, выбирал новую красивую синьору и уводил ее в номер, чтобы она там допила бутылку вина. Так они веселились всю ночь. Остальные, кто постарше... — Джулия глубоко и с сожалением вздохнула. — Их русские меньше

выбирали, поспорили между собой- кто из русских уведет к себе больше девушек в номер, того и решили объявить победителем. Мы решили среди русских провести такой ответный конкурс. Все синьорины тогда не спали ночь, всем хотелось быть выбранной, а другим выявить победителя. Поверьте! Даже мне самой захотелось стать таким призом. И мое желание сбылось. Когда молодых синьорин осталось немного, меня, уже к рассвету, пригласил выпить русский. Но я в любое время суток нахожусь на работе и, поэтому не могла, выпить всю бутылку. Пришлось идти к русскому в номер. Там на мягких коврах, а у нас вы заметили какие великолепные на полу ковры, лежали полностью обнаженные синьорины и спали. Я не употребляю слова голые потому, что их тела достойны резца Микельанджело. Так пошло нельзя говорить о девушках. Русский даже не прикрывал их простыней — такая была красота. Я насчитала у него пять девушек, значит сама была шестой. Но к утру он стал, уж слишком, пьяным. Почему-то сначала разделся сам, а потом начал снимать одежду с меня, но не смог. Но я бы и не позволила ему этого сделать — ведь я на работе. Но он уже выпил шесть бутылок водки только в конкурсе и поэтому у него не хватило сил на меня. Упал он на ковер рядом с синьоринами и сразу же заснул. Я их всех прикрыла простынями и одеялами, чтобы не

простудились и ушла. Если бы я осталась у него, то он бы выиграл этот смешной конкурс, но у него, к сожалению, как я сказала, не хватило сил. Я вернулась в ресторан и когда ушел с девушкой последний русский, который участвовал в конкурсе, мы поняли, что он уже не вернется. Да и наступило утро. Все, кто не спал и держал пари, решили выяснить — кто же победитель? Пошли по номерам — у одних русских были три синьоры, которые спали, как убитые все вместе на кровати или на полу на коврах. Но это были те, кто меньше всего выбрал синьорин в конкурсе. У того, кто выбрал меня, так пять девушек и осталось. Но, у одного русского, их оказалось, аж целых шесть. Кто следил за ним в ресторане утверждали, что он выбрал пять девушек. А как оказалась в его номере шестая — непонятно. Все девушки были обнаженными, трудно отличить одну от другой. Но я разобралась, что одна из дам — наша Джина. Я растолкала ее и потребовала объяснений, как это она, находясь на работе, приняла участие в конкурсе? Джина нам объяснила, что русский вышел из своего номера и чуть не упал. Он направлялся в ресторан, чтобы продолжать конкурс, а Джина решила помочь ему обратно зайти в номер. Он ее заставил выпить бутылку водки, раздел, а дальше Джина не помнит. Я хотела за нарушение дисциплины ее уволить, но меня уговорили не трогать Джину. Она же не

участвовала в конкурсе, а оказывала помощь русскому. Я по натуре добрый человек и не стала ее наказывать. К тому же подумала, если бы я осталась в номере у того русского, то была бы шестой и единоличного победителя не выявили бы. Но, увы, тот оказался немного слабее того, кто был с Джиной. Но я, не Джина, и на работе не позволяю себе лишнего, поэтому тот, который выбрал меня, все равно бы не победил. Так вот, мы присудили первое место тому, в номере которого нашли Джину. Пришлось и ее включить в число конкурсанток, для выявления единоличного победителя. Победитель проснулся только к обеду, словно Цезарь после битвы в Фессалии — все-таки тяжело иметь дело сразу же с шестью девушками. Мы сплели ему лавровый венок и вечером короновали его. Все поздравляли победителя, снова веселись. Этот конкурс так всем понравился, что мы его повторили в день коронавания победителя, снова. Но результаты во вторую ночь, оказались намного слабее, чем накануне. Видимо, два вечера подряд нельзя проводить такой конкурс. Участники сильно устают и им необходим, хотя бы однодневный отдых. До сих пор все помнят этот русский конкурс. Это не просто веселье, а настоящая игра гладиаторов в Риме. Еще русские игры можно сравнить разве, что с футболом. Так захватывает дух от этих конкурсов. Как они всем

нравятся и молодым, и более старшим!

Джулия глубоко и, кажется, с жалостью вздохнула от того, что в этот вечер так никто не веселится. А мной снова, как всегда, когда нахожусь я за границей, овладела гордость и восхищение моими соотечественниками. У кого еще найдется столько фантазии, столько силы, столько умения, так ярко и нестандартно отдыхать! Все-таки до чего же незаурядна наша нация! Европейский размер ей нипочем! Только мои земляки могут быть такими неповторимыми и оригинальными! Жить в дружбе со всеми людьми мира и облагораживающе влиять на них, отдавая им всю свою душу и силу! Поэтому и входим мы в анналы истории, без всяких проблем и разъяснений! Вот мы какие — и все тут!

— Но после этого. — С сожалением проговорила Джулия. — Одновременно много русских не отдыхали у нас. А кто был, то все семейные. А русские мужчины в присутствии своих жен, очень сдержаны. Русские мужья самые лучшие в мире и безмерно преданы своим женам. — Похвалила она, то ли конкретно нас с Юрием Григорьевичем, то ли всех русских мужей. Наверное, все-таки всех!

— Да такие конкурсы под силу только холостякам. — Ответил я.

Джулия согласно кивнула. Оркестр, видимо,

совсем выдохся и уже не отдельные музыканты, а все пошли отдыхать, дружно покинув сцену. Веселая танцующая компания не возражала, им тоже нужно было отдохнуть.

— Да, русские удивительный народ. — Задумчиво произнес Юрий Григорьевич, который больше молчал в присутствии Джулии. — Если веселиться — чтобы выплескивалась душа наружу, если грустить — чтобы душа выворачивалась наизнанку. Джулия, а вы хотите увидеть грустящего, мечтательного и влюбленного русского? Все одновременно? — Юрий Григорьевич говорил на хорошем английском и его, обычно, напряженное лицо, было сейчас спокойным.

— Конечно! — Немедленно, с искренним душевным порывом, ответила Джулия, возможно, предполагая какой-то игровой конкурс.

— Музыканты ушли отдыхать. Могу я занять место за фортепиано?

— Конечно! — Снова повторила Джулия, но теперь уже с порывом удивления.

Ольга Валентиновна неодобрительно посмотрела на мужа. Но он, как мне показалось, нарочно не взглянул на нее, встал со стула быстро прошел на эстраду и сел за фортепиано. Никто вначале не обратил на него внимания. Только двое русских, с которыми мне так и не удалось найти

контакт, напряженно стали смотреть на сцену, что от меня в этот раз не укрылось. Юрий Григорьевич, сидя за фортепиано, крепко сжал пальцы в кулаки несколько раз, потом сплел и выгнул их в обратную дугу — мне даже показалось, что хрустнули суставы, и осторожным, плавным движением положил их на блестящие клавиши. Послышались первые аккорды мелодии, и в них я узнал «Баркаролу» Чайковского. Зал вначале шумел не слушая его, но задумчивая мелодия постепенно продиралась сквозь гам и невольно головы присутствующих, стали поворачиваться в сторону эстрады. Гул постепенно замирал. Сплав мелодий итальянской созерцательности и русской меланхолии, креп и заполнял собой весь большой зал. Видимо, резкие и бессмысленные ритмы предыдущего этапа веселья, несколько утомили отдыхающих и душа непроизвольно хотела впитать в себя, что-то спокойное и ласковое. Может быть! Не берусь об этом говорить с полной уверенностью, но сейчас зал действительно наслаждался отдыхом. Мягкая мелодия не доводила партнеров до животного отупения гулками ударами барабана и пронизывающим мозги электрическим визгом гитары, а проникала в душу и заставляла всмотреться в себя.

Юрий Григорьевич, несомненно, обладал музыкальным даром и играл неплохо, хотя мне

показалось, что у него были некоторые шероховатости в исполнении. Возможно, я сужу слишком строго его исполнение. Классическую музыку я, обычно, слушаю в записи и иногда в концертных залах в исполнении профессиональных музыкантов. Но все равно, «Баркарола» в исполнении Юрия Григорьевича была неплоха и проникала в души, как луч солнца, неожиданно пробившийся сквозь сплошные грозовые тучи. Это я говорю не в переносном смысле, а в прямом — за пределами ресторана бушевали дождь и гроза. Музыканты оркестра, кто с рюмками, кто с фужерами подошли к сцене и стали вслушиваться в русско-итальянскую мелодию Чайковского. Видимо, и они сами устали от непрерывного грохотания и завывания своих инструментов и их музыкальные души более, чем души отдыхающих, требовали очистительной мелодии.

Юрий Григорьевич закончил играть, аккуратно убрал руки с клавиш, словно вслушиваясь в эхо уходящее от фортепиано, потом резко встал и сразу же пошел со сцены. Но не тут-то было. Оркестранты остановили его, а зал стал хлопать, сначала неуверенно, по отдельности, а потом аплодисменты слились в один рукоплескающий гул. Человеческая душа устроена так, что красивое проникает в нее без всякого сопротивления со стороны мозга, естественным

путем, как любовь! Юрий Григорьевич снова поднялся на сцену и поклонился зрителям, а музыканты начали занимать свои места, разбирая инструменты. Тот, который играл на фортепиано и на электрооргане одновременно, потянул за руку Юрия Григорьевича к своим инструментам, предлагая, тем самым, сыграть вместе с ними. Это было понятно по энергичным движениям итальянца. Зал затихал аплодисментами. Юрий Григорьевич неожиданно, в крайнем случае для меня, уступил итальянцу и снова сел за фортепиано. Клавишник, который тянул его к музыкальному инструменту встал за свой электроорган, стоящий рядом с фортепиано и посмотрел вопросительно на нашего знакомого — что будем исполнять? Остальные музыканты также выжидательно глядели на него, приготовив свои инструменты к работе. Юрий Григорьевич несколько секунд будто бы раздумывал, а потом, начав в медленном темпе, постепенно ускоряясь, заиграл «Калинку». Конечно, эту знаменитую во всем мире песню, знали все. Музыканты осторожно стали включаться в русскую мелодию. Орган создавал общий фон, ударник отбивал русский ритм, электрогитара нащупывала свое соло, духовики приготовились грянуть свой вариант импровизации. Присутствующие смотрели на сцену с нескрываемым интересом — получится ли у них

что-нибудь совместно? Но музыканты были одаренные ребята и без труда входили в русскую мелодию, привнося в нее итальянский колорит и свой буйный темперамент. Немного передохнувшие зрители, вскакивали со своих мест и началась русская пляска. Я схватил за руку Джулию, потянул за собой Ольгу Валентиновну, успел кивнуть жене — вперед за нами и мы прямо здесь же, между столиками организовали хоровод. К нам подбегали другие, разбивали наши руки и становились в круг. Так, все в более убыстряющемся темпе мы стали кружиться вокруг столов. Хоровод становился в диаметре все больше и больше. Всем это нравилось. И все с невероятным удовольствием подпрыгивали, расходились, а потом быстро сходились к центру и здесь замирали на несколько секунд, ощущая биение темпераментных сердец друг друга, чтобы снова быстро разойтись, еще быстрее сойтись и замереть так на несколько секунд, в волнующем прикосновении горячими телами! «Калинку» сменили разудалые «Коробейники», потом пошла разухабистая «Барыня», а потом... и не помню что. Я обратил внимание на пляску тогда, когда русская мелодия стала незаметно переливаться в итальянскую и все узнали бессмертные — «Сердце красавицы, склонно к измене» Верди, «О мое солнце». Но все шло в танцевальном ритме, который становился все медленнее и медленнее и,

наконец, совсем замер.

Возбужденные и задышающиеся танцоры остановились в хороводном беге и обернулись в сторону эстрады. Потные от усердия музыканты, удовлетворенные от сознания того, что импровизация им удалась и завела весь зал, широко улыбались, перебрасываясь между собой довольными фразами. Юрий Григорьевич встал. Он не обращал внимания на музыкантов, которые жали ему руку в знак благодарности за то, что он внес свежую струю в опостылевший танцевальный ритм сегодняшнего вечера и поднимали указательный палец вверх: «Хорошо!» На ходу, отвечая на их рукопожатия и, не глядя на танцующих, которые будто ждали продолжения, он спрыгнул с низенькой эстрады и направился к нашему столику. Мы его встречали аплодисментами. Русская и итальянская народная музыка, которой он, вместе с оркестром, наполнил зал, оказались необычно близки и гармонично дополняли друг друга легкими игривыми итальянскими руладами и четкими озорными русскими перепевами. Все было неожиданно красиво. Джулия была в восторге и, хлопая в ладоши, восклицала:

— Браво! Прима! Я же знала, что русские всегда должны себя показать лучше других! Грациас, синьор Юрио, спасибо! Я от вас ждала чего-то такого, ну ни как то, о чем я рассказывала,

но что-то такое... — От волнения она не могла подобрать нужных слов для выражения своего восторга.

Да, темпераментная Джулия, действительно, была в восторге. Юрий Григорьевич что-то смущенно пробормотал ей в ответ, что было несвойственно ему и мне показалось, что он собой недоволен. Джулия предложила выпить за успех маэстро, как она выразилась. Мы это сделали с удовольствием. Вскоре Джулию позвал Джованни и она, извинившись, ушла по своим делам.

— Юрий Григорьевич. — Обратился я к нему. — Я знаю, что вы творческий человек. Но поверьте, я не ожидал такого совмещения в вас качеств живописца и музыканта... Просто великолепно. В какой сфере творчества вы большой профессионал? Не знаю.

Он в ответ улыбнулся и его смуглое лицо, почему-то, побледнело.

— Вообще-то я профессиональный художник и имею в этом виде творчества высшее образование. А в музыке я любитель, дилетант. Да и играл я с ошибками, особенно Чайковского. А в исполнении классики нужна строгость...

— Да, в классике нужна строгость. — Согласился я с ним, решив не указывать на ошибки в его исполнении. — Но должна быть и индивидуальность. Вот она именно и

присутствовала у вас.

Его жена была, судя по ее выражению лица, была недовольна ответами мужа — сказал что-то лишнее. И он это заметив, перевел разговор на другое:

— Да, погода испортилась. Может быть несколько дней не сможем загорать...

— Нам через четыре дня уезжать. До сегодняшнего дня погода стояла великолепная и такая концовка не испортит нам впечатление от Италии.

— Через четыре дня... — Произнес задумчиво он. — Да быстро время летит. — Неопределенно заключил он.

Снова играла музыка, скакали и извивались в танцах тела отдыхающих, а мы вяло разговаривали друг с другом. Было видно, что наши знакомые чем-то недовольны и вскоре, распрощавшись с нами, отправились к себе в номер. Чуть позже ушли и мы. А еще, чуть раньше нас, ушли к себе и те двое непонятных русских мужчин.

Следующее утро выдалось не дождливым, но пасмурным. Мы со своими земляками встретились за завтраком. Юрий Григорьевич выглядел озабоченным, а его жена встревоженной. Разговор не вязался. Людей за завтраком было немного, видимо, большинство отдыхающих отдыхали после бурной ночи. Я предложил им до обеда посидеть у

меня в номере, побаловаться сухим итальянским вином. Его в этих местах делают просто великолепным — тонкий аромат, а кислинки в самый раз. Самый привередливый гурман останется доволен калабрийским вином.

Юрий Григорьевич согласился — он хотел бы сделать несколько набросков Везувия, который хорошо виден из окон нашего номера. Мы с женой были рады принять их у себя. Еще я обратил внимание на то, что вместо обычного дуэта неразговорчивых русских, на завтраке присутствовал только один из них. Он рассеянно тыкал вилкой в салат, видно, скучал без своего товарища.

В номере Юрий Григорьевич поставил стул в метре от окна и стал карандашом набрасывать этюды. Но Везувий был сегодня плохо виден, пасмурно. Но хочу заметить, что и в ясный день его вид из нашего окна не так романтичен, как вблизи — все-таки Везувий находится далековато от нашего пансионата. Я высказал свою точку зрения по этому вопросу вслух, на что Юрий Григорьевич ответил довольно неожиданно для меня:

— Плохих видов в природе не бывает. Она не предусмотрела в себе некрасивого. Правда, здесь природа ухожена человеком и в ней нет присущей для нее силы. Сентиментальная открытка. Надо мне сейчас сбросить с горы налет искусственности и

показать, каким был Везувий в первозданном виде, много тысячелетий назад. Может быть, до появления человека...

— Да. — Согласился я, пораженный глубиной его рассуждения, но внутренне не согласный с ним. — Но может быть, изображать надо все реалистически — как оно есть на данный момент?

— Да, можно и так писать. Но если хочешь увидеть глубину и тайну Везувия, то этот вулкан необходимо раздеть. Только в этом случае можно докопаться до истины.

— Это ж натурализм? — Возразил я. — Так нельзя писать пейзажи, я имею ввиду природу. Может получится хуже, чем у импрессионистов.

— Не скажите. Импрессионизм, по своей сути, натуралистичен. Он выхватывает из времени один миг возвышения природы. А натурализм? Не знаю. Наша русская природа не требует натуралистичности в изображении, как здесь. Она не приукрашена, естественна и вся ее философская мысль и глубина у тебя перед глазами. Вдумывайся в нее, и размышляй. Поразмышлял, бери и пиши — будет реалистично. Здесь же для реалистической картины надо подчищать природу, чтобы она выглядела естественно. Парадокс цивилизации, чтобы слиться с природой, надо подогнать ее под свою мерку. Может я не прав, но я русский человек и натуралистическое отношение к природе, видимо,

генетически заложено во мне.

Я с ним не спорил, видя, как он торопливо делает наброски и быстро меняет листы с видами Везувия, как будто у него впереди еще не две недели отдыха, а осталось всего несколько часов. Да и признаюсь, что я немного слабоват в понятии импрессионизма, сюрреализма, кубизма и прочих искусствоведческих «измов».

Наши жены разговаривали между собой и мое вмешательство в их разговор не находило у них поддержки, и я вынужден был тыняться по номеру, попивая сухое итальянское вино в одиночку.

Вдруг, лежащий на папке художника мобильный телефон, с которым наш знакомый никогда не расставался, глухо загудел. Следует отметить, что до этого наш знакомый никогда им не пользовался. В крайнем случае, при мне он никогда не звонил и ему не звонили. Впрочем, тогда мобильники у нас только входили в повседневную жизнь. Юрий Григорьевич резко бросился к телефону и приложил его к уху. Я увидел, как сразу же напряглось лицо его жены и она, как и вчера вечером, с выжидательной тревогой стала смотреть на мужа. Вчера в ресторане мне показалось, что она чего-то испугалась — кажется, выхода мужа на эстраду и признания, что он профессиональный художник. Юрий Григорьевич сказал в трубку «Алло!» и потом отключил его, пояснив, глядя в

сторону от нас:

— Видимо какой-то случайный вызов. Ошибка. Никто не говорит по телефону. — Он вернулся к окну и продолжил делать этюды.

Ольга Валентиновна внешне успокоилась и продолжала беседовать с моей женой, бросая быстрые взгляды на мужа, будто чего-то от него ожидая. Минуты через две после звонка, Юрий Григорьевич обратился к ней:

— Оля, ты не помнишь, куда я положил уголь?

— Кажется, в чемодане. — Ответила она. — Или может в папке с рисунками. Не помню точно.

— Не хотел отрываться... — Сказал Юрий Григорьевич. — Но ты чемодан сама не поднимешь. Я схожу я за углем. Извините, я отлучусь на минутку.

Он вышел, но его минутка растянулась минут на пятнадцать. Когда он вернулся обратно, то его лицо было спокойным, до бесстрастности и он, будто бы с упреком, сказал жене:

— Оля! Я все перерыл в номере, но угля не нашел. Куда я его задевал? — Добавил он, как бы сокрушенно. — Ладно, обойдусь без него. — Он снова сел на стул и стал набрасывать карандашом вид далекого Везувия. Но я видел, что работа у него уже не шла. Через несколько минут он отложил все в сторону и сказал:

— Надоело. Давайте лучше выпьем вина.

Я налил ему фужер вина, женщинам тоже и мы выпили. Ольга Валентиновна выглядела рассеянной и невпопад поддерживала наш разговор. Юрий Григорьевич был немногословен, что меня обижало, но я не показывал свою обиду. У каждого свои заботы! За час до обеда они ушли к себе и мы встретились с ними за столиком. Было видно, что Юрий Григорьевич серьезно чем-то озабочен, а его жена встревожена и потому задумчива. За соседним столиком сидел тот же один русский, который, на мой взгляд, обращенный к нему, почему-то занервничал и с вилки стали падать клубки спагетти. Это вызвало у меня смутные подозрения о какой-то взаимосвязи между ним и нашими знакомыми, но в своих подозрениях я пока не мог разобраться.

После обеда мы пошли прогуляться вдоль берега моря и зашли достаточно далеко, болтая о пустяках. Вернулись к себе только к вечеру и до ужина находились в своих номерах. Вечер обещал быть таким же, как и сутки назад, пасмурным, но уже без дождя. Отдыхающие готовились продолжить вчерашние танцы, — погода позволила им днем выспаться. Но мы этот вечер решили не проводить вместе со всеми и, поужинав, ушли. Юрий Григорьевич пригласил нас в свой номер на стакан вина, как он выразился. В номере мы у него

мы уже бывали и, конечно, он был намного лучше нашего.

Мы сидели вчетвером в лоджии, наблюдали сумрачный закат, попивали вино и курили. Почему-то больше всего вспоминали свою такую далекую и неуютную, в отличии от Италии, Россию — одновременно такую близкую и по — матерински душевную. Уже вечерело, когда к нам постучала в двери, вернее позвонила, Джина и спросила — не желают ли синьоры спуститься вниз, там начался вечер танцев. Но мы отказались. Потом в дверь еще кто-то позвонил и Юрий Григорьевич вышел, но сразу же вернулся и извинившись сказал, что должен покинуть нас на несколько минут. Я увидел, как напряглось лицо его жены и умоляюще, чуть ли не со слезами на глазах, она неотрывно стала смотреть на мужа. Но что она хотела ему этим сказать, я не понял, только удивился — какие у него могут здесь быть дела и откуда появились знакомые? Он вышел, а я стал поддерживать разговор с женщинами, стараясь вести его, как можно веселее и беспечнее. Но женщины плохо слушали меня и даже моя жена отвечала рассеянно и невпопад. Но до меня стало доходить, что существует какая-то большая тайна в этой семье. Я в нее не посвящен, но моя жена, как я стал сейчас понимать, знает о ней, но мне о их тайнах не рассказывает. Почему? Удивительно!

Иногда моя жена бывает откровенна со мной. А в эти дни?... Ну что ж, придется поговорить с ней серьезно. С каких это пор она стала такой скрытной?

Юрий Григорьевич вернулся минут через двадцать, хотя обещал отсутствовать несколько минут. Он был явно чем-то озабочен, но весело, скрывая улыбкой неожиданно обрушившиеся на него проблемы, предложил, обращаясь ко всем:

— Давайте выпьем еще по одной... — Он налил в фужеры вина, подал их женщинам и мне. Потом без всякого перехода сказал, глядя на свою жену. — Оля, завтра мы уедем отсюда... — Он не закончил фразы.

— Куда? — Дрогнувшим голосом спросила она и слезы выступили у нее на глазах.

— Конечно же, домой. В Россию. В Москву... — Ответил он, отвернув лицо в сторону моря, чтобы не видеть ее слез. Он ее не успокаивал.

— Снова туда же? — Тихо спросила она.

— Да. — Коротко и жестко ответил он.

Она смахнула пальцами слезинки с глаз и также тихо произнесла со вздохом:

— Хорошо. Хоть детей быстрее увидим. Я за ними так соскучилась... — И она горько заплакала, уже не стесняясь нас.

Все молчали. Нам с женой было неудобно наблюдать непонятную для нас семейную сцену.

Юрий Григорьевич тоже чувствовал себя неловко и его челюсти сжались до такой степени, что резко обозначились все мускулы под кожей лица. Я сказал:

— Извините. Мы пойдем...

Ольга Валентиновна встрепелась и, промокнув платочком слезы, запротестовала:

— Ни в коем случае! Не обращайтесь на меня внимания. Сейчас все пройдет. Давайте лучше выпьем. За расставание, за то, что мы были здесь друзьями и, чтобы мы ими остались в России. — Она быстро поднесла бокал к губам и весь его выпила. Потом произнесла, натянуто улыбаясь. — Вот и все прошло. Это нервы. Скучаю по детям. Мы и правда, засиделись за границей.

Мне показалось, что вначале Юрий Григорьевич был готов с нами расстаться, но после слов жены сказал, обращаясь к нам:

— Не в коем случае, не уходите. Не надо портить наш последний общий вечер из-за слез Оли. Она действительно скучает по детям. Ее материнскую тоску по ним, я испытываю на себе каждый день. — Он натянуто засмеялся. — Давайте и мы, как Оля, выпьем вообще за встречу, за неожиданное расставание и за нашу новую встречу... — За «новую встречу» он произнес неуверенно, но выпил свое вино до дна. Мы с женой поступили также. Юрий Григорьевич вдруг

неожиданно предложил мне:

— Давайте я напишу ваш портрет. Пока карандашом, а потом, может быть, и красками. Но это позже. Вашей жене я оставил портрет, а вам не уделил такого внимания. На прощание...

Я согласился и мы прошли из лоджии в гостиную номера. Он включил торшер, взял лист бумаги и без лишних слов стал на нем набрасывать мой портрет. Но меня, менее всего, интересовал сейчас мой портрет. Меня мучило неумное любопытство — кто же он такой? Почему они со своей женой, что-то тщательно скрывают от других? Не договаривают. Какая у них тайна? У меня появилось не просто любопытство, а настоящий зуд любопытства, от которого я не мог усидеть на месте. И я спросил, как бы между прочим, художника:

— Юрий Григорьевич! — Он не ответил на мое обращение. Но я был настырен, как никогда. — Не помешаю ли я вашему творчеству, если буду одновременно разговаривать с вами?

— Нет. — Ответил он неохотно.

Я обдумывал какой задать вопрос, чтобы бы не оттолкнуть им его от себя и одновременно заставить раскрыться:

— Я вот все думаю? Чего в вас больше — музыки или живописи? Но не могу понять. Но творческая натура у вас явно преобладает над

деловой. Может я ошибаюсь?

Юрий Григорьевич, не ответив на мои вопросы, молча протянул лист с моим портретом. Я стал его рассматривать его и сделал заключение:

— Очень хорошо вы меня изобразили. Но все-таки по натуре вы больше художник, чем бизнесмен. — Продолжал я гнуть свою линию.

— Да, вы правы. — Почему-то легко согласился он. — Я вам уже говорил. В живописи я имею высшее образование. Так что, здесь я профессионал. А музыка мое хобби. Кто-то сказал, музыка — это краски мелодий, а живопись — мелодии красок. Эти виды творчества тесно взаимосвязаны, их нельзя делить. Но, мне как профессиональному художнику, кажется, что живопись глубже. Живопись заставляет думать, а музыка — заставляет переживать. Но это мое субъективное мнение, как художника. Музыку и живопись, при желании, можно не рассматривать по отдельности. Это еще Мусоргский показал. Несомненно, вы слушали его «Картинки с выставки»?

— Конечно. — Согласился я с ним, но продолжал навязывать свою линию собеседнику, чтобы заставить его раскрыться. Мне это было сейчас очень важно и любопытство буквально съедало меня. Я чувствовал, что за его талантами скрывается, что-то более серьезное и глубокое.

Иногда такое чутье просыпается у меня, как у писателя. — И как вы можете совмещать рутинную работу банкира и талант художника? Не пойму?

Юрий Григорьевич с тонкой, понимающей улыбкой поглядел на меня и ответил:

— Я вижу куда вы клоните. Хотите обо мне узнать, кто я? Хорошо. Я вам откроюсь, кто я! Но, если вы не упадете немедленно в обморок, то прошу вас не покидать нас резко и презрительно.

Он задумался, собираясь с мыслями и духом. Пальцы непрерывно крутили карандаш и, посмотрев мне прямо в глаза, грустно улыбнувшись, решил:

— Да, я банкир, бизнесмен, художник. Но кроме этого я, как говорят и пишут в России и здесь в Италии, откуда и пришло к нам это страшное слово, я, в некоторой степени — мафиози!

Обморок, от его откровенного признания, со мной не случился. Но я был поражен его неожиданным ответом и откинулся в кресле. Он заметил мое произвольное отрицательное, по отношению к нему, движение и еще более грустно усмехнулся:

— Я ж говорил, что после моего признания, вы захотите держаться не просто от меня подальше, но и перестанете смотреть на меня. Забудете, что были знакомы... Для вас я теперь стал прокаженным. — Он глубоко вздохнул и закурил

сигарету.

— Нет, нет... — Вяло возразил я.

Мне было стыдно, прежде всего, самому перед собой. Я считал себя великим знатоком человеческих душ, способным с первого взгляда все распознать, все понять, «сквозь землю три метра видеть» и так обломался. Видимо, никудашний я писатель, мелькнуло у меня в голове. Должен же я знать, что сейчас и мафиози являются талантливыми людьми. Недаром многие деятели искусств занялись бизнесом. Здесь можно проявить те свои лучшие качества, которые оказались не востребованными на творческой ниве. А полностью реализовать себя — мечта каждого артиста и художника. А бизнес сродни искусству, может, даже выше... Тонкий артистизм иллюзиониста и тяжелая хватка банкира, как показал творческо-деловой опыт России, не просто сродни, а своей неразделимой взаимосвязанностью, органически дополняют друг друга. Чтобы делать деньги из ничего, необходим высочайший артистизм, виртуозное умение делать все вслепую, то есть не обращать внимания на восторженных или возмущенных зрителей.

И я продолжал лепетать что-то невпопад.

— Просто не вериться... — Я произнес это, приходя в себя от шока после признания собеседника.

— Если я вас напугал, то извините. — Спокойно курил сигарету Юрий Григорьевич. — Хочу несколько сгладить вашу неприязнь ко мне и признаюсь — я не просто мафиози, а например, еще и Монте-Кристо.

— Граф? — Удивленно вытаращил я на него глаза. За эту минуту я получил несколько душевных потрясений.

— Нет, не граф. Просто Монте-Кристо. Можно сказать — русский Монте-Кристо.

— Монте-Кристо, Монте-Кристо... — Выговаривал я бессмысленно, одновременно собираясь с мыслями. — Не понимаю. Может быть вы мне проясните, как совместить — благородную месть Монте-Кристо и беспримерную жестокость мафиози? Приоткройте немного тайну своей жизни?

— Об этом долго и много придется рассказывать. Не хватит сегодняшней ночи, тем более, для нас она последняя. Вы писатель и вам, конечно же, интересно узнать что-нибудь новое о людях, а может найти сюжет для книги. Но мне известность не нужна, она несовместима с моей профессией. В историю попасть? Так я уже в нее влип. Единственное, почему я могу рассказать кому-то историю своей жизни и почему я дошел до такой жизни, — Подчеркнул эту фразу мой собеседник, — мне нужно собрать воедино

прошлое. Когда думаю о своей жизни наедине с самим собой, то цельности не получается — отдельные эпизоды. Может быть, и стоит приоткрыть именно вам историю своей жизни и мои воспоминания, реализованные в слова, придадут законченность моим размышлениям. — Вслух думал Юрий Григорьевич, глядя мимо меня. Видимо в его голове уже вихрем проносилась его жизнь. — Тем более вы сами просите рассказать... Вы первый человек, который вот так прямо просит об этом.

— Я знаю, что бываю иногда наивным, но может быть это и хорошо. Я готов вас слушать. — Поспешно согласился я, чтобы он не успел передумать. — Не каждому писателю удастся услышать из первых уст историю, как вы сами себя охарактеризовали, мафиози, художника и музыканта, банкира и бизнесмена. И все одновременно, в одном лице.

— Да вы правы — профессий у меня много, а хотелось бы иметь только одно творчество. Я попытаюсь изложить историю своей жизни, как можно объективнее, если вообще человек обладает таким качеством. Но когда излагаешь свою жизнь, объективным быть очень тяжело. Быть к самому себе объективным просто невозможно, всегда найдется оправдание не только мелким, но и крупным проступкам. Вы, как писатель, это

понимаете.

— Да, несомненно.

— Я знал, что мне когда-то придется излить другому свою душу. Это обязательное чувство каждого человека, каким бы он плохим ни был. В отличие от меня, у хороших людей всегда найдутся хроникеры и жизнеописатели. Кто-то и при своей жизни хочет прославиться и пишет мемуары. Или за его деньги, ему напишут восторженный опус, какой он хороший и почему необходимо любить и молиться на него еще при жизни. Он осчастливил человечество только своим появлением на свет, а его деятельность, сродни мессианству, и всюду он прав, а остальные — наоборот. Обо мне, вряд ли, кто напишет такое при жизни, тем более хорошее. Только после смерти может появиться строчка в газетной хронике. Наконец-то такой умер... Но когда-то раскрыться надо, как бы ни были тяжелы признания. Кажется вы, как писатель, удовлетворяете меня в желании раскрыться вам. — Он налил мне и себе в фужеры вина, поднял бокал и произнес, вроде бы, как тост. — Тогда с богом! Начнем!

Мы выпили до дна бордовое, кисловатое вино. Он за то, чтобы все мне рассказать, я за то, чтобы все выслушать. Так я понял содержание его короткого тоста. Юрий Григорьевич поставил фужер на столик снова внимательно и, даже

грустно, посмотрел на меня и сказал вместо предисловия:

— Если вам станет неинтересно меня слушать, можете мне об этом сказать прямо или просто под каким-то предлогом уйти и больше сюда не возвращаться. Я не обижусь и мстить вам не буду. Мне и так уже пришлось отомстить многим. Договорились?

— Я надеюсь вас выслушать до конца. — Ответил я нетерпеливо. — Может в вашей жизни больше от Монте-Кристо, чем от мафиози? Поэтому, не давайте сами себе убийственных оценок. Их сделают другие. Я вас слушаю, русский Монте-Кристо!

Он благодарно, впервые за все время нашего разговора, улыбнулся в ответ на мои слова и, произнес размышляя:

— С чего начать? Прожито, вроде, немало — пережито, намного, больше. С чего же начать? Давайте я начну с самого начала, с того времени, как я появился на свет и как я, выражаясь казенным языком, дошел до такой жизни. — Он грустно улыбнулся, отдаваясь волне нелегких воспоминаний. — Можно начинать? — Спросил он, почему-то, разрешения, видимо, до сих пор неуверенный, что поступает правильно, доверяя мне историю своей жизни.

— Конечно же, русский Монте-Кристо. —

Ободряюще ответил я. — Жизнь — это свет и тьма. Не каждому суждено распознать человека. И не каждый человек позволяет заглянуть другому в потемки своей души. Вперед, русский Монте-Кристо!

Часть 1

1

Я родился через пять лет после войны. Родители мои были учителями — папа преподавал историю, мама — русский язык и литературу. Сказать, что я был поздним ребенком — нельзя, хотя моим родителям, в момент появления меня на свет, было ближе к сорока годам, чем к тридцати. Но у меня есть сестра Наташа, которая родилась перед войной и старше меня на десять лет — вот такая разница в годах между нами. Позже, я узнал от нее, что отец, вернувшись с фронта, очень хотел иметь мальчика. Видимо, такова потребность фронтовиков — доказать смерти, что мужчины никогда не переведутся на земле, несмотря на безумства правителей всех мастей и марок. Возможно, рождением сыновей фронтовики хотят возместить долг женщинам, которые остались вдовами или вообще незамужними из-за нехватки мужчин, погибших на войне из-за чьих-то

безразмерных амбиций. Как можете убедиться я, по своим взглядам, пацифист. Так вот, не так давно сестра мне рассказала, что две послевоенных беременности у матери закончились неудачно и третья была последним шансом для семьи — быть новому мужчине в нашей семье или не быть. Если бы я и в этот раз не появился на свет, то мои родители прекратили бы попытки заиметь сына. Такую информацию о сложностях появления меня на свет, я получил от своей старшей сестры и, повторюсь, совсем недавно.

Но я появился на свет и, конечно же, это была огромнейшая радость для моих прекрасных родителей — они во мне души не чаяли. Собственно говоря, как и я в них. Я рос здоровым ребенком. Как положено, переболел всеми детскими болезнями, но без серьезных для себя последствий. Рос послушным ребенком и приносил своим родителям совсем немного огорчений, в отличие, от других мальчишек во дворе. Детский садик я не посещал. До школы рядом со мной всегда были мама и сестра. Папа, к этому времени, стал директором школы, зарплаты хватало и мама вела немного уроков, тем более после моего рождения, у нее начало побаливать сердце. А когда мама и папа были одновременно оба на работе, со мной находилась сестра Наташа, моя, как бы вторая мама. Всегда их могли подменить дедушка и

бабушка по отцовской линии. Бабушка и дедушка по матери погибли в оккупации. Но родители отца умерли один за другим, когда я еще был маленьким. Так что воспоминания о них, у меня остались самые скудные.

Вот так я рос в детстве. Повторюсь, был послушным, домашним ребенком. Плохих поступков, как вспоминают обо мне другие, в детстве почти не совершал, не считая детских шалостей. А какой ребенок без них вырастает? Но у меня было одно, я считаю, отрицательное качество, — чрезмерное упрямство. Если я был убежден, что-то надо делать именно так, а не иначе — меня было трудно переубедить. Но это в тех случаях, когда что-то касалось лично меня, а в основном, мне всегда можно было доказать, что такое хорошо, а что такое — плохо. Как я понимаю, в моем характере весьма много присутствует индивидуалистического. Мои родители воспитывали меня всегда словесно, приводили много примеров из жизни каких-то юных героев, исторические и литературные примеры и убеждали меня, что в этом я, не прав. Ни разу в жизни меня не хлопнули по попе за упрямство или шалости — все-таки педагоги. Зато, став взрослым, я получил всякого рода наказаний сполна, с лихвой компенсирующих мое, без всяких натяжек, счастливое детство. Когда я был сильно разобижен

на родителей, то надув губы, уходил в комнату своей сестры — ложился к ней в постель и она окончательно переубедила меня в моей неправоте. Эта привычка искать утешения у сестры, в случае обиды, сохранилась у меня на всю жизнь. Но сейчас я не могу ей всего доверять, учитывая специфику своей деятельности, хотя она до сих пор считает нужным меня в чем-то наставлять. К сожалению, мы с ней встречаемся сейчас, достаточно, редко.

Наша семья была замечательная и сейчас, иногда без слез, не могу вспоминать моих добрых мать и отца, и жестоко обвиняю себя — зачем я принес им столько огорчений и укоротил их жизнь, будучи взрослым. Мои родители — мой идеал родителей и самая большая боль моей души.

Мы жили в небольшом, старинном областном городке севернее-западнее столицы. С детства я начал получать прекрасное семейное образование. Так, всей семьей мы, еще до моей школы, обошли все музеи города, древние православные церкви, памятные места. Обычно папа, а он историк, рассказывал о прошедших событиях, мама дополняла литературными примерами. Почти, каждый год летом, куда-то ездили отдыхать, то на Черное море, то к родственникам в Москву, Ленинград, Сибирь... Много прекрасного я успел посмотреть в детстве.

Долгими зимними вечерами, а тогда

телевизоров еще не было, мы всей семьей вслух читали книги, обсуждали их вчетвером — как об этом приятно сейчас вспоминать! Наташа посещала музыкальную школу и училась играть на фортепиано. У нас в одной из комнат стояло черное блестящее пианино и Наташа извлекала из него красивые звуки. Моя сестра унаследовала от родителей несомненный педагогический дар и считала своим долгом обучать меня всему тому, что умела сама. Она стала учить меня игре на этом инструменте. Но противные гаммы мне разучивать не хотелось, я от них шарахался в сторону. А вот приятные для слуха мелодии, мне очень нравились и я хотел играть только их. Музыкальный слух у меня есть, как вы сами вчера убедились. Сначала одним пальчиком я извлекал звуки из этого черного, блестящего комода, а потом сестра поставила мне пальцы, как выражаются музыканты, и мы с ней еще до школы наигрывали в четыре руки простенькие песенки и во все горло пели. А петь я тоже любил потому, что пели в нашей семье все, не только в часы дружеских застолий, когда собирались взрослые отметить праздник, но и семьей по вечерам. Так мы коротали наши северные зимние вечера. Так я получил уже в детстве прекрасное просветительское и культурное образование.

Но у меня была еще одна страсть, которая

стала смыслом дальнейшей моей жизни — рисование. Как рассказывает, снова же моя сестра, еще младенцем, только научившись ходить, я мог подолгу стоять и разглядывать рисунки на обоях, стараясь постичь их бессмысленный смысл. Много времени посвящал рассматриванию картинок в книгах, а домашняя библиотека у нас, по тем временам, была неплохая. А потом взял в руки карандаши сестры и начал подрисовывать орнаменты на обоях, стараясь сделать их красивее и понятнее себе и всем, отчего у меня постоянно возникали ссоры с родителями. Но я упрямо хотел сделать наши стены более живыми и красочными. Потом рисовал на листочках бумаги и уже к школе у меня получалось неплохо в перерисовывании разных картинок. Главное — было похоже. Хотя, критично отмечу, чтобы не подумали обо мне, как о вундеркинде — до настоящего сходства было далеко, но я добросовестно копировал то, за что брался.

Так уж получилось — когда я пошел в школу, сестра поступила в педагогический институт нашего городка. Заниматься дальше музыкой она не захотела, а пошла по маминым следам, учиться на филолога. Мама с папой хотели ее отговорить от этой специальности, приводили конкретный пример — посмотри, как мама сидит каждый день за проверкой диктантов и сочинений, теряет время, а

за это почти не платят, лучше будь историком — там не надо проверять тетради... Но моя сестра, видимо тоже, как и я, бывала иногда упрямой и выбрала филологию.

Но, поступив в институт, сестра, как будущий педагог посчитала, что теперь должна меня воспитывать более целенаправленно и взяла надо мной шефство по обучению игре на фортепиано. Она меня стала водить в музыкальную школу. Следила, чтобы и дома я занимался музыкой, а заодно проверяла мои школьные тетради, помогала мне разбираться в моих учебниках, чтобы я все понимал и хорошо учился. Великолепная у меня сестра Наташа! Но я, как и прежде, старался гаммы не играть, а сразу же замахивался на серьезные вещи. Так, как у меня, повторюсь, есть музыкальный слух и прекрасная память, то я выучил достаточно много известных произведений и, как вы убедились, не забыл их до сих пор. Я и сейчас дома постоянно что-нибудь наигрываю на фортепиано, для себя, чтобы отдохнуть и сменить настроение, для Ольги, для детей, ну и для редких друзей. Позже я научился играть и на гитаре. Но после определенного периода своей жизни я охладел к этому инструменту — пение под гитару сильно задевает за живое.

Моя судьба, как я думаю, круто изменилась еще в первом классе, накануне нового года. В то

время страна была бедной, вы это сами знаете, но тем не менее, в школе работали различные кружки: технические, музыкальные — я еще пел в школьном хоре; изобразительного искусства, а еще физкультурные-всех кружков и не упомяну. Директором школы был мой папа, подчеркиваю это. Так вот, под новый год зашел я в актовый зал, который празднично оформляли к новогоднему балу и утренникам. Ребята старших классов под руководством учителя рисования писали на больших листах ватмана картины. Некоторые из полотен были по несколько метров в длину и ширину. Это были красивые картины из сказочной жизни. Я с замиранием сердца смотрел, как из гуаши появлялись яркие, красочные образы Деда Мороза, Снегурочки, Царевны Несмеяны, Бабы-Яги, Кащей, всяких зверушек. Я зачарованно переходил от одной картины к другой, разложенных прямо на полу, на разутых юных художников и их руководителя, которые осторожно ходили в носках по огромным листам бумаги, чтобы не порвать их и не выпачкать. Подойдя к учителю рисования я смотрел, как он на корточках переступает по картине, делая наброски карандашом и я не выдержав подсказал ему:

— Вот волк несет царевну, а за кустиком надо изобразить зайца, как он подсматривает, куда бежит волк.

Учитель посмотрел на меня, такого малыша, и неожиданно согласился:

— Да, можно подрисовать зайца. Васнецов до этого не додумался.

И он действительно дорисовал за кустиком мордочку зайца с длинными ушами. А потом ученики по его контурам наносили краску. А я с замиранием сердца наблюдал, как закрашивается моя подсказка. Учитель, видимо, заметил мой неподдельный интерес к рисованию и сказал:

— Не хочешь ли сам попробовать что-нибудь нарисовать?

— Хочу! — Испуганно закричал я, не ожидая такого подарка под новый год.

Он дал мне лист ватмана — метр на метр. Я такие большие картины никогда еще не рисовал. В последнее время, в связи с музыкой и жестким контролем со стороны сестры за моими занятиями, совсем забросил рисование. И вот, усевшись прямо на бумагу, я стал думать-что же нарисовать? Потом решил — Снегурочку, с добрыми зверями. Но у меня не получалось, стирал резинкой нарисованное и снова старательно что-то черкал, и в конце-концов расплакался от собственного бессилия. Учитель подошел ко мне и, увидев мои слезы, предложил:

— Возьми ватман с собой и дома нарисуешь карандашом свою Снегурочку и еще, что наметил.

А завтра принесешь сюда и мы раскрасим твой рисунок. — И он неожиданно меня похвалил. — У тебя, мальчик, получается рисовать. Наверное, есть фантазия...

Ватман завернули рулоном в газету и я помчался домой. Вечером мне не надо было идти в музыкалку и я, ползая по полу сопел и рисовал, снова черкал и стирал. Но Снегурочка мне не нравилась. И вот тогда ко мне подошла сестра и стала подсказывать, как лучше сделать рисунок. Я взглянул на нее и кажется впервые увидел, что Наташа у меня красавица. До этого вечера она была просто сестрой и я не замечал ее красоты. Я аж замер от такого неожиданного для меня открытия и приказал ей:

— Стой и не шевелись! Ты, такая Наташка, красивая, как Снегурочка, которую я хочу нарисовать. Я тебя нарисую Снегурочкой! Стой и не шевелись!

Она, кажется, немного растерялась от моего приказа — в таком тоне я никогда с ней разговаривал, покраснела от моего признания ее красоты, но выполнила мою просьбу. Я ее изобразил в анфас. Снегурочка получилась достаточно похожей на мою сестру, что отметили мои родители. А моя семья была моим первым критиком, очень объективным и доброжелательным.

На следующий день я раскрасил картину и учитель рисования тоже, как и родители, меня похвалил и предложил ходить на занятия изобразительного кружка, который он вел. Да, тот новый год переменял мою судьбу, сделал целенаправленной мою жизнь. Я понял, что теперь стану художником.

Моя первая учительница вела все предметы, в том числе и рисование и, поэтому, не могла мне помочь в овладении живописью. Хочу заметить — она была прекрасной учительницей, но было время, когда учителям начальных классов приходилось учить нас всему. Мне, вообще-то в детстве, да и в юности повезло с наставниками — все они были добрыми и мудрыми людьми.

Так я стал посещать изобразительный кружок, которым руководил наш учитель рисования и именно он начал мое формирование, как художника. Но немного опишу своего детского наставника. Это была колоритная фигура в своем уродстве. Его образ впечатался на всю жизнь в мою память. Не удивляйтесь, если вам что-то в его образе покажется не реалистичным, а фантастичным. Я нисколько не преувеличиваю, не довожу до гротеска его портрет. Звали его Николай Иванович. Он был фронтовиком и война покалечила его страшно. У него не было правой руки по плечо, на левой руке — культяпка, где

торчал только один указательный палец огромного размера, а остальные пальцы отсутствовали или остались огрызки. На правом глазе было бельмо и видел ли он им — не знаю. Длинные седые волосы скрывали отсутствие одного уха... Может быть вы не поверите, но это его действительный портрет. Где ему все перечисленное оторвало, в каком бою, он никогда никому из учеников не рассказывал. К тому же он был немногословным человеком, углубленным в себя. Как я сейчас понимаю, классным художником он не стал только в силу того, что был калека — без правой руки многого не сделаешь, а у него, несомненно, было призвание художника и педагога. Так я попал в руки этого замечательного человека, которого боготворил тогда, и вспоминаю с огромной теплотой сейчас.

Когда я перешел в четвертый класс, Николай Иванович ушел работать в художественную школу, которая была в нашем городе. Я стал ходить к нему туда, показывать свои рисунки, а он советовал мне, что и как нужно делать, давал задания. Закончив четвертый класс я заявил, что бросаю музыкальную школу — играть на фортепиано я уже умел неплохо — это по отзывам моих музыкальных учителей, которые хотели, чтобы я продолжал заниматься музыкой. Но мое природное упрямство предпочло живопись, музыке. Родители понимали, что две дополнительные школы я не потяну и сильно не

возражали, чтобы я теперь посещал художественную школу и занимался живописью. Они видели, что я всерьез ею увлекся. Сестра, в это время, готовилась к свадьбе и ее воспитательное воздействие на меня, если так можно трафаретно выразиться, ослабло. Ей было не до меня.

Так я стал учиться параллельно с обычной школой, в художественной и познавать азы изобразительного творчества. К тому времени, для своего возраста, я писал хорошие картинки, а Николай Иванович немногословно, но профессионально лепил из меня художника. Когда я заканчивал седьмой класс умер Николай Иванович — сказались-таки фронтовые невзгоды и ранения. И вот на его похоронах я впервые осознал, как страшно потерять любимого учителя, друга, не побоюсь этого слова, применительно к человеку намного старше меня. Я плакал тогда безудержно, будто у меня отняли самое дорогое. После похорон, я по памяти написал портрет Николая Ивановича, где изобразил его на поле боя с автоматом и гранатой в руках. С этого момента я возненавидел войну осознанно, соприкоснувшись с ней близко в образе своего учителя. Портрет Николая Ивановича повесили на стене в том классе, где он проводил с нами занятия. Смерть этого человека была для меня первым жестоким ударом в жизни.

Вот, пожалуй, и все о детстве. Я хотел

рассказать о нем немного, но как видите, получилось довольно пространно. Но хочу подчеркнуть, что в детстве я рос честным, глубоко порядочным, чистым мальчиком. При такой школьной и творческой нагрузке у меня не было лишнего времени, чтобы просто болтаться по улицам и дворам, не говоря о том, чтобы хулиганить. Я выбрал свой дальнейший путь и подчинил свою жизнь его величеству — художественному творчеству!

Как видите, во мне не было генетической предрасположенности к преступлениям. Мои родители, глубоко интеллигентные люди, вложили в меня все необходимое для порядочной жизни. Если бы мне тогда, кто-то предсказал, что я проведу десять лет в тюрьмах и зонах Урала и Колымы, я бы никогда не поверил этому пророчеству и только бы улыбнулся, как воспитанный мальчик, посчитав все завистничеством или шуткой. А, если бы о моем будущем рассказали тем, кто знал меня, они, наверное, бы рассмеялись над такой нелепицей, зная меня, как интеллигентного мальчика и благоразумного человека. Но тогда провидцев не было, в отличие от сегодняшнего дня, и никто не мог предупредить меня о злом роке, висящим над моей судьбой.

...Юрий Григорьевич, дрожащими пальцами, нервно достал сигарету и прикурил от зажигалки.

Видимо, непросто давались ему детские воспоминания и спросил, выжидательно глядя на меня:

— Не скучно вам слушать мою исповедь?

— Нет. Даже очень интересно сравнивать парадоксы вашего детства и нынешнего положения. Вы полностью человек искусства: музыка, живопись... Вы действительно были на Колыме? — Недоверчиво спросил я, не закончив предыдущей мысли.

— Да. Семь лет с гаком. Почти восемь... — Юрий Григорьевич налил в фужер немного вина и отпил. — Действительно парадоксы, так называемой, судьбы. Если она вообще существует. — Он замолчал, углубясь в собственное «я».

Женщины разговаривали между собой в лоджии, не обращая внимания на нас. Темнело. Над морем ветер разорвал тучи и в обрамлении их темного фона проблескивали ультрамариновые пятна неба. Завтра обещало хорошую погоду. Молчание затягивалось и я, как можно мягче, спросил Юрия Григорьевича:

— Вы могли бы продолжить свой рассказ дальше? Как из вас получился Монте-Кристо?

— Да, конечно. Раз я начал свою исповедь, то должен довести ее до конца. Повторюсь, когда-то надо было решиться на нее, чтобы осознать самого

себя, хотя бы частично. И здесь необходим судья. Продолжаю. Слушайте.

2

Когда я закончил восемь классов, то решил поступить в художественное училище, которое было в нашем городе. Родители энергично возражали, все-таки я учился в средней школе неплохо и мог бы без проблем закончить десятилетку, а может быть и с медалью — папа все-таки был директором этой школы и мне ничего не стоило немного поднажать, чтобы выйти в отличники. Хорошистом я был всегда. Но этим я хочу подчеркнуть, что мой папа — директор школы не влиял на мои оценки и не давил на учителей в этом плане. Я был и сам достаточно сообразительным, дисциплинированным учеником и, не пользовался положением отца в отношениях с учителями.

Но мои родители знали мое упрямство, несмотря на внешнюю покладистость и уступчивость. У мамы к этому времени стало еще больше барахлить сердце и она ушла на небольшую пенсию по выслуге лет. Сестра жила отдельно и к этому времени у нее было двое маленьких детей — мои племянница и грудной племянник, которых я очень любил, особенно, когда они стали подрастать.

Они с такой же любовью относились ко мне. Но ее мужа я не любил — сначала комсомольского, потом партийного работника. Не нравилось мне двуличие не только его, но и всей категории этих людей. Дома он мог разглагольствовать, что народ надо воспитывать, окультуривать, как он выражался, а сам через день или каждый день приходил домой пьяным, объясняя сестре пьянки встречей или проводами какой-либо комиссии или делегации. И внушал ей, что он функционер и сам себе не принадлежит. Отец у меня почти не пил, только мог немного позволить себе спиртного в компании с друзьями. Но его никогда не видели пьяным. Я, естественно, брал с него пример и тоже не мог терпеть пьянство. А зять пил по должности, что мне не нравилось. Он мог рассуждать о социалистическом реализме, а сам, если раз в год ходил в наш местный театр, то и хорошо, а художественные выставки или музеи он, кажется, ни разу не посетил, в крайнем случае, пока я жил там. Но он умел рассуждать, как истинный меломан. А это меня просто бесило. Я иногда нарочно доводил его своими безыдейными взглядами до белого каления и он кричал на меня, что все художники не понимают культурных запросов народа. Но тем не менее, он рос по служебной лестнице и достаточно быстро. Но сестру я продолжал любить той же любовью,

которая у меня осталась с детства. И она отвечала взаимной сестринской любовью и подсказывала, что делать, с целью избежания мною ошибок в жизни, успокаивала, когда мне было плохо.

Я без проблем поступил в художественное училище. Учился легко и непринужденно — все-таки занимался любимым делом. Это была другая юношеская среда в сравнении со школьной — больше вольностей. Свободное время проводили беззаботно в спорах, походах в ближайшие леса, песнях у костра. Я научился играть на гитаре и хотя лидером в компаниях никогда не был, ко мне тянулись многие сверстники.

Отец, в это время, получил участок земли под дачу и мы с ним вдвоем его застроили — маленький домик, садик, огород. Зять не мог помогать в силу своей занятости с утра до позднего вечера в обкоме партии. А племянники были еще малы. Матери необходимо было больше находиться на свежем воздухе и она с удовольствием копалась в земле. Я разрисовал все стены домика собственными фантазиями и это всем нравилось, кроме партийного зятя, который считал мои картины нереалистичными. Но я к этому времени с ним не спорил — свои фантазии невозможно вложить в чужую голову, которая к тому же их не воспринимает. Но он любил по выходным дням отдыхать на нашей даче. Эта дача с моими

картинами сохранилась до сих пор. Сестра сохранила часть моих юношеских художественных произведений, хотя позже, уже без меня, к дачному домику был приделан второй этаж и пришлось внутренние стены ломать. Но сестра все-таки оставила память обо мне в том домике.

Закончив художественное училище я знал, куда пойду учиться дальше — в суриковский институт. Я его выбрал потому, что считал самым лучшим в стране. Я поехал в Москву. Творческий конкурс прошел великолепно, но когда начались экзамены по общеобразовательным предметам, положение изменилось. Там, где я по-моему мнению отвечал на отлично, в крайнем случае на четверку — мне ставили тройку. Нельзя сказать, что я не готовился к поступлению, наоборот, я знал лучше и побольше некоторых абитуриентов, но был менее удачлив на экзаменах. Потом узнал, как поступают в такие институты, но тогда еще я не знал всей подноготной жизни. По конкурсу я в институт не попал и пожалел о том, что не закончил училище с золотой медалью, а все возможности для этого у меня были. Но я себя успокаивал, что набирают студентов немного, конкурс большой. Рядом со мной поступали в институт не только после армии, но и мужики за тридцать лет и я говорил сам себе — им нужнее, а ты еще успеешь. Когда я забирал в приемной комиссии документы,

мне посоветовали отслужить в армии, а потом приходиться поступать — отношение к армейцам доброжелательное. Также я познакомился со многими ребятами. Это знакомство с некоторыми продолжилось позже и, к сожалению, несчастливо для меня.

По возвращении домой, отец взял меня к себе в школу учителем рисования, так у меня появился небольшой педагогический стаж. Через два месяца меня призвали в армию. Я шел служить с желанием. Не потому, что так посоветовали мне в суриковском институте, а для того чтобы узнать побольше жизнь. Это необходимо любому художнику — знать жизнь, но конечно не в таком объеме, в котором познал ее я.

Служил в элитных, воздушно-десантных войсках. Здесь я впервые ощутил недостатки и выгоды своей профессии. После окончания курса молодого бойца, я получил назначение не в боевое подразделение, а в клуб художником или оформителем — кто как называл эту должность. В мои обязанности входило оформление стендов, посвященных авангардной роли партии, добросовестной службе, бдительности и так далее. Серьезной живописной работы не было, если не считать того, что я писал портреты командиров и своих сослуживцев. Но в основном карандашом, реже маслом, да еще делал этюды, чтобы не

разучиться технике живописи. Я никогда не был слабым парнем, а в армии еще более физически окреп. Постоянно занимался не только физзарядкой, а вечерами вместе с настоящими десантниками, к которым я благодаря своей профессии художника не относился, занимался со штангой, работал на гимнастических снарядах, участвовал в боевых единоборствах. За два года я накачал мышцы, заимел неплохую фигуру и главное, мог дать отпор любому, посягнувшему на меня. Знание боевых приемов мне пригодилось в дальнейшей борьбе за выживание. Служил я добросовестно, даже съездил раз домой в отпуск. Но все-таки настоящим солдатом я себя не считаю, служба прошла у меня легче, чем у других моих товарищей.

Демобилизовался я из армии в сержантском звании, в начале декабря и передо мной встал вечный для всех вопрос — что дальше? Что делать? Но к тому времени я уже твердо решил — буду снова поступать в суриковский институт. Мои родители отговаривали меня, но я был непреклонен и они смирились, согласившись, что я уеду от них и буду жить в Москве, готовиться к вступительным экзаменам.

Но Москва встретила меня неприветливо. На только что открывшиеся подготовительные курсы я не успел поступить. Но знакомые мне посоветовали

ходить на занятия вольнослушателем, благо это тогда еще разрешалось, что я и сделал. Но встал ребром вопрос — как заработать деньги? А они нужны были на питание, квартиру, оплату занятий и покупки материалов для рисования. Родители мне ежемесячно высылали по пятьдесят рублей, но этого было мало. Я мог бы попросить у них больше и мне бы они не отказали. Но было стыдно жить на попечении старых родителей.

Нас, таких малообеспеченных романтиков, набралось с десятков человек. Жили мы на квартирах, обычно, в частных домиках на окраинах еще той старой Москвы, начала семидесятых годов. Ныне эти деревеньки снесены и на их местах высятся уродливые многоэтажки. Организовали бригаду грузчиков и ходили разгружать вагоны на железнодорожных станциях, работать в речном порту и еще, где придется. Но основными местами приложения нашей физической силы были железная дорога и речной транспорт. Зарабатывали по-разному — от пяти до двенадцати рублей в смену, в зависимости от объема работы. Но тогда и червонец стоил многого, на него можно было жить неделю. Если говорить в сравнении, то я, как и другие мои товарищи, прошли тот же путь известных русских художников. Но те жили при царизме и им кто-то меценатствовал, а мы при социализме и лезли в творчество сами, без всякой

помощи со стороны. Но уныния у меня не было — была жажда жить и заниматься любимым делом.

И вот тут судьба свела меня с одним человеком, который впоследствии сыграл роковую роль в моей жизни, заставил ходить, как говорится, по мукам, в результате чего я стал тем, каким я есть сейчас. Мы познакомились с ним два года назад, когда я первый раз поступал в институт. Фамилия была его Горенков, звали — Эдуард или просто Эдик. Он был москвич, жил с матерью, которая занимала достаточно высокую должность на «Мосфильме», отчим был художником той же студии. Родного отца он, как я понял, практически не знал, тот работал где-то режиссером в провинциальном театре. В эту семью я позже стал вхож и, поэтому знал некоторые подробности их семейной жизни.

Эдик был несколько рафинированным человеком, сухощавым, среднего роста, с постоянно белым, а иногда бледным цветом лица — анемичная личность, которые часто встречаются в кругу людей нашей профессии. Он был со многими знаком, но своих товарищей из студентов держал, как бы на расстоянии, не входя с ними в близкий контакт. Поговаривали, а потом и я убедился, что у него были постоянные и временные женщины, в том числе, молодые актрисы, которым он как-то помогал через свою маму. Он всегда аккуратен и

красиво одевался. Поношенных пиджаков и брюк не терпел, в отличие от нашего разномастного и неряшливого художественного люда. Как я уже сказал, он держался особняком ото всех и если общался с кем-то, то, обычно, по деловым вопросам. Его художественных произведений никто толком не видел, но отзывы старших коллег о его творчестве всегда были высокими. Правда, кто-то утверждал, что его картины слабы и у него нет техники живописца. Другие говорили, что он пишет и настоящие картины, но приберегает их для будущего времени, по идейным соображениям. А в нашей среде такой слух ценился очень высоко — не всем нравился социалистический реализм и художники, работавшие в иных манерах, вызывали уважение. Тем не менее, Эдик вовремя представлял свои, выполненные в обычной манере работы на суд творческой комиссии и учился без хвостов. Но он учился на третьем курсе, а я вообще непонятно кто еще — еще не абитуриент, но точно не студент. Таким, как я — будущим абитуриентам, разрешалось работать в мастерских института, но после занятий.

Так вот я сошелся с ним, вернее сказать, он приблизил меня к себе. А дело было так. Как-то после полудня, в институте, в свободном от занятий классе, я писал небольшую картину на церковную тематику — обязательное упражнение для

студентов. Собственно говоря, это был набросок маслом непонятных пока мне образов святых. И вот тут неожиданно зашел в класс Эдик. Его прихода я немного испугался потому, что еще не был студентом и не имел права находиться в таком классе. Он, будто не замечая меня, прошелся по классу, что-то поискал и потом подошел ко мне.

— Что пишешь? — Осведомился он.

— Да, вот. Тренируюсь в набросках святой старины. — Пошутил я, поняв что моему нахождению здесь ничто не угрожает.

Эдик заинтересованно осмотрел мою картину и спросил:

— А ты иконы пробовал писать?

— Нет.

— А реставрировать?

— Не пробовал. — Снова отрицательно ответил я.

Этим разговор был исчерпан. Эдик, пожелав мне успеха, ушел.

Но через неделю, мне один из товарищей, с которыми я разгружал вагоны и по этой причине несколько дней не появлялся в институте, сказал, что меня спрашивал Эдик Горенков и просит, чтобы я нашел его. На следующий день я разыскал его и он предложил мне встретиться с ним во второй половине дня в неформальной обстановке для серьезного разговора. Я гадал, что ему от меня

нужно? Но не мог придумать чего-то такого, чем бы я его мог заинтересовать. Но мне надо было поступить в институт и каждое знакомство я считал для себя важным.

Я дождался окончания занятий Эдика и он повел меня в небольшое полуподвальное кафе, находящееся недалеко от института. Там он заказал по пятьдесят граммов коньяка, а этот напиток в то время был достаточно дорог, немного закуски и мы выпили. Сначала он вел обычный разговор, который ведут люди каждодневно, если не ежечасно — ни о чем. Потом он заказал еще по пятьдесят граммов коньяка — позже я узнал, что он решая дела никогда не выпивал больше ста граммов. После этой порции он перешел к деловым вопросам:

— Я посмотрел твою иконопись и пришел к выводу, что у тебя получается... — И он замолчал, заинтриговав меня и, польстив такой оценкой, моему самолюбию. Потом, пожевав дольку лимона, спросил. — Я помню, ты поступал к нам до армии. Ты в каких частях служил?

— В десантных.

— Хорошо. Туда берут не каждого. Знаю про спецотбор во флот, пограничники, десантники... — Он снова помолчал, что-то обдумывая но снова пошел в обход. — Родители помогают в жизни? Или приходится подрабатывать?

Как я говорил, родители мне ежемесячно высылали по полста рублей и я ответил:

— Да. Немного помогают. Но приходится еще и подрабатывать. — Я пока не мог понять, куда он клонит свой разговор.

— Пятьдесят рублей неплохо, но для нашего брата мало. Пока у нас с картинами расходов больше, чем доходов. Да, тяжело приходится вам, приезжим. Да, еще и неизвестно, поступите ли вы в институт. Год может пропасть зря... А с ним здоровье, желание заниматься творчеством. — Он посмотрел внимательно на меня голубоватыми глазами и уже спросил более определенно. — А ты не хотел бы заработать по-другому? Например, не разгружая вагонов.

— Конечно бы, хотел. Но, где найти такую работу?

Горенков, судя по его виду был удовлетворен, что разговор пошел по-деловому и я согласен работать, не на разгрузке трюмов вечно стоящего на причале парохода-склада, а делать что-то другое:

— Эта работа связана с живописью. Я присматриваюсь к студентам, которые могут писать под старину, но у большинства из них нет таких навыков и не стараются их приобрести. А тот, у кого получается под старину — обеспеченные, не хотят терять время на пустяковые заработки. Я недавно видел твои работы и понял, хотя ты еще и

не студент... — Почему-то подчеркнул Эдик. — Но у тебя получается старина.

— А что я должен конкретно делать?

— Есть организация по реставрации старинных икон и прочего древнего барахла. Ей нужны художники-реставраторы...

— А платят как?

— В зависимости от сложности работы, размера... — Снова неопределенно ответил Эдик. — Меньше червонца за один экземпляр не платят, а иногда и по сотне.

— Можно попробовать. — Согласился я, на еще не конкретное предложение. — А когда мне приступать к работе?

— Ты правильно сказал-попробовать. У тебя может еще не получиться с реставрацией, как уже бывало с некоторыми. Поэтому, у меня к тебе просьба, пока не говори никому ничего об этой работе. Сначала на тебя посмотрят специалисты, а потом видно будет. Может ты еще и не потянешь и стыдно будет говорить об этом другим. Поэтому, пока никому! — Многословно подчеркивал он одну и ту же мысль.

— На нет и суда нет. — Обиделся я в ответ на его предупреждения. — Я не болтливый!

— Знаю. Десантники все такие. — Бросил он мне комплимент. — Значит так. Давай встретимся с тобой в воскресенье утром. Я тебя отведу в

реставрационную мастерскую.

Эдик определил место встречи, возле одного из московских метро, в восемь утра. На прощание он предложил мне:

— Может еще выпьешь? Я плачу.

— Нет! Не хочу больше. — Ответил я, никогда не испытывавший большой тяги к алкоголю. — Спасибо, что угостил.

Мы расстались. Я раздумывал над его предложением и терялся в догадках — почему он выбрал именно меня? Вроде бы, ясно. Я уже неплохой художник, но до хорошего пока далеко. Так говорят многие. Почему я соглашаюсь? Одна из причин заработать. Тоже ясно. Другая — я всегда любил познавать все новое и без раздумий хватался за те дела, где еще не попробовал свои силы. А практика в реставрации мне никогда не помешает. Так я решил немного заработать денег. Они были мне необходимы при поступлении, в такой желанный для меня, суриковский институт. Но именно с этого разговора началось мое падение в пропасть.

В воскресенье мы с Эдиком встретились там, где договорились. Было холодно и сыро, наступила весна — стоял март. Он провел меня дворами домов и мы зашли в полуподвальное помещение, которое оказалось мастерской какого-то живописца. Эдик представил меня художнику, назвав его только по

имени и отчеству — Леонид Терентьевич. Но Эдик пока еще не сообщил, что это его отчим, об этом я узнал позже. Тот, как истинный художник, сначала показал мне свои последние картины, но их оценки от меня не требовал — молод еще для этого. Потом Леонид Терентьевич объяснил, для чего они реставрируют иконы — по заказу православной церкви, которая им платит за это неплохие деньги. Так он выразился о деньгах. Работы много, специалистов по реставрации мало и надо пользоваться моментом пока есть заказ. Когда же он обратился ко мне со словами:

— Ну, ты как старый десантник, должен понять, что не надо распространяться о нашей работе. — Я понял он обо мне уже многое знает со слов Эдика. — Сам понимаешь, появятся конкуренты, заказов станет меньше, собьют цены. Понятно?

— Да. — Это мне было понятно.

Вообще-то мне такая тайна не совсем нравилась, но я снова успокоил себя тем, что творчество сугубо индивидуальная отрасль деятельности и, обычно, о своих замыслах настоящий художник сильно не распространяется. В мастерской, я обратил внимание на рабочий порядок — картины разных размеров, недоделанные скульптуры, да обычный хлам из досок, холстов, красок, сопровождающий всю

творческую жизнь художника — он и не нужен, но и выбросить жалко. Такой порядок в беспорядке мне всегда нравится-сразу видно, что здесь работает настоящий художник. Чего-то специального для реставрационных работ в мастерской, я не увидел. Леонид Терентьевич словно бы это понял, а он как-то чувствовал все наперед, в этом я позже убедился и сказал:

— Я иногда навожу порядок в мастерской и прячу ненужное в ящики, но все равно многое туда не вмещается. Давай, Юра, я тебе покажу, где все лежит для твоей работы. После окончания работы все укладывай на место. Понятно?

Это слово «понятно» звучало у него постоянно, как бы показывая, что ты должен делать, а что не должен. Леонид Терентьевич раскрыл ящик, достал краски, иссохшиеся древние доски икон, со следами и без следов краски и стал выставлять все прямо на цементный пол. Потом дал мне небольшую иконку со следами многовековой краски по краям и сказал:

— А теперь, прежде чем взяться за работу, посмотри с Эдиком эти книги и альбомы, выбери себе то, что более всего понравится, и за работу. Только не копировать, а писать свое... — Подчеркнул Леонид Терентьевич. — А я займусь своими делами. — Он ушел к своему мольберту и стал продолжать писать какую-то картину.

Мы с Эдиком просидели часа два над альбомами и книгами старинной русской живописи, а их было много в мастерской и выбрали, на первый раз, Георгия Победоносца — в нем много деталей и психологичности большой не требуется, как для лика святого. Леонид Терентьевич, одобрил наш выбор указал мне место за небольшим мольбертом, дал краски и предупредил:

— Юра, только не торопись. Сделаешь мазок — позови меня, чтобы не испортить навсегда доску для иконы. Ведь ей больше трехсот лет. — Подчеркнул он.

Я понял, что работа предстоит упорная и сложная, и халтура не пройдет. Об оплате я и не спросил — оказался полностью нацеленным на работу, которую я был обязан сделать не только ради денег, но и для себя, чтобы доказать — мне и это под силу. Эдик вскоре, попрощавшись ушел, а мы с Леонидом Терентьевичем сидели в мастерской до темна. Он буквально каждые пять минут подходил ко мне, бросая свой мольберт, и подсказывал, как и что лучше делать. Я заметил, что он волновался, наблюдая за моей работой. В тоже же время — это были советы глубоко знающего иконописца художника. До вечера я не справился с работой, но он был мной доволен и когда мы уходили сказал, не скрывая похвалы в мой адрес:

— А у тебя, Юрий, должно получиться. — Он задумался и признался. — Мне нужен хороший помощник. Эдька не способен уловить многого в искусстве, да и в жизни. Поэтому и картины у него поверхностны. — Но словно опомнившись, сказал. — Но это, десантник между нами. Понятно? — И сделал неожиданное для меня признание. — У меня со зрением стало плохо, не могу отличить некоторых оттенков цветов, особенно на небольших картинах. А раньше мог. Нарушилось цветовое зрение, по-медицински эту болезнь сложно и выговорить. Но это не простой дальтонизм, а хуже. Такая болезнь, обычный спутник нашей профессии. — Горько вздохнул он.

О такой болезни художников я раньше не знал, услышал впервые и почему-то запомнил на всю жизнь. Мы договорились о новой встрече в мастерской и я, в течение двух недель, закончил своего Георгия. Леониду Терентьевичу моя работа понравилась, хоть он и ворчал, что здесь неточно, здесь не так, но икона, выражаясь казенным языком чиновников, была принята. Он сразу же выдал мне двадцать пять рублей. Конечно же, это было немного, но я эти две недели работал не каждый день, да и Леонид Терентьевич мне постоянно помогал. Как учитель он был хорош, но как человек... Но об этом позже.

Леонид Терентьевич дал мне следующую

работу. Учил меня смешивать и делать древние краски, придавать рисунку действительно старинный вид. Многому он меня обучил, чего лучше бы и не знать. До лета я таким образом подготовил икон десять, получив в общей сумме более шестисот рублей, по моим подсчетам. Этого должно было хватить для поступления в институт. Художественная хватка у меня всегда была и я научился писать иконы достаточно быстро и качественно, не отличишь от настоящих.

Я стал вхож в их семью, хотя не злоупотреблял гостеприимством. У них всегда были гости — режиссеры, операторы, актеры и я как-то терялся среди их умных разговоров и бесцеремонности поведения. Узнал я, кое-что об Эдике. Как работник искусства, он не отличался индивидуальностью или, попросту говоря, был слабым художником. Его картины доводил до ума отчим, который был неплохим художником, но достаточно ленивым. Именно он, как я узнал, помог своему пасынку поступить в институт.

Ну, а я пока писал иконы. Не забывал о тренировках в набрасывании этюдов и портретов готовился к новым вступительным экзаменам. Куда идут мои иконы- я не знал и не интересовался, хотя подозревал, что здесь не все чисто. Но я был исполнитель, не более того, и этим себя успокаивал. Как ни как, работал в мастерской, а не где-то по за

углами, а это все-таки лучше, чем вообще ничего. Там я писал, кроме икон, и другое для себя. Техническое обеспечение творчества меня удовлетворяло, и я не хотел иметь, пока, ничего иного. Леонид Терентьевич доверял мне ключи от мастерской и я мог пользоваться ею в любое свободное для себя время.

Где-то в июне, в самый разгар подготовки к экзаменам, меня разыскал в мастерской Эдик, когда я там был один. Он посмотрел мои картины, этюды, вспомнил об иконах, которых в данный момент в мастерской не было, похвалил меня за умение быстро схватывать все новое, а затем, как всегда начал разговор издали.

— Скоро вступительные экзамены. Как ты себя чувствуешь, уверенно или нет?

— Кажется уверенно. — Ответил я.

— Ожидается большой конкурс. Много, а я уже знаю, будет поступать москвичей. А у них родители или известные, или, в крайнем случае, великие по положению, люди. — Скаламбурил он. — Да и из других городов будут поступать дети именитых отцов. Сложный будет конкурс. — Вздыхнув, заключил Горенков.

Я знал ситуацию, складывающуюся накануне вступительных экзаменов и знал, что мне будет сложно поступить в институт. Раз Эдик завел такой разговор, значит неспроста, ему что-то было нужно

от меня. Его связи в институте были солидными. И не только в институте, как я понял из общения с его семьей. Он мог помочь мне в поступлении и я ответил, как можно спокойнее:

— Знаю. Будет сложно. Но у меня появились кой-какие связи среди преподавателей. Может помогут.

— Помогут... — Саркастически засмеялся Эдик. — Это пока обещают. А как время подойдет к экзаменам, они тебя узнавать перестанут. Для них главными станут не абитуриенты, а карман. А у тебя в кармане ничего нет. Понятно? А приедут такие личности, у которых карманы лопаются от сотенок. Вот с ними и будет вестись серьезный разговор насчет поступления их тупорылых чад. Понял?

— Понял. Но в основном я надеюсь на себя. Денег у меня нет. В этом ты прав. Буду пробиваться, как смогу.

Эдик, удовлетворенный моими словами, которые, видимо, соответствовали его планам, пока ничего не ответил и прошелся по мастерской. Его анемичное, обычно, безразличное ко всему лицо, порозовело — он думал, как бы мне сказать что-то самое главное, ради чего он решил придти сюда.

— Послушай? — Обратился он ко мне. — Хочешь я тебе помогу с поступлением в институт?

— Конечно. Но какие ты можешь дать

гарантии?

— Гарантия — это я. Ты меня знаешь, знаешь мою семью, наши связи. Я ж тоже поступил не сам и ты об этом, я уверен, догадываешься?

Я пожал плечами. Обижать его честным ответом не хотелось.

— Если ты окажешь мне одну услугу. — Продолжал он, не дожидаясь моего ответа. — То я тебе тоже помогу. Вернее две услуги — одну мне, а другую, тому, кто будет в приемной комиссии.

Я недолго раздумывая, ответил:

— Согласен. Но только, какие это услуги? По силам ли они мне?

— По силам. Тебе, я смотрю, все по силам. — Эдик, как маятник, забегал по мастерской и уже волнуясь, начал быстро говорить. — Понимаешь ли, я хочу везде быть лучшим, если не первым, то в числе призеров. Мне всегда хочется иметь все лучшее — квартиру, положение, женщину — в общем все. Или почти все. Хочется быть во всем талантливым. Или почти во всем. — Он помолчал, колеблясь говорить ли о самом главном, и решился. — Но к, сожалению, не везде я лучший, не всегда имею лучшую женщину, да и талант художника у меня не высокий. — Он вздохнул. — Видишь, как я самокритичен? — Спросил он меня, но я не ответил. — Собственно говоря ты сам об этом знаешь. — Он снова прошелся по

мастерской. — Мои картины, которые надо представлять к экзаменам или на выставки помогает мне доводить до совершенства отчим, Леонид Терентьевич. Он вносит в них реалистичность, подчеркивает образность. Сейчас у меня с ним натянутые отношения... Поссорились из-за женщины. Старый... — Он неуважительным словом назвал своего отчима. — Приревновал меня... Но, ладно, это его дело. Так вот мне нужно доделать картину. У тебя, несомненный талант, это видят все. Леонид Терентьевич не раз и при всех говорил об этом. Видишь, как я объективен? Но твой талант может остаться в тебе и не гарантирует стопроцентного поступления в суриковку. Ты это понимаешь?

— Да. — Ответил я, раздумывая над его словами. Гарантии поступления мне были необходимы. Второй раз я не должен был провалиться на вступительном экзамене. Это могло означать полный крах моих честолюбивых творческих планов. — А сколько времени займут эти две услуги? Не окажусь ли я потом у разбитого корыта?

— Не окажешься. Если я обещаю — всегда выполняю. Ты меня знаешь? Кажется, тебя ни разу ни в чем не подвел.

— Да. Пока, ты все выполнял, что обещал. — Согласился я с ним. — Но поступление в институт

сложное дело — не предложение заработать.

— Объясню тебе все начистоту, а ты сам решай. Мне на курсовую выставку надо представить картину — это обязательство. Я заканчиваю третий курс. Ты это знаешь. Картина у меня почти готова. Ее надо только доделать несколькими мазками. Скажу тебе честно — в нее надо вдохнуть жизнь. Сам я этого не сумею. А мне бы не хотелось выглядеть на выставке подмастерьем. Я уже сказал тебе — хочу быть всегда впереди. Сроки сдачи картины уже вышли, я все обещаю ее представить и не делаю этого. Там работы на день или на неделю, зависит от тебя. Но не больше недели. Сроки поджимают. — Он развел руками. — Если ты согласен на первое предложение, лично для меня, то я потом объясню второе предложение — лично для тебя. Думай?

— Что здесь думать... — Ответил я, все-таки раздумывая, братья за это дело или нет. Но мне хотелось узнать о второй услуге. — Тебе я помогу. А что это за вторая услуга.

Эдуард обрадовано потер ладони рук друг о друга:

— Для тебя и вторая услуга не будет представлять сложности. Я тебя познакомлю с одним доцентом института. Он коллекционирует иконы. Специализируется на старообрядческих. Если ты ему подготовишь такую икону, он сделает

все, чтобы ты поступил в институт. Это будет, как бы плата за твое поступление. Тебе поступление обойдется совсем бесплатно. К тому же он член приемной комиссии. А это, как ты понимаешь, уже гарантия твоего поступления...

Я знал многих преподавателей и поэтому спросил Эдика:

— А кто такой?

— Э-э! Подожди с фамилией. Если ты согласен, то я тебя познакомлю с ним. Но учти, о своем хобби он не распространяется, поэтому здесь нужна большая тайна, как впрочем и все связанное с поступлением. Я убедился — тайну хранить ты можешь. Ну, как?

— Согласен. Но нужна основа, краски, старообрядческие иконы... Мне их надо изучить. — На хапок, я никогда не писал, кроме мгновенных портретов. Все свои картины я вначале тщательно продумывал, делал для них много этюдов и эскизов. Поэтому и сейчас мне требовалось время для изучения старообрядческой иконописи.

— Все это будет! — Довольно потирал руки Горенков. — Главное ты согласен и считай дело в шляпе! Значит так. Немедленно переходим ко мне. Начинаешь дорабатывать мою картину, а завтра я тебя знакомлю с этим доцентом. Договорились?

Я согласился. Выбора у меня, как я понял, не было. А решить стопроцентно вопрос с

поступлением было для меня сейчас самым главным. Так я сделал второй шаг на любимом поприще к пропасти. И все позже отлилось мне, без преувеличения, горькими слезами. К этому времени я понимал, что иконы, изготовленные мной не пойдут ни в какую церковь, а отправятся за границу и кто-то получит за них хорошие деньги — в сотни, а может в тысячи раз больше, чем платили мне. Но плохо быть и без денег. Без них ты чувствуешь себя в рабском положении у богатых и изворотливых балбесов. Но меня успокаивала, ставшая уже привычной мысль — я исполняю чужой заказ и больше никуда нос не сую. Быть исполнителем чужой воли гораздо проще — основную тяжесть вины берет себя заказчик, а тебе остаются только угрызения совести. Но позже я понял — угрызения совести не присутствуют в душах богатых и высокопоставленных чинов. Если бы у них совесть присутствовала, то никогда бы они не стали богатыми и не добились бы высокого положения. Аксиома жизни! А в отношении вины — они всегда договорятся с государством. Моральная сторона жизни, типа — абстрактное понятие совести, у них отсутствует.

Эдик сдержал свое слово и на следующий день познакомил меня с доцентом по искусствоведению Валентином Семеновичем. Фамилии своих новых знакомых я пока опускаю. В

тот же день он пригласил меня к себе домой и показал свою коллекцию икон. Она была восхитительной. Наверное, не все музеи России могут похвастать такой коллекцией. Здесь была даже икона двенадцатого века, а уж о более поздних, промолчу.

Валентин Семенович дал мне посмотреть репродукции и фотографии старообрядческих икон. Договорились об изображении лика святой богородицы, написанный в стиле шестнадцатого — семнадцатого веков. Валентин Семенович дал гарантии поступления в институт и все время предупреждал меня, о том, что все должно быть между нами, иначе он мне не сможет помочь. Также он намекнул, что знает меня, как мастера по иконам. Видимо, существовала какая-то связь между Леонидом Терентьевичем, Эдиком с одной стороны и Валентином Семеновичем — с другой. Но, несомненно, были и еще кто-то в этой компании, мне неизвестные. Я получил все, если можно так выразиться, полуфабрикаты для выполнения заказа.

Морской пейзаж Эдика с видом на море я закончил в два дня. Напустил побольше тумана, заугрюмил скалы, бессильно склонил ветви деревьев к земле и получилось нечто эллегическое. Эдика за его картину хвалили. Говорили, что его творчество вошло в новую фазу своего развития.

Но, впрочем, так всегда говорят о творческих работниках, чтобы их не обидеть. Обычная банальность. Но за глаза художник редко скажет хорошее о творчестве знакомого художника. Зависть в творческой среде процветает. Впрочем, она была во все времена. Вспомните Моцарта и Сальери.

Но со старообрядческой иконой мне пришлось промучиться чуть ли не месяц. Валентин Семенович первые варианты неизменно браковал — он знал толк в иконах. В конце концов, я впервые самостоятельно сделал икону под старину. Раньше старину моим иконам наводил Леонид Терентьевич. Судя по всему, Валентин Семенович остался доволен моей работой и пообещал мне сделать все, чтобы я стал студентом.

Вступительные экзамены я сдал, как мне кажется, самостоятельно. Подготовка у меня была солидной. Может быть, Валентин Семенович меня подстраховал — не могу сказать точно. Но он был членом приемной комиссии и этого было достаточным аргументом в том, что он оказал мне существенную помощь. Так я стал студентом суриковского института, о котором так мечтал.

После зачисления в институт, Валентин Семенович попросил меня подготовить, как он выразился, еще две небольшие иконки, чтобы отблагодарить кого-то из «членов» приемной

комиссии. Я жаждал после зачисления уехать домой, к родителям, похвастаться, что я студент, отдохнуть с месяц..., но пришлось две недели работать в мастерской отчима Эдика, но уже без вдохновения и энтузиазма. Это понял Валентин Семенович и, посмотрев мои работы недовольно поморщился, сказав что придется их доделывать осенью, когда начнем учиться.

Но больше, за время учебы в институте, мне не пришлось писать иконы. Осенью соответствующие органы перехватили на какой-то границе поддельные иконы, предназначенные для продажи за бугром. Потом начались аресты и состоялись суды. Об этом писалось в газетах. Сроки продавцам икон давались солидные. Со мной переговори о моих иконах Леонид Терентьевич и Валентин Семенович. Главная их просьба была в том, что я ничего не делал и ничего не знаю. Я обещал сохранение тайны. Тогда-то до меня окончательно дошел смысл моей работы и я дал себе слово больше никогда этим делом не заниматься. Но меня в органы не вызывали, и я успокоился. Больше заказов на изготовление икон, за время учебы в институте, мне не поступало. Эдик Горенков притих и с ним я встречался только в институте. Вскоре он выгодно женился на внучке известного партийно-советского босса. Со мной дружеских связей не поддерживал, кроме

приветствий при встрече. Квартиру его родителей я больше не посещал.

Учебу в суриковском институте я вспоминаю, как самые лучшие годы своей жизни. Учился я с удовольствием, никогда не имел «хвостов». Летние пленэры в Крыму, на Кавказе, в Средней полосе России... Удивительная красота и незабываемые впечатления. Именно впечатления, я впитывал всей своей душой, наслаждаясь великолепием окружающего мира. А какие были споры, диспуты! Соцреализм или Дали с Пикассо? Российский реализм или импрессионизм? Это было действительно интересно, вносило тебя, как на крыльях, в мировой процесс творчества. Со своими однокурсниками я был дружен, но никто не стал моим близким другом. Я часто размышляю по этому поводу сам с собой, почему я, при наличии друзей, неплохой коммуникабельности, все же одинок? Я никого не обижал, в крайнем случае, умышленно. Участвовал во всех вечерах, встречах, мог сыграть на пианино или на гитаре, спеть. Мог даже стать душой компании, в какой-то вечер! Но близких друзей, повторяюсь снова, у меня не было. И прихожу к выводу, как бы это громко не звучало — несмотря на свою внешнюю открытость, я был страшным индивидуалистом. Я подчинил свою личную жизнь искусству и четко придерживался этой жизненной линии, которую, оказывается, я сам

себе предназначал с детства. А теперь карабкался к вершинам славы. Я, оказывается, честолюбив без меры. Точнее, был таким в то время. А это и хорошо, и плохо.

Я не был монахом. У меня были женщины, но это кратковременные, обычные связи. Наши художницы, все до единой, — не преувеличиваю ни капли, считали себя, если не гениями, то незаурядными талантами. С ними было невозможно находиться вместе долгое время. Восхищение своими талантами закрывало им мир. Особенно заносчивыми становились они тогда, когда кто-то из известных, а то и малоизвестных деятелей искусства, говорил им, что она неповторимая индивидуальность. Обычно такое говорилось мужчинами с определенной целью. Но наши юные дарования лестные слова мэтров о себе, разносили по всему институту. Сразу же можно было сделать безошибочный вывод о их взаимоотношениях. Сложно серьезно беседовать с такими дарованиями, более получаса. Самолюбования в одаренных женских душах безмерно много, до бесконечности.

Гораздо проще со студентками-актрисами. Нам приходилось иногда помогать в оформлении декораций театров — практика и заработок, хотя и небольшой, а там знакомиться с юными актрисами. Так вот, они почти полная противоположность нашим художницам. К концу обучения многие из

них понимают, что великими артистками экрана или сцены им не быть. Большинство их ждет провинциальная сцена и они, используя свои внешние данные и обольстительные способности, старались к окончанию учебы удачно выйти замуж и остаться в столице. Мы их приглашали позировать и они соглашались — многие из них желали бесплатно получить свой портрет от художника, который, может быть, станет когда-нибудь известным. Но я за время учебы, так и не нашел свою половину — со всеми знакомыми рано или поздно я расставался и, кажется, даже не был в них мало-мальски влюблен.

Почему я вел себя так? Причину я установил. Я об этом уже говорил, но концу обучения я уже осознанно знал, что стану великим художником и подчинил высокой цели свою жизнь. До этого у меня было чутье, что я талант. Мне об этом говорили многие и я привык к высокой оценке своего творчества. Я получал на каждой выставке дипломы за свои картины. Дарил их музеям потому, что картины неизвестных художников приобретали слабо. Я тяготел к классическому русскому реализму, если существует такой термин. Я запланировал создание галереи картин исторических деятелей России. Все-таки отец мой историк, мать филолог — их русские гены во мне сказывались. Это должны были быть жанровые

картины и портреты. Может, на выбор будущей серии, на меня повлияли картины Ильи Глазунова — особенно его групповые исторические портреты. Но я хотел пойти дальше него и каждому из великих наших людей посвятить одну, а то и несколько картин. Сколько должно быть их в галерее — я не определил. Может сто, может быть еще больше. Но эта мысль полностью овладела мной и свои выпускные работы я представил именно по этой тематике и получил за них диплом.

Но вот я закончил институт и надо было определяться — где работать? До члена Союза Художников мне было далеко — а членство, хоть небольшая, но гарантированная заработная плата. Учителем в школу или училище не хотелось — загубить все свои желания и помыслы. В общем, одни проблемы, с честолюбивыми замыслами и стремлениями. Чтобы воплотить свой план в жизнь мне нужны были мастерская, краски, холсты, рамы, позже оформление персональных выставок и еще многое другое, стоящее хороших денег. Устроиться на несколько предприятий художником — терять время из-за копеек. Этот вариант меня тоже не устраивал. Бывает в жизни момент, когда образуется какой-то тупик и никак его нельзя преодолеть. В таком положении находился и я по окончании суриковского института.

И вот, как часто бывает, появилась

палочка-выручалочка, а вернее палочка-наказательница, в лице Эдуарда Горенкова. После окончания им института, мы с ним ни разу не встречались. За три года он сделал неплохую карьеру — стал членом союза, был одним из руководителей какой-то художественной организации, имел в Москве собственную квартиру и автомобиль.

Встретился с ним случайно, на улице. Он сидел за рулем «Жигулей» и окликнул меня, проходившего мимо по тротуару. Я подошел к нему, мы поздоровались, крепко пожали руки, как никак виделись давно. Он предложил подвезти меня, куда нужно. Так он выразился. Но мне некуда было ехать, тем более спешить. Я сел к нему в машину и мы разговорились. Он заметно постарел. А мы были одногодки. Наверное, и я постарел, но сам себя в зеркало вижу каждый день, во время бритья, и не замечаю собственных изменений. Так вот, у Эдика появились залысины на голове, больше стало морщин, голубые глаза еще более поблекли и стали немигающими, как у удава. Но он совершенно не поправился, оставался сухощавым и стройным и, как всегда, одет с иголочки.

Сначала обменялись сообщениями о своем житье-бытье. Эдик пожаловался на то, что семейная жизнь у него не складывается. «Иметь супругу из высоких сфер — значит добровольно надеть ярмо

на шею». — Так он выразился о своем браке. Недавно ее дедушка полетел со всех своих постов, за злоупотребления, которые совершил не он, а его дети. Сейчас вся родня в трансе и ищет новых покровителей. А ему, Эдику, противно на все эти судорожные сокращения по восстановлению своего положения в высшем обществе, смотреть. Так снова он выразился. Давно бы бросил свою жену, но жаль маленькую дочку. Вообще-то не в характере Эдика было жаловаться, но, видимо, родня жены допекла его. Я рассказал ему о своих проблемах — нет работы, а творческой деятельностью не прокормишься. Надо иметь для этого имя.

— Слушай? — Ответил мне Горенков. — Я, возможно, постараюсь тебе помочь. Зарплаток гарантирую хороший. За года два-три, пока будешь работать по заказу, сможешь создать свои произведения. Я потом помогу тебе с персональной выставкой. У меня есть такая возможность, и вступишь в союз художников.

— А где такая работа? — Заинтересовался я.

— Давай встретимся с тобой завтра. — Не ответил на мой вопрос Эдик. — А лучше послезавтра, когда я буду готов ответить тебе на все вопросы. Завтра, извини, я весь день буду присутствовать на каком-то творческом собрании. Должность у меня такая. — Криво усмехнулся он. — На возьми визитку и приходи ко мне. Но

предварительно позвони, а то кто знает, может придется еще идти на какое-нибудь собрание. — Так отзывался Эдик о своей работе.

На этом мы с ним расстались, а через два дня я был у него. Эдик сдержал слово и рассказал все, о той работе, которую он мне предлагал. Он работал в фонде по охране старины, так можно коротко назвать это учреждение.

— Ныне власть повернулась лицом к церкви и совместно восстанавливают ранее разрушенное. Так вот восстанавливается храм. — Эдик назвал мне небольшой городок севернее Москвы. — Там работает бригада реставраторов и ей нужен художник, знающий старину. Ты ж опыт такой имеешь? — Намекнул он мне на прошлое.

— Вроде...

— Имеешь! — Утвердительно заключил Эдик. — Кроме того, не буду скрывать, в тебе присутствует несомненный дар художника. Все об этом говорят, и я тоже вижу. Ты сумеешь поработать так, что мне не будет стыдно перед ребятами, которым я тебя намерен рекомендовать. А может быть твои росписи церкви станут когда-нибудь шедеврами и будут туда ломиться экскурсанты. Смотри, какие перспективы!

Я молчал. Мне не хотелось уезжать из Москвы. Я понимал, что вернуться из провинции обратно в столицу будет намного сложнее, чем

уехать из нее. А мне хотелось остаться в центре...

Эдик словно угадал мои мысли:

— Тебе не надо будет выписываться из Москвы, там можно работать без прописки. Когда захочешь, тогда и вернешься. Работы по реставрации и много, и не много. Ты человек хваткий, быстро всему научишься. У тебя будет предостаточно свободного времени, чтобы заниматься своими картинами...

— Там, мне кажется, работы будет много. Для себя времени не останется. Это ж все же бригада, надо работать до упора...

— Ты, как художник будешь расписывать по новой фрески, доделывать мозаику. Подготовительную работу будут делать другие. Работа в целом интересная и пойдет тебе на пользу.

Наверное, Эдик знал мою слабую струнку — я был готов делать то, что раньше не делал, лишь бы доказать себе — я и это могу, и умело играл на ней. Кроме того, такая практика действительно мне бы не помешала, и я спросил:

— А сколько будут платить?

— Бригада работает по аккорду — как сделают оговоренный объем работ, так получают деньги. В среднем у них выходит более трехсот рублей за месяц. Это неплохо. Как ты думаешь?

— Неплохо. — Согласился я. — Только оторвет меня все это от моих... — Я чуть не

проговорился «планов».

— Если и оторвет, то ненадолго. — Понял мою мысль Эдик. — За эти деньги ты сможешь приобрести себе достаточно расходных материалов и подготовить картины для персональной выставки. А я, как обещал, помогу тебе в этом. Собственно говоря, что я тебя уговариваю. Не хочешь, не надо. Ходи по столице, обивай пороги начальников; вымаливай себе место под солнцем...

Эдик, кажется, даже обиделся на мою несговорчивость. А я же быстро прикидывал и перемножал числа — сколько получится денег, например, за год. Выходила неплохая сумма и поэтому годом посторонней работы я мог пожертвовать. Тем более я намечал писать картины на древнерусскую тематику и будущая работа соответствовала моим устремлениям, да и прекрасная среднерусская природа могла вдохновит на многое.

— Согласен. — Ответил я Эдику. — Когда выезжать?

— Вот и прекрасно. — Обрадовался Эдик. — Я всегда рад помочь хорошему человеку. Тем более нас связывают не просто дружеские отношения, но и особые... — Но он не конкретизировал понятие «особые отношения», но имел ввиду мою работу над иконами, доделку его картины... Вот и все. Кажется, ничего больше общего у нас не было. —

Давай вечером встретимся и посидим в ресторане? — Предложил Эдик.

Я замялся, и Эдик понял.

— Расходы беру на себя. Я бы тебя и домой пригласил, но понимаешь ли... Я лучше с удовольствием побеседую с тобой, чем с женой и ее родней. А захочется, смотаемся по девочкам. Идет?

— Идет. — Согласился я.

В тот ресторанный вечер Эдик пил больше, чем всегда. Наверное, на новой работе привык выпивать. Много рассказывал о подлой родне жены. Намекал на то, что я, если буду держаться за него, то смогу сколотить за год хорошие деньги и даже приобрести мастерскую в столице, но все как-то неконкретно и обтекаемо. Потом мы продолжили веселье на чьей-то квартире... Я не любитель напиваться, но в тот вечер надрался хорошо.

Потом мне пришлось много времени потратить на анализ ресторанного разговора с Эдиком — благо у меня позже появилось очень много времени для раздумий.

3

Направляясь на новую работу, я на недельку заехал домой проведать своих родителей. Мама болела, сердце не давало ей быстро передвигаться и

помногу работать. Отец в этом году ушел на пенсию. Он сказал мне:

— Вот сынок, выучил я тебя и теперь хочу отдохнуть, поработать на даче.

Да, они ежемесячно, пока я учился переводили мне деньги. Спасибо им за это. Сестра работала в школе, ее муж успешно продвигался вверх по ступеням партийной лестницы. Племянники давно ходили в школу — Тане было уже четырнадцать лет, а Вите — двенадцать. Они были мне, как сестра и брат, никогда не называли дядей, а просто Юра. С ними мне действительно было хорошо и легко. А родителям я придумал историю, что еду на работу по распределению. Работа по восстановлению храма является и сложной, и творческой, и что не каждому дают такое направление. Родители удовлетворились таким разъяснением, но у меня на душе тяжело. Я их никогда не обманывал, а здесь пришлось.

Неделя пролетела быстро. Правда, я успел подремонтировать дачу, обновить свои детские картины на стенах, вместе с отцом и Витей, который любил рисовать и у него это получалось, и уехал. Расставался с родителями с тяжелым сердцем, чувствовал, что делаю что-то не так. Обещал навещать их — ведь буду находиться неподалеку от родного города — ночь езды на поезде. Так мы и расстались.

Городок, в котором пришлось реставрировать собор, был небольшим — районным. Но это был один из древнейших городов Руси. Храм восемнадцатого века, когда-то был очень красивым и оригинальным. Но в двадцатые годы его прикрыли в борьбе «с опиумом для народа», а потом здесь был склад. И вот нашей православной церкви удалось договориться с советско-партийным руководством о передаче его обратно в лоно церкви и совместном выделении денег на проведение ремонтно-реставрационных работ. А то как-то некрасиво — собор древний и красивый разрушается, а верующие ходят молиться и совершать разные обряды в обыкновенный дом, приспособленный под храм. Да, действительно, на лицо были видны не просто перекосы революционной романтики, а бреши в нашем историческом развитии. Храм ремонтировали уже года три, вывезли весь мусор, заделали крупные дыры, но окончания работ еще не было видно. Все-таки денег обе стороны выделяли мало, а поэтому мало специалистов восстанавливали его. Это я определил в первый день.

Бригада состояла из шести человек — я стал седьмым. Бригадир, если так можно выразиться, а вообще-то старший реставратор Иван Захарович, или проще Захарыч, был мужчиной лет за пятьдесят. Это был угрюмый и молчаливый

человек, как позже я узнал, прошедший сталинские лагеря, но не как политический, а как уголовник. Остальные пятеро ничем не примечательные люди, о некоторых из них расскажу ниже. Я ожидал, что они будут жить все вместе, но они жили по отдельности, двое из них с женами. Питались также по отдельности, только обедали вместе в ближайшей столовой.

Захарыч знал о моем приезде и ждал меня. Им как раз не хватало квалифицированного художника для росписи стен и внутренних колонн. Он сразу же отвел меня на квартиру, к одиноким деду и бабке, лет за шестьдесят, где меня ждала достаточно просторная и светлая комната, с кроватью и пирамидкой подушек мал-мала-меньше, комодом и всем остальным, необходимым для проживания. Захарыч представил меня старикам, а хозяин ответил:

— Меня, сынок, зови Иваныч, а мою старуху — Ивановной. Значит так, Юрий. Это твоя комната, мы в нее заходить не будем без надобности. Только старая будет прибирать ее. Телевизор можешь смотреть с нами в зале. По дому можешь ходить не стесняясь нас и делать все, что захочешь.

Захарыч, еще немного потоптавшись, сказал:

— Ну, я пойду. Работать надо. Если сегодня скучно станет, приходи к нам.

Он ушел, а я принялся вытаскивать и

раскладывать из чемодана и сумок свои вещи. Ивановна хлопотала рядом со мной приговаривая:

— Вот это я поглажу. Это сразу в комод...

Приятные старики, со слезами на глазах вспоминаю их самих, и их простую человеческую доброту. Здесь же я узнал от Ивановича, что у них было четверо детей, но трое умерли в войну, а единственная, оставшаяся в живых дочка, живет на Кубани замужем и у них много внуков. Но ездят они с юга к ним на север редко, а старики часто посещать их тоже не могут. Здесь же договорились, что столоваться я буду у них. Они предупредили, что разносолов они не готовят, тем более, как остались совсем одни, но для постояльца всегда будет приготовлена добротная еда. Позже я ощутил на себе эту действительно добротную, но в целом, однообразную пищу — суп, борщ, картошка вареная, жареная... Но зато мне нравились их соленья из грибов, капусты с клюквой, а также варенья из настоящих лесных, пахучих, даже в переваренном виде, ягод. Так я вошел в семью Иванычей, как я их называл.

В этот же вечер я пошел на рабочий объект, выразимся так. Захарыч познакомил меня со всеми остальными членами бригады. Это были разновозрастные реставраторы, объехавшие всю Россию и, таким образом, зарабатывающие себе на жизнь. Мне показали объекты моей работы —

следовало немедленно разрисовать колонны, иначе бригада могла не получить большей части денег, из уже заранее договоренных. Срок сдачи данной части работы заканчивался первого сентября, а на дворе уже стоял зрелый август.

Мы присели кружком, обсуждая, что и как делать, что необходимо достать из красок и прочих материалов. Ко мне отнеслись все, включая Захарыча, настороженно. Я это почувствовал сразу, но не мог понять почему. Дело шло к вечеру и вот один из них, которого звали все просто Санька, худой от повседневного пьянства мужик, лет под сорок, вдруг почти прокричал:

— А скоро и магазин закроется? Пора бы обмыть прибытие нового товарища?

В то время магазины торговали водкой до шести или семи часов, точно не помню, а Санька каждый вечер считал за должное немного принять. Его предложение нашло одобрительную поддержку у других. Я понял, что мне надо ставить и сказал:

— Сейчас сбегаяю в магазин. Сколько взять бутылок?

Захарыч сурово посмотрел на меня, видимо, не ожидая такой прыти, и ответил:

— Тебе пока не надо идти. Санька сбегает. Дай ему на три бутылки водки и хватит.

Санька схватил мои деньги и умчался в магазин. Минут через десять вернулся,

запыхавшийся, но счастливый.

— Без очереди проскочил. Мужиков тьма — с работы возвращаются и все в магазин. Так я...

Он еще что-то шепелявил насчет того, какой он хитрый. Мы сели за стол, а вернее за верстак, на котором делали столярку. Нашлась небольшая закуска и выпили вначале за мой приезд, а потом за дружбу и еще за что-то. Я после второй порции только поднимал стакан. Хочу еще раз подчеркнуть, я не падок на спиртное. Захарыч настороженно наблюдал за всеми и оценивающе смотрел на меня, но не говорил пока ничего. За столом, несмотря на отвлеченный разговор, чувствовалась какая-то недоговоренность, и ее разрядил подвыпивший Санька, который неожиданно бухнул вопросом. Все сразу замолчали и стали выжидательно смотреть на меня.

— А ты сколько хочешь процентов брать за свою работу?

Я сразу понял причину их настороженности и ответил.

— Пока мы, с Захарычем, этот вопрос не обсуждали. Но, когда меня сюда направляли ваши знакомые. — Подчеркнул я, имея ввиду Эдика Горенкова. — То сказали, что не обидят. Будут платить неплохо... — Я не назвал цифру обещанного мне заработка.

— А сколько? — Поинтересовался бородач.

— От трехсот и более. — Твердо назвал я цифру.

Захарыч недовольно нахмурился и оглядел тяжелым взглядом свою бригаду. У тех вырвался вздох разочарования, при названной мной цифре, но взгляд Захарыча заставил их умолкнуть. Он посмотрел на меня и произнес:

— Обещали тебе много. У нас всего-то получается по двести рублей. — Остальные закивали в знак согласия. — В этом месяце может быть и совсем ничего не получим. Не можем сами написать заново стены. Подрисовать — это у нас получается. А наново не можем. — Снова подчеркнул он. — Вот и сейчас, если не сделаем, что обещали, нас могут заменить другими. Так вот, слушайте. — Он обвел всех колючим взглядом. — Давайте художнику заплатим триста в этом месяце. — Все напряженно молчали, недовольные предложением бригадира. — Но с условием, чтобы он по новой расписал четыре колонны, оговоренные договором, а мы будем реставрировать, что нам под силу. Согласен? — Обратился он ко мне. — Вот так заработать триста?

Я понял, что Эдик мне что-то не договорил, или не знал здесь положения дел. «Куда идти? — Мелькнула у меня отчаянная от бессилия мысль. — К родителям нельзя! В Москву, невозможно без денег!» И я сказал, неожиданно сам для себя:

— Согласен!

Видимо, сыграло мое природное нутро — я все перенесу, все могу сделать!

Даже Захарыч недоверчиво посмотрел на меня:

— А сможешь? Работать придется днем, и ночью. Хватит сил?

— Если будет получаться, то сил хватит!

Мой ответ, по-видимому, удовлетворил бригаду. Я не пытался урвать у них лишнюю долю, а наоборот, соглашался помочь им получить больше, чем они получали ранее. Захарыч подвел итог:

— Значит так. Завтра приступаем к работе и весь заработок зависит от тебя. Понятно всем? — Он подчеркнул «от тебя».

— Понятно. — Ответил за всех Санька. — Но надо посмотреть, что он может?

— Завтра увидим. — Ответил Захарыч. — А сейчас давайте по последней и утром в семь, чтобы все были здесь, как штык и, чтобы головы не качались. Ясно?

Всем было ясно — придется работать на полную катушку. Молча допили остатки водки и разошлись по домам. Мы шли с Захарычем и он мне вдруг сказал:

— Я думаю у тебя должно получиться. Твои иконы высоко ценились среди знатоков.

Я внутренне сжался — откуда он это знает. Наверное Горенков, когда рекомендовал меня на работу, сообщил ему это, чтобы поднять мой авторитет, успокаивал я сам себя. Но я смолчал, а Захарыч продолжал рассуждать:

— Если мы с тобой сойдемся характерами. — Почему «характерами» мелькнуло у меня. — То мы можем заработать побольше, чем на реставрации. — Он не пояснил источники заработка, но мне было ясно, что он имеет ввиду иконы. Для него это дело было само собой разумеющимся. — Но это попозже. А сейчас надо дать ребятам заработать, скоро зима а у некоторых даже теплой одежки нет. Пропивают все, черти! — Сплюнул Захарыч. — Но специалисты они неплохие.

Так он говорил, а я следом размышлял: «Попал в бригаду пьяниц. Собственно говоря, это талантливые по-своему люди. Потерянные люди. Скитаются по стране — есть возможность работают, пьют. Денег не копят. Перекасти поле! Но заработки, вроде, будут неплохие. Придется с ними работать. Привыкну». А Захарыч продолжал говорить:

— Надоела моя жизнь. Еще с годик поработаю, подсобираю денег на квартиру и уеду к себе в Одессу. Хватит таскаться без угла и семьи...

Я был удивлен — почему у него нет семьи? Возраст уже солидный.

— А разве вы не женаты?

— Когда-то был. Но жена меня бросила, сын меня толком и не знает. Такова была жизнь. Сталинщина. А деньги мне нужны, чтобы купить хорошую квартиру и жить по-нормальному. А в Одессе, слышал наверное, и квартиры дорогие, да и житье тоже... Ну, давай, до завтра.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. В моем новом жилище меня ждали Иванычи. Ивановна приготовила, как она выразилась, праздничный ужин и мне пришлось сесть за стол, снова выпить рюмку и закусить молодой картошечкой с малосольными огурцами. Видя, что я устал, Ивановна выговорила Иванычу:

— Ты, что ж не видишь, Юрочка, устал с дороги. Ему надо спать. А ты все лезешь — еще по одной, по одной...

Иваныч оправдывался, что мол ничего такого и не предлагает, просто интересно поговорить с новым человеком, а вообще-то пора и спать. Так мы разошлись по своим комнатам. Ивановна расстелила мне постель и я заснул непробудным сном.

А утром началась работа. Настоящая, какой я еще не занимался. Захарыч принес огромную стопу эскизов и рисунков, мы выбрали нужную тематику

и я сразу же приступил к наброскам на колоннах. Целую неделю я занимался этим, лазая по козлам наверху под куполом, ползая на животе внизу по полу. Когда эскиз получался и нравился нам, то вызывали местного попа и согласовывали с ним картину. Он курировал нашу работу, мог принимать решения, но если колебался, вызывал откуда-то более высокий чин священнослужителя. А потом, вся бригада начинала раскраску рисунка, а мне оставалось доводить картину до завершения. Работа, скажу я вам, адская по своим моральным и физическим затратам. Мне было жалко доверять свою работу, так скажем подмастерьям, но сам я не успевал ее делать физически. У меня все получалось. Захарыч был удовлетворен, а Санька — вечно с похмелья, или успевший опохмелиться с утра, периодически восторженно восклицал:

— Да, ты, Юрок, талант! Смотри-ка!

Что смотреть, я не знал, он этого не пояснял, но похвала была мне приятна.

Мы только немного не уложились в предусмотренные сроки. Но Захарыч сумел убедить прибывших церковников, что возникли сложности, непредусмотренные проектом и нам выплатили все деньги. Я получил свои — ровно триста рублей, которые мне отдал Захарыч без всякой ведомости, а значит и росписи. Ребята были довольны мной. Один из них сказал:

— Не зря мы тебя взяли. А то думали молод, можешь не справиться.

И сразу же сели обмывать получку. Я был удовлетворен тем, что могу выполнить и эту работу и то, что не подвел бригаду.

4

Но вскоре моя жизнь дала крутой зигзаг. Но все по порядку. В своей комнате, у Иваннычей я поставил, сбитый самим собой самодельный мольберт, приобрел холсты, краски и набрасывал этюды. Обдумывал, как мне приступить к воплощению своей главной цели — создать галерею картин истории Руси. Несколько картин этого цикла у меня были написаны еще во время учебы, но сейчас они мне не нравились, несмотря на то, что их в свое время хвалили и дали дипломы. Я понял, в чем причина моей неудовлетворенности. Я впервые соприкоснулся с нелегкой жизнью российской глубинки, где все не так, как в столице. Здесь размеренно текла нелегкая народная жизнь. А вот этой жизни мне именно раньше не хватало в моих картинах. Теперь, ранее написанное, казалось мне надуманным, попусту усложненным и я искал для себя что-то новое.

Я написал маслом портреты Иванныча и Ивановны — получилось неплохо. Теперь они

специально, так мне казалось, зазывали к себе в гости соседей и показывали свои портреты, висевшие на стенке и расхваливали меня — какой я хороший, тихий, непьющий, вежливый и прочее квартирант. Когда я это слышал мне становилось смешно, таким я себя не чувствовал.

Наступила осень — прекрасная пора в нашей среднерусской полосе. Я ходил по выходным в лес и набрасывал этюды. От великолепия красок я задыхался и все их старался вместить в свои холсты. Но чувствовал, что не все у меня получается. Мне чего-то не хватало и я понял — души, способной не просто воспринимать, а сопереживать с природой, любить ее больше, чем себя. Но этого качества во мне, пока не было. Любовь пока не прикасалась ко мне своим крылом.

И вот эта, так называемая любовь, нежданно-негаданно вошла в меня. Вот такой зигзаг! Конечно, я ее ждал, но не здесь в глуши и не в осеннее время, переходящее в студеную зиму. Я считал, что любовь должна возникать весной, когда оживает природа, а вместе с ней обостряются чувства человека.

Была уже поздняя осень и однажды, на ноябрьские праздники, прихожу домой и вижу — в зале за столом с Иванычами сидит и пьет чай, девушка. Сказать, что она была красива — мало. На вид ей было лет двадцать. Правильные черты лица,

что я сразу же определил, как художник, огромные черные глаза под густыми, как бы наклеенными бровями, прямой небольшой носик, полные яркие губы и черная коса до середины спины. Ну и, соответственно, прекрасная фигура.

«Ей бы быть натурщицей!» — Сразу же определил я ей место в жизни, заморожено глядя на нее — вот именно такая натура мне была сейчас необходима.

Ивановна вскочила из-за стола и, радостно улыбаясь, сообщила:

— А к нам приехала внучка из Москвы! Так неожиданно. Не писала, а приехала. Раздевайся и садись за стол.

Я механически разделся, бросил сумку на пол и пошел к столу, кажется, не отрывая глаз от девушки. Иваныч обрадовался моему приходу еще больше, чем Ивановна и сразу же достал бутылку — женщины для него не компания, а со мной, по поводу приезда внучки, можно и выпить. Какой повод! Такой повод может еще долго не представиться.

Девушка внимательно, и как мне кажется с интересом, рассматривала меня и произнесла мелодичным голосом:

— Вот вы какой? А мне бабушка с дедушкой рассказывали о вас, рассказывали, даже заинтриговали. Садитесь? — Пригласила она.

Я сел за стол и невпопад, то ли ответил, то ли спросил:

— Какой я?

Девушка засмеялась, а у меня от волнения, никак не свойственного мне раньше, поплыло в глазах. Я боялся смотреть на нее прямо, а только изредка бросал на нее искоса взгляд.

— Какой? — Переспросила она. — Да, бабушка говорит не такой, как все. Умный, отзывчивый, красивый и, к тому же, художник. — Она вновь засмеялась. Видимо, ей нравилось мое смущение.

— Обыкновенный, только рисовать умею. — Снова невпопад ответил я.

Почему на меня нашла такая застенчивость и оторопь, я понял сразу же — девушка мне нравится. У меня были девушки до нее, но так я не робел, как сейчас. Может это происходило от того, что много работал и на местных женщин, в основном, захлопотанных работой и семьей, не обращал внимания. А те женщины, которые были доступны многим, меня не прельщали — я брезгливый человек. И вот, в старом деревянном домике будто появился великолепный весенний цветок, осветивший ее серые углы, затмивший неброские отживающие краски поздней осени.

Девушка будто бы наслаждалась моим смущением, и хитро поглядывала на меня, то ли

ожидая, что я выйду из своей скованности, то ли желала еще что-то сказать, и продлить мою робость. Но это неопределенное состояние разрушил Иваныч:

— Давай, Юрий, выпьем за приезд Марины. Да, ты не бойся. Это она вначале такая смелая — потом оробеет, слова не выжмешь. Недаром она живет на Кавказе и отец у нее абрек. А они баб в кулаке держат, не то что мы. — Иваныч видимо не любил своего зятя, раз выразился таким образом в его адрес, а мне стало понятно, что отец Марины кавказец. Поэтому-то она, немного смугла и черноволоса.

Теперь уже смутилась Марина и с обидой ответила деду:

— Он не абрек, а смесь русского и осетина, и по паспорту русский... — Она заметно увяла после слов деда.

— Все равно... — Пробубнил дед и скомандовал. — Давайте все выпьем за приезд внучки. Вот-то не ждали ее приезда.

Он первым опрокинул стопку в рот, я тоже. Ивановна отпила немного. Марина, видимо, недовольная словами деда, выпила чуть ли не все — немного на дне осталось. Пока закусывали, молчали. Водка вернула мне уверенность и я уже, как недавно она сама, стал с интересом ее рассматривать. Несомненно красива — мелькало у

меня в голове — такой образ заслуживает картины.

— А у вас получились дедушка и бабушка на портретах. — Сказала Марина, обращаясь ко мне. — Мне они там кажутся более живыми и красивыми, чем на фотографиях.

— Спасибо. Я так не думаю. Они красивые и в жизни...

Иваныч торопился налить в стопки еще по одной порции, но я отказался и сказал, что пойду к себе в комнату, приведу себя в порядок и позанимаюсь. Вставая из-за стола, я посмотрел на Марину внимательным взглядом, отчего ее смуглое лицо покраснело, и она опустила глаза. Кажется наши роли поменялись — теперь она заинтересовалась мной.

В комнате я переоделся в спортивный костюм. Прибираться было мне не нужно, Ивановна каждодневно протирала мою комнату от пыли и освежала полы. Я сел за стол и стал рассматривать репродукции в книгах и альбомах, но невнимательно и бесцельно. Меня занимал другой вопрос — зайдет ли ко мне Марина? Время тянулось нудно и медленно, прошло уже более часа, а она не спешила посмотреть мои работы, которые я готов был ей показать, чего не делал перед другими. А может быть она уже заходила ко мне без меня и ее в моей комнате ничто не заинтересовало? Появилась и эта мысль. Дверь в

свою комнату я не закрывал. Каждый день Ивановна убирала в ней. Вполне могла зайти и Марина в мое отсутствие. А может она просто пустышка, красивая кукла? Была и такая мысль. Прошел еще час и я уже решил сам выйти в зал посмотреть телевизор. Чем не повод? Пока я так решал, раздался осторожный стук в дверь. Я понял, так может стучаться только она. Иванычи обычно окликали меня. Я вскочил со стула и громко ответил:

— Да-да. Входите.

Дверь тихо отворилась и на пороге появилась Марина.

— Можно к вам? — Спросила она извиняюще, и опустила вниз глаза...

«Все-таки сама пришла!» — Мелькнула у меня радостная мысль.

— Да. Конечно, можно. — Громко, как можно приветливее, ответил я.

Она прищутив огромные черные глаза прошла к столу:

— А у вас в комнате сумрачно?

— Нет, светло. — Возразил я. — Это пока горит настольная лампа. Я сейчас включу абажур.

Комната осветилась полностью. Марина села на стул и замолчала. Наверное, она чувствовала себя неловко от того, что ей пришлось зайти ко мне самой, а не по моему приглашению. Я тоже молчал

и рассматривал ее. Все-таки взгляд профессионального художника, каковым я себя считал, мешает первому знакомству. Художник оценивает сначала образ, видит куски его эстетической красоты и уродства, а только потом человека. Таким был и я в то время. Может, поэтому мне не нравилась композиция моих картин. В них не было той целостности, которую я бы хотел видеть.

Она продолжала смущенно молчать и я предложил ей то, единственное, что мог предложить в первый раз, хотя это было не в моих правилах:

— Хотите посмотреть мои картины?

— Да.

Я ей показал свои рисунки и картины, сделанные мной за эти три месяца. Рассказал, как мы оформляем храм. А потом предложил, снова же единственное, что мог — написать ее портрет. Она смущаясь ответила:

— А мы с вами даже не знакомы.

— Я знаю, как вас звать?

— Я тоже. Но мы так и не познакомились.

— Я — Юрий. В этом году закончил институт. Сейчас временно работаю здесь.

— А меня зовут Марина. Я еще студентка третьего курса института легкой промышленности.

— Вот такого института, я еще не знал. —

Рассмеялся я.

— А мне бабушка и дедушка сказали, что вы художник. — Тоже рассмеялась она.

Вот так мы стали знакомы, как бы официально, напряженность между нами растаяла и она согласилась мне позировать. Портрет карандашом я написал в течение пяти минут, но растянул удовольствие, чтобы на нее глядеть подольше, на полчаса. Портретом она осталась довольна и сказала улыбаясь:

— Я его повешу в своей комнате в общежитии — пусть все смотрят, какая я. И буду говорить, что нарисовал меня известный художник.

Потом мы пошли пить чай и смотреть телевизор. Иваныч допивал бутылку за приезд внучки. Уже темнело и мы решили с Мариной прогуляться по городку, сходить в кино. Но сеанс уже начался, следующего мы решили не ждать и бродили по-осеннему промокшим от долгого дождя, улицам. Я немного рассказал ей о себе, а она о себе. Марина оказывается была последним ребенком из пяти детей в их семье. Братья и сестры у нее давно уже взрослые и каждого из них своя семья. Родители не хотели ее отпускать учиться в Москву, но она настояла, и вот учится в столице. Папа у нее, действительно, наполовину кавказец — поэтому она черноволосая и смуглая. Ну, а мама известно откуда. На эти праздники она не поехала

домой, а решила навестить дедушку и бабушку, а к родителям поедет на зимние каникулы. Вот собственно и все о ее биографии.

Завтра мы должны были работать, хотя день праздничный, но мы — шабайская бригада, нас праздники не волнуют и надо многое успеть, пока не хватили морозы. Я ей предложил зайти к нам в собор и посмотреть, что мы делаем. Марина согласилась.

Вечером, уже в постели, я не мог долго заснуть — перед моими закрытыми глазами все время стоял образ Марины. Неужели влюбился? Думал я. С первого взгляда? А почему бы и нет. Мне уже вот-вот стукнет двадцать семь лет, пора бы и найти себе жену. Институт закончил, правда, пока нет постоянной работы и никому неизвестен — но я работоспособен, добьюсь своего. Творческие планы у меня огромные — но их воплещу в жизнь. Да, пора жениться! Такие мысли впервые посетили меня. Ей, видимо уже лет двадцать или около того. Разница в возрасте нормальная. Сколько сразу же проблем возникло передо мной и это только от первой встречи! А что будет дальше? В конце концов я заснул.

Утром я был на работе и узнал новость — два наших женатых члена бригады решили нас покинуть и направиться на юг, поближе к теплу. Это обыкновенное явление — свободные

художники мигрировали, как птицы, в зависимости от времени года. Захарыч, давно знающий такие нравы, не возражал и они договорились только о времени получения причитающихся денег и вопрос был решен. Наш бригадир мне и Саньке сказал так:

— Пусть уезжают. Зимой работы будет не так много, нам больше денег достанется.

Вопрос о деньгах — а мне их должно было потребоваться вскоре много, меня полностью удовлетворял. А на лето Захарыч пообещал подыскать новых мастеров — зимой они не нужны.

Я доделывал роспись на стене, а в голове носилась мысль — когда же придет Марина? И вот в таком напряженном ожидании я прождал почти до обеда — и она появилась. На ней было поношенное демисезонное пальто, что было заметно при дневном свете, но взгляд задерживался не на ее одежде, а на лице. В пасмурном свете осеннего дня оно было особенно красиво и приковывало к себе взоры, оставляя детали одежды в стороне. Я соскочил с козел и подбежал к ней.

— Долго тебя приходится ждать? — Укоризненно сказал я ей, не заметив, как перешел на «ты».

— Дедушка задержал, да и бабушка тоже. Все расскажи, да расскажи обо всех. А у нас семейка большая — пока обо всех расскажешь — полдня пройдет. Ну, показывай, что ты рисуешь? —

Ответила она, тоже перейдя, на «ты».

Все члены бригады смотрели на нее, как бы зачарованно — никто не ожидал, что в этот еще полуразрушенный и грязный храм придет красивая девушка, тем более конкретно к нам. Санька даже присвистнул:

— Смотри какая краля!

Я не смог отказать себе в удовольствии и представил ее:

— Это Марина, внучка моих хозяев. Пришла посмотреть, что мы уже сделали.

— Пусть смотрит. — Ответил за всех Захарыч. — Но не мешает работать. — Подчеркнул он.

— Не помешает. — Ответил я. — Пойдем, Марина, я тебе покажу, что мы сделали.

Я показал ей колонны, которые успели расписать, обнажающиеся от штукатурки старые фрески, объяснил кладку кирпича — она действительно была оригинальной, но подчеркнул, что работы много и в том составе, в котором мы работаем сейчас, хватит реставрации на десяток лет. Нужны еще специалисты, чтобы реставрировать храм быстрее.

На нее, как я смог заметить, мои объяснения не произвели впечатления. И снова у меня зародилась мысль: «А не пустышка ли она? Красивая кукла?» Но стоило мне взглянуть на ее

лицо и эта мысль пропадала. Удивительно, как все красивое заслоняет содержание. Удивительно! Но Марина вдруг сказала то, отчего мои мысли насчет ее пустоты сразу же рассеялись:

— А твои фрески со смыслом.

— Смысл обыкновенный... — Растерянно ответил я, не ожидавший похвалы.

Но нам мешал говорить Санька, который дыша водочным перегаром, постоянно вклинивался в наш разговор:

— Вы хотите посмотреть купол? Надо подниматься по лестнице. Могу показать вскрытую мной картину? Там Богородица на вас похожа.

Мне надоело его присутствие и я сказал:

— Иди, Санька, занимайся своими делами, а я пойду провожу Марину.

Я вывел ее из храма и мы договорились, что я вечером приду пораньше и мы сходим в кино. Захарыч смотрел ей вслед и произнес, обращаясь ко мне:

— Да, красивая девушка. Откуда она?

— Студентка из Москвы, а родом с Кубани. Сейчас приехала на пару дней к деду с бабой, у которых я живу.

— Да, красивая. — Снова произнес Захарыч. — Ей, конечно, место не в захолустье... — Но где ей место он не пояснил.

Зато Санька рубанул напрямик:

— Ты, Юрко, не теряйся. Бери эту кралю на бордаж сегодня же... Уедет — больше твоей никогда не будет. Ее любой отхватит, особенно, с тугим кошельком...

— Помолчи! — Отрезал я, и Санька послушно замолк.

Их разговоры меня только пуще раззадорили — почему она кому-то достанется, а не мне? Чем я кого-то хуже? И я твердо решил, что Марина будет моей.

Еще два дня, до ее отъезда, пролетели молниеносно. Мы с ней бродили по городку, я успел написать ее небольшой портрет маслом и пообещал сделать большой, вели нескончаемые разговоры. Марина уехала в тот день, когда выпал первый снег — я этот снег запомнил на всю жизнь. Впервые в жизни, мне не хотелось с этим человеком расставаться. И я пообещал ей приехать в ближайшее время на несколько дней в Москву. Время у меня будет, наступила зима и работы в храме будет немного. На таких условиях мы и расстались. Я уже точно знал, что влюблен и вошел в новый, неизвестный поворот своей судьбы.

Я знал, что первой картиной моего исторического цикла должна стать тема рождения и благословения России, так сказать, мой запев. Картины, которые я написал раньше, как и последующие будут идти более дальними

номерами. Это должна быть сцена совета славянских богов, а перед ними стоит Россия. Боги решают — какими качествами ее наградить. Картина должна быть потрясающей. В этом я был уверен и порукой всему была моя первая любовь, как бурная разлившаяся в половодье река, под названием — вдохновение.

5

Теперь я должен вернуться к Захарычу и немного пояснить, что же это за личность. Он сидел не в столь отдаленных местах, но за что, я так и не понял. Единственное, как он туманно пояснил — во времена культа личности. Вообще-то, должен заметить, что те кто тянул срок, не любят об этом распространяться, если, конечно он, не пацан, ничего не понявший из отсидки и, старающийся этим, подчеркнуть свою значимость. Серьезные люди о таком прошлом молчат. Но Захарыч в свое время не был политическим заключенным, на что он старательно намекал. Это понимали все. А какое его уголовное прошлое, я не знал. Только родом он был из Одессы. Об этом он говорил часто и не скрывал, что хотел бы туда уехать на постоянное жительство.

По бригадирским делам он часто отлучался с работы, в основном, для встреч с руководством,

согласования каких-то работ, выбивания денег. В этом отношении он был молодец и не давал нас в обиду. Но он постоянно привозил к себе домой старинные иконы и утварь. Санька как-то напрямую мне сказал, что он ими торгует. Но вот этого, сам Захарыч никому и никогда не говорил, был скрытен, как крот. Куда он девал старину, я не знал. Только всезнающий Санька мне немного пояснил — к нему откуда-то приезжают и все лучшее забирают, или он сам ездит с иконами в столицу.

Когда-то он был неплохим художником, но с годами растерял навыки. Сошлюсь на себя, я тоже многое потерял в своем мастерстве за десять лет лагерей и потом мне пришлось долго восстанавливать свое умение. Но для этого надо постоянно работать. Видимо, Захарыч не сумел вовремя этого сделать и сейчас за чисто изобразительную работу не брался, ограничиваясь разрисовкой фона, вскрытием стен, то есть работой, где не требовались фантазия и мастерство.

После отъезда Марины, Захарыч, как когда-то в первые мои дни, вторично заговорил со мной об иконописном деле, но более конкретно. На этот раз он мне предложил прямо — восстановить несколько икон, за которые я бы смог получить хорошие деньги, если угодно — в иностранной валюте. Будут платить хорошо, не так, как несколько лет назад. Я понял, что он знает о моей

прошлой деятельности. Но от кого он это узнал, он мне не говорил. Но я догадывался откуда. Я не отказался от его предложения, но можно так сказать, уклонился. Я помнил, как пять лет назад Горенков и его друзья, перепуганно просили меня забыть все, связанное с иконами. Да я и сам знал, что это криминал и связываться с уголовщиной не хотелось.

А в первых числах декабря к нам пожаловал сам Эдуард Горенков. Он приехал вместе с Захарычем, который перед этим куда-то уезжал на два дня, и остановился жить у него. Но Эдик побыл у нас один день. Вся бригада, а нас в ней осталось только трое, еще двое рассчитались, собралась у Захарыча. Жена Захарыча, а вернее сожительница, приготовила закусить и выпить, чем мы сразу же и занялись. Эдик, за эти месяцы, как мне показалось, еще более постарел и похудел. Одет он был, как всегда — по дорожному красиво. Объяснил мне, что по заданию своего фонда объезжает объекты реставрации и вот заехал к нам. Санька, которому Захарыч усердно подливал водки, вскоре отключился. Его он оттащил в другую комнату и положил на кровать спать. Мы остались втроем и каждый из нас пил немного — я вообще небольшой любитель спиртного, Эдик в силу своего поведения, а Захарыч — сдерживался. Но Захарыч налил всем еще по рюмке водки и предложил:

— Давайте выпьем за наш разговор, который должен многое решить!

Эдик согласно кивнул и, к моему удивлению, выпил всю рюмку. Мне пришлось сделать тоже самое. Пока закусывали, Захарыч пригладив седоватые усы сказал:

— Вот, Юрий, наше начальство. — Он кивнул на Эдика. Называть всех начальниками — привычка бывших зеков. — Предлагает нам выгодное дельце. К следующей осени мы можем получить хорошие бабки и смотаться отсюда, кто куда хочет, с приличными деньгами. Эдуард Павлович, может вы сами расскажите?

Эдик снова в знак согласия кивнул головой и, немного подумав, начал:

— Я вас обоих хорошо знаю и доверяю. Поэтому решился на этот разговор. С другими бы я не говорил так... Думаю понятно? Принято решение, чтобы этот собор не просто восстановить, а сделать из него художественную ценность. Поэтому нужны будут фрески не простые, обычные, а высокой художественной ценности. — Эдик научился за время работы в фонде говорить по казенному. — Под эту работу выделяются приличные деньги. Я вот, что подумал. Ты, Юра, несомненно талантливый художник, мог бы взять на себя подготовку эскизов росписи. Не будем привлекать посторонних. Конечно — все должно

быть оригинальным и под старину, но одновременно и современно. Эта работа ляжет на тебя, Юра. Мы здесь тебе не помощники. Для росписи по твоим эскизам мы организуем к лету дополнительную бригаду художников, чтобы к осени этот участок работ выполнить. Наш фонд оплатит конкурс, если таковой будет. Премия три тысячи рублей. А с церкви мы дополнительно сдерем неплохой куш. Вот так схематично я могу изложить тебе будущую работу.

Эдик, как всегда чего-то недоговаривал. Захарыч, видимо, был в курсе его плана, и Эдик больше обращался ко мне. Я решил уточнить;

— А сколько церковь даст?

— Пока не знаю, но рассчитываю тысяч на десять. Плюс столько же выделяет наш фонд. Надо за три года ввести этот собор в оборот. — Так он выразился.

Предложение ничего плохого в себе не таило, и я своим живым умом стал прикидывать какие бы библейские сцены мог изобразить на фресках.

— Я согласен. Но я не хочу здесь долго задерживаться. В крайнем случае до осени.

— Конечно! — Обрадовался Эдик. — Твое место в столице. Деньги я думаю ты уже поднакопил, получишь через год еще несколько тысяч и можешь обосноваться в Москве. Купить на первых порах небольшую квартиру, а может и

мастерскую. И начнешь свою творческую деятельность. Раз ты согласен значит я начинаю это дело крутить, но здесь есть одно но... — И Эдик выразительно посмотрел на Захарыча.

Тот откашлялся и налил еще в рюмки. Но мы их не выпили.

— Понимаешь ли, Юрий. Эдуард Павлович будет все это дело проталкивать и потребуются много дополнительных расходов. Чтобы иметь деньги — надо частью их делиться. Это — закон жизни. Давай мы, Эдуарду Павловичу выделим четвертую часть будущих денег для организационных расходов, а что из них останется будет его. Ты должен все правильно понимать.

А я уже думал о Марине. Москва, квартира, женитьба, семья... Как сладко об этом мечтать! Год повкалываю по-хорошему и все у меня будет! И я ответил:

— Согласен. Только ты Эдуард все это быстрее пробивай.

— Но снова есть но, уже второе. — Голубые глаза Эдика смотрели бесстрастно, как у хладнокровного охотника, прицелившегося в свою жертву. — Весной у вас в бригаде появятся новые люди. Им о нашем уговоре ни слова, они будут получать только то, что сделают. Захарыч этот вопрос возьмет на себя.

Захарыч закивал головой:

— Все это между нами. Договорились?

— Да. — Ответил я.

— Писать соглашение мы не будем. —

Улыбнулся тонкими губами Эдик. — Все строится на абсолютном доверии между нами. На абсолютном! — Подчеркнул он.

И вот только тогда, он поднял свою рюмку и провозгласил шуточный тост из какого-то кинофильма:

— За успех нашего предприятия!

Мы выпили и, я засобиравшись домой. Захарыч был озабочен — как теперь разбудить Саньку. Его он специально накачал, чтобы не присутствовал при нашем разговоре — мне это стало ясно, но немного и неприятно, что мы обманываем своего товарища по бригаде. Эдик предложил проводить меня до дома и, если можно, показать ему мои новые картины. Мы ушли, оставив Захарыча с его проблемой — выпроваживания Саньки.

По дороге ко мне Эдик Горенков рассказал о своей жизни. С женой он разводится, суд через месяц. С ней он уже давно не живет. Жить с ней невозможно, запросы такие, что он их не в состоянии удовлетворить и в десятой части. Кроме того жена потолстела и потеряла для него эстетическую привлекательность.

— Я по своему складу характера и профессии. — Пояснил Эдик то, что говорил

раньше. — Люблю все самое красивое, одухотворенное. А рядом с такой женой и сам становишься мешковиной. Прощай весь эстетизм, чувство прекрасного, высокая будущность. А так низко пасть, я не могу. Надо вовремя поменять обстановку, хотя бы с временными утратами для себя, чтобы снова войти в круг прекрасного. Правда, дочку жалко. Но что делать? Ты меня должен, Юра, понять.

— Понимаю. — Рассеянно отвечал я, занятый собственными мыслями о своем будущем. Он расходится, я собираюсь жениться — проблемы одинаковые, только на разных полюсах.

— Их родня не хочет обменивать свою квартиру. Но мне подыскали однокомнатную квартиру. Но в таких халупах я жить не привык, сейчас обмениваю ее на трехкомнатную с доплатой. Знаешь, Юра, денег много надо. Залез в долги по уши, их надо отдавать, вот и кручусь. Поэтому и с вами решил контактировать. Деньги мне нужны, Юра, деньги! — Повторил он и глубоко вздохнул. — Ты не обижаешься, что четверть вашего гонорара я возьму себе?

— Нет. Лишь бы нас не обидел.

— Не обижу. Поверь мне. А собственно говоря, ты меня знаешь, если я взялся за что-нибудь — доведу дело до конца. Спасибо, что хоть ты меня понимаешь. А то мой отчим, помнишь Леонида

Терентьевича — не хочет меня после ухода от жены и ее родственников, видеть. Не хочет со мной разговаривать. По секрету скажу — он мне эту жену подыскал. А сейчас выглядит виноватым перед ними. Скотина он! Мать его вывела в люди, и он возомнил себя великим художником. А кроме разрисовки декораций у него мало, что получается. Вот, такие акварели, Юра!

Мы подошли к дому Иваннычей и прошли в мою комнату. Иваннычи хотели накрыть для гостя стол — уж очень они были гостеприимными людьми, настоящие русские души, но я сказал, что не надо. В комнате Эдик разделся и я стал показывать ему свои картины. Их было немного. Две небольшие картины он отобрал — осенний пейзаж и вид храма, который мы реставрировали.

— Если не возражаешь. — Предложил он. — Я их возьму и постараюсь продать какому-нибудь музею.

— Конечно, нет.

— Договорились. Десять процентов от суммы мне, как посреднику.

— Идет. — Это был обычный посреднический процент, который брали все, кто занимался продажей картин.

Мои исторические картины и этюды на эту тему не произвели на него впечатления.

— А более грандиозное, что-либо ты пишешь?

— Хочу приступить к большой работе. —
Признался я.

Эдик оторвался от осмотра картины и выжидательно стал смотреть на меня, но я молчал, не хотелось пока никому раскрывать свои замыслы.

— А что это будет грандиозное? — С улыбкой спросил он и в его голубых глазах мелькнул неподдельный интерес.

О цикле исторических картин я никому еще не говорил и Эдика не стал посвящать в свои творческие планы. Но раз проговорился, надо было что-то и сказать, хотя бы об одной картине. Я начал рассказывать о своей задумке, но не полностью.

— Картина должна быть и историческая, и философская. Точного названия я еще не придумал. То ли это будет напутствие богов России, то ли совет богов. Не знаю точно — пока черновое название.

— Интересно. Кажется, такое еще никто не писал?

— Вроде никто. Сюжет у меня сложился в голове. Славянские боги сидят и стоят в лесу полукругом, а в середине его стоит девушка по имени Россия...

— Она будет обнаженной?

— Не решил еще. Не выбрал времени года. Зима или весна.

— Зимой, конечно, нельзя изображать

обнаженную девушку, если она не самоубийца. Да и критики со зрителями не поймут. — Конкретно посоветовал мне Эдик. — Но замысел у тебя действительно грандиозный — я не мог в тебе ошибиться. А размер холста какой?

— Тоже не решил. Может метр на полтора, может больше.

— Бери больше. Как напишешь картину, покажи мне. Стану твоим агентом по ее продаже, а также других картин. В отличие от меня — ты талант. А кто-то сказал, что талантам надо помогать. — Эдик криво усмехнулся. — А мое дело администрирование и немного творчества. Се ля ви, как говорят французы. Я, к сожалению, хорошо знаю сам себя и не строю больших иллюзий о своем таланте. Мое дело — руководить талантами. Смотри, как все-таки я самокритичен?

— Слишком строго себя судишь... — Попытался я успокоить его, но он махнул рукой и стал дальше рассматривать мои рисунки.

Я не готовился к его приходу и не убрал в сторону карандашные портреты Марины. И вот он добрался до них, разложил их веером, как карты на столе, долго всматривался и спросил:

— А это кто?

— Внучка хозяев.

— Красивая. Ты натуру еще не нашел для образа России перед богами?

— Нет. — Ответил я, но сам думал изобразить на будущей картине Марину. Эдик словно угадал мои мысли.

— Она подходит для твоей картины. Но тебе окончательно выбирать. — Он зевнул. — Пора на ночлег отправляться к Захарычу. Ты меня проводишь?

— Конечно.

Когда мы, одетые вышли из моей комнаты, то увидели ждущих нас Ивановычей.

— Хоть чайку попейте, раз откусать не желаете. — Певуче по-здешнему пригласила Ивановна.

— Да-да. Так нельзя уходить. — Поддержал ее Иваныч.

И Эдик, вдруг неожиданно для меня, согласился попить чайку.

— Давай уважим хозяев и выпьем чаю? — Обратился он ко мне. — А то после выпивки пересыхает во рту.

Мы снова разделись и зашли в зал, где на столе стоял золотистый самовар. Ивановна разлила чай в большие фарфоровые кружки и мы начали чаевничать с вареньем из красной смородины. Эдик разговаривал с обоими Ивановычами одновременно и меня насторожил его вопрос — как часто к ним приезжает внучка, а то небось скучно одним старикам. Ивановна словоохотливо стала

рассказывать о Марине — откуда она и, где сейчас учится. Потом, что она делала постоянно, стала хвалить меня — какой я у нее хороший постоялец и показала портреты на стене, на которых я изобразил их. Эдик встал, подошел к ним ближе и стал рассматривать, а потом сказал мне, не обращая внимания на стариков.

— А портреты ничего. Знаешь, вот их бы предложить какому-то музею, думаю, что их бы купили. — В душе он уже был не художник, а делец. — Ты их не можешь забрать обратно?

Я растерялся от такого вопроса:

— Ты, Эдик, думай, что говоришь...

— Да-да. Извини. Если будет желание сделай второй экземпляр, я уверен, что их купят. Сейчас, при засильи социалистических мэтров, надо пробиваться в люди любыми путями. — Он, как ни в чем ни бывало, снова сел за стол и продолжил пить чай, стараясь по новой разговорить Ивановну. Но старушка, оскорбленная его предложением о продаже картин, отвечала ему неохотно. Так мы допили чай и поднялись. Эдик стал благодарить хозяев:

— Спасибо за чай. А варенье изумительное — съел бы килограмм и не заметил как, но, к сожалению, уже раньше отужинал. — Он скривил тонкие губы, будто варенье набило ему оскмину. — Ну, а если я сказал что-то не так, то

извините. У меня бывают моменты детской непосредственности — как у ребенка, которому хочется игрушку получить. Еще раз, извините.

Он нес мои картины, болтая ни о чем и уже недалеко от дома Захарыча спросил:

— А ты иконами больше не балуешься?

— Нет. Я и раньше не баловался, а просто писал.

— Как ты серьезен? Но, знаешь, сейчас они в цене. Может напишешь несколько штук, я реализую. Оплата будет, не как в прошлый раз, а пополам. За год ты сможешь заработать в десять раз больше, чем в храме.

— На продажу не хочу. Боюсь. Сам знаешь — дело подсудное. По заказу церкви — можно.

— Они меньше заплатят. Но я подумаю насчет церкви, а ты подумай, о моем предложении.

Мы подошли к дому, который снимал Захарыч и Эдик, со вздохом, видимо недовольный тем, что я отказался от икон, сказал:

— Ладно, будешь в Москве, заходи ко мне. Я думаю к новому году перебраться в новую квартиру. Можешь у меня остановиться. Я ж холостяк.

Мы распрощались, и на следующий день он уехал.

Тот новый год я ждал, как ребенок, которому пообещали в праздничную ночь, подарить давно желаемую им игрушку. Время тянулось медленно. Работы было немного, да и в холодном здании много не наработаешь. Санька приболел и Захарыч решил пока работы свернуть — я буду готовить эскизы и этюды фресок дома, а бригадир начнет готовить материалы для весенне-летних работ. В местной библиотеке нужных мне книг не оказалось, надо было ехать в более солидную библиотеку. Санька, выздоровев, взял что-то типа отпуска, и куда-то умотал, пообещав через месяц вернуться. Я тоже мог бы уехать, но домой к родителям на долгое время не хотелось, а в Москву к Марине, решил приехать точно под новый год, чтобы вместе провести праздники.

Я набрасывал, кроме фресок и этюды для своей картины «Напутствие богов России». Отдельные образы богов получились, но я их не мог композиционно расположить на картине. Это злило меня. Образ России вроде определился — это должна быть обнаженная девушка в прозрачной белой накидке, с распущенными волосами и босиком. Время — ранняя весна, еще лежит снег под деревьями, но цветут подснежники, а может еще что-то цветет, надо узнать у стариков о ранних цветах, или снова же посмотреть книги. Короче

говоря, мне необходимо было позаниматься в библиотеках, посетить музеи и выставки. За неделю до поездки я сообщил об этом Иванычам. Узнав, что я еду в Москву, Ивановна попросила меня передать внучке пирожков, соленья, варенье, на что я, естественно, согласился. А перед самым моим отъездом пришла поздравительная открытка от Марины бабушке и дедушке, где она просила передать привет и мне. Я был от этого приветов в эйфорическом состоянии — теперь я точно знал, что у меня появилась любовь.

Я уехал в Москву за четыре дня до нового года. Нашел Марину на занятиях в институте. Передал ей бесхитростные подарки бабушки. Она обрадовалась моему приезду, но в присутствии подруг заметно стеснялась находиться долго со мной и мы договорились за короткое время перерыва между парами, встретиться во второй половине дня. Потом я разыскал Эдика в его фонде, и он оставив на время свою работу, отвез меня на свою новую квартиру. Это была трехкомнатная квартира, в которой Эдик собирался провести косметический ремонт. Так он выразился. Мебели практически не было — на кухне стоял стол, с наваленной на нем горой немытой посуды. В одной комнате кровать и старый диван, и такого же возраста шифоньер. В других комнатах вообще ничего не было. Эдик по этому поводу сказал так:

— Сам видишь — надо мебель покупать, обклеить хорошими обоями. В общем, работы много, а денег мало. Все мои сбережения ушли на доплату после обмена той однокомнатной... Все-таки центр столицы, как видишь...

Эдик куда-то торопился и дал мне ключи, чтобы я пользовался квартирой в любое время и, как захочу. Он сам в ней ночует не всегда:

— Есть у меня телка, я больше у нее время провожу... Так удобнее... — Пояснил кратко он. — Если ты кого-то приведешь, скажи мне. Я не буду мешать тебе. Найду, где переспать...

Таким образом, я был с квартирой. Времени у меня было много и можно было приступать к работе — прежде всего посещению библиотек и музеев — о работе я никогда не забывал, даже во время намечаемых свиданий с Мариной.

С ней встретились, когда короткий декабрьский день, перешел в быстро набегающий вечер. Мы пошли в Третьяковскую галерею, которую я посещаю всегда, во время приездов в Москву. Позже посидели в кафе на Горького и я проводил ее до общежития. Разговоры вели общие, я боялся коснуться темы своих чувств, а она, наверное, тоже. У Марины сразу же после нового года начиналась сессия, а сейчас шла зачетная неделя, и работы тоже было много. Я заметил, что за учебу она очень переживала и мне это нравилось.

Мы договорились о дальнейших встречах, которые проходили урывками — я старался не отвлекать ее от подготовки к сессии.

За день до нового года, она пригласила меня на карнавал, который должен был проходить в институте и длиться целую ночь. Я согласился с радостью — можно будет отдохнуть без проблем. По этому поводу купил в ЦУМе новый костюм — деньги у меня были, и целую ночь мы гуляли. Было великолепно — много танцев, конкурсов и стол с выпивкой и закусками, который подогревал карнавал изнутри. Часов в пять утра карнавал устал и мы с Мариной решили пройтись по утренней новогодней Москве. Так дошли до станции метро и приехали ко мне, вернее на квартиру Эдика, где я располагался.

Марина сразу же поинтересовалась, чья это квартира и со вздохом сказала:

— Вот бы иметь квартиру в Москве и больше ничего не надо.

— Будет тебе квартира в Москве. — Бодро пообещал я. — Только подожди с полгода-год.

— Год немного, можно подождать. — Засмеялась она.

Я обнял ее и она склонила свою голову на мое плечо так, что я непроизвольно поцеловал ее сначала в щеку, а потом приподняв голову, в губы. Она ответила на мой поцелуй и для меня это было

все — я понял, что ей небезразличен и она будет моей. Но, когда мы сидели на диване, на котором эти дни я спал, и целовались, то попытался перейти к более решительным действиям. Марина встала и сказала, прямо глядя мне в глаза:

— Юра, только большего пока не надо?

— Почему? Я ж тебя люблю. И мы поженимся.

— Я тоже люблю. Но у нас на Кавказе есть обычай, девушку не трогать до тех пор, пока она не станет женой официально.

Я засмеялся:

— Ну, это ж анахронизм. Средневековье. Ныне до свадьбы начинают жить совместно, а бракосочетание так, фикция, документ для других.

Марина смутилась и ее смуглое лицо стало пунцовым.

— Не смейся. У нас в семье хоть и не средневековье, но есть такой обычай. Он, хотя и неписаный, но все мои сестры и братья его исполняли. Конечно же, до свадьбы. — Она покраснела еще больше и будто бы слезы навернулись на ее глаза. — Невеста до свадьбы должна оставаться девушкой. И не должна обрезать до свадьбы косу.

— И ты тоже?... — Промолвил я, имея ввиду косу.

Но она не до конца поняла заданный мной

вопрос.

— Да, я тоже хочу придерживаться этого обычая. Прости меня, если тебе что-то не нравится. Не можешь терпеть — найди другую.

Я привстал, обнял, как можно нежнее, поцеловал ее в губы и мокрые глаза. Она не отстранялась, а я прошептал:

— Я тоже буду чтить этот обычай. Но только до свадьбы. Хорошо?

— Да. — Прошептала она в ответ, и доверчиво всем телом прижалась ко мне.

Ее отношением к будущему я был обезоружен и, кажется, полюбил ее после этих слов во сто крат больше. Теперь я был обязан беречь ее целомудрие, и ее саму. Таким образом, сам собой решился вопрос о нашей будущей свадьбе, оставалось лишь уточнить, как казалось мне, некоторые детали. Но увы этих деталей было, как позже выяснилось, так много, а некоторые из них формировались в целые блоки.

Потом, мы одетые легли вместе на единственный диван и даже заснули — все-таки усталость карнавальная ночи сказывалась.

Меня с Мариной разбудил шум в квартире и прежде, чем мы успели понять, что к чему, перед нами предстал Эдик Горенков. Он был заметно навеселе. С ним было еще трое друзей и подруг.

— А вот, как ты проводишь новый год?! —

Беспечно закричал он. — Смотрите мои друзья, как мой лучший друг — великолепный художник, проводит время в Москве. Он его не теряет! Свидетельства на лицо! Вставай быстрее и знакомь нас со своей дамой и знакомься с моими друзьями!

Мы с Мариной — оба смущенные, вскочили со старого дивана и спросонья попытались разобраться — как вести себя дальше? Как отшутиться? То, что Эдик шутит, было ясно.

В отличие от Эдика, его друзья были еще более навеселе, и поэтому громко гоготали и от их шуток становилось, немного, неприятно:

— У тебя, Эдя, притон! Почем берешь за ночь? А эта дама у тебя постоянно проживает?

Последняя шутка, после нашего недавнего, такого возвышенного разговора с Мариной, вызвала у меня не просто смущение, а зло. Марину, хоть и в шутку, незаслуженно оскорбили!

— Здесь я проживаю! — Ответил я громко. — А дам здесь не проживает! Ясно?

Эдик понял, что может получиться ссора, меня он знал, быстро сориентировавшись, скомандовал своим:

— Девочки и мальчики, на кухню! Там у меня есть стол, больше вы его нигде, ни в одной комнате не найдете. Закуски выбрасывайте на него, открывайте бутылки и продолжим встречать новый год!

Все пошли на кухню, а Эдик остался.

— Ты познакомишь меня со своей девушкой? — Спросил он меня, уже не называя Марину дамой.

— Да. Знакомься. Это Марина.

Он внимательно смотрел на нее своими голубыми немигающими глазами и этот взгляд мне казался сейчас неприятным.

— А я вас, кажется, знаю. — Произнес он, продолжая глядеть на Марину. — Я вас видел у ваших бабушек и дедушек. — Он поправился. — Вернее ваши портреты. Они произвели на меня приятное впечатление.

Он перевел глаза на меня.

— А ты, Юрка, молодец! У тебя есть вкус, как и у меня — выбирать самое лучшее. Эх! Правильно! Любить, так королеву! В крайнем случае принцессу! Молодец!

— Перестань, Эдик! — Попытался урезонить я его.

Но он, как всегда, легко снял возникшую было неприятность.

— Я, извиняюсь, если что-то не так. Немного выпил, ночь не спал, нервы возбуждены. Простите меня, Марина, и моих друзей, они шутили не со зла. Вы, просто, Марина, сразу же на всех производите неизгладимое впечатление. Поэтому такая реакция. А у пьяных...Ну понимаете? — И он скомандовал

нам. — Приводите себя в порядок и за стол!

Эдик ушел к гостям, а мы остались.

— Мы пойдем к ним? — Спросила Марина, причесывая густые черные волосы и заплетая их в одну косу.

— Да. Они неплохие ребята, только немного выпили. Сейчас познакомимся с поближе ними.

— А мне бы не хотелось. Так было хорошо вдвоем. И надо же им явиться. А я даже заснула и, даже рядом с мужчиной. Впервые в жизни! Удивительно? Сама себе не верю.

— Это оттого заснула, что устала. Мы ж ночь не спали.

— Какой ты рациональный. Нашел простенькое объяснение, нет чтобы, что-то романтическое...

— А романтическое в том, что ты меня не боишься и доверяешь мне! — Я обнял ее за плечи и поцеловал осторожно в губы и она мне снова ответила. Стало приятно и никого не хотелось видеть, но надо было идти к пришедшей компании. — Пойдем. Нас, наверное, уже заждались.

— Не хочется. Особенно видеть этого, который извинялся.

— Эдика? Он мой товарищ. Вместе учились в институте. А главное для нас сейчас то, что он является хозяином этой квартиры и разрешил мне в

ней жить. Ясно?

— А-а! — Протянула Марина. — Значит надо его терпеть. Но взгляд у него все равно неприятный.

— Дело привычки. В принципе, он хороший товарищ. Когда есть возможность, всегда поможет. Вот и мне помогал и помогает. Видишь, разрешил мне жить у себя. Хоть мебели нет, но зато есть угол, где можно переспать.

— Кажется он никогда не помогает по-дружески.

— Ты не права в отношении Эдика. Он был сейчас немного бесцеремонен оттого, что выпил. А вообще-то он редко позволяет себе выпивать. Ты еще убедишься, что была не права.

Марина пожала плечами в том смысле, мол пусть так и будет, как ты говоришь, возможно она ошибается, и вслух сказала:

— Пошли. Раз ты считаешь, что мы должны там быть.

Мы вышли из комнаты и направились в кухню. Если бы, тогда я прислушался к интуиции Марины, оценил бы Эдика по новой, ее глазами, может быть, трагедии у меня не случилось. Но я считал, что знаю Эдика достаточно хорошо и все его сильные и слабые стороны. Если бы я, тогда прислушался к ее голосу?...

На кухне Эдик с друзьями открыли консервы,

порезали колбасу и сыр, выставили на стол коньяк и вино. Эдик шутливо обратился ко мне и Марине:

— А я уже думал, что вы решили снова залечь в спячку. Говорю друзьям, если через минуту не появятся, то я их окликну на всякий случай, а мешать не буду. — Он засмеялся своей шутке. — А вы, тут как тут! Знакомьтесь, и продолжаем праздновать!

Я заметил, что от откровенных слов Эдика, Марина засмушалась и покраснела. Но Эдик уже не обращал на нее внимания, он старался какие-то тряпки приспособить под сидения и прикрыть их тряпками, чтобы безопаснее было сидеть. И Марина, видимо, сделала вывод, что все скользкое он говорил без всякого злого умысла. Но я-то знал, что Эдик ничего не говорит просто так, даже выпивши. А он, словно понимая нас, вообще завуалировал свои предыдущие слова:

— Я извиняюсь за такой прием, за временные неудобства, но месяца через два приходите в гости, всех размещу и даже согласно вашим желаниям. Я надеюсь к этому времени закупить всю мебель. — Пояснил он. — А сейчас к столу, наливайте себе в рюмки, стаканы, бокалы во все, что найдете. И вперед за новым годом!

Мы выпили, познакомились с ребятами и девушками. В конечном счете, как я и говорил Марине, они оказались хорошими ребятами, давно

знающие Эдика. Но он вел себя в этот раз, а может мне просто казалось, не так, как всегда. Обычно он сдержан, не проявляет наглядно своих эмоций, а сейчас был излишне суетлив и старался быть центром компании.

— Приглашаю вас всех на новоселье!

— А когда?

— Сообщу дополнительно. А сейчас нальем еще по одной и давайте выпьем за моего друга Юрия! — Это Эдик говорил обо мне и достаточно неожиданно для меня. — Юра действительно талант и скоро мы станем свидетелями превращения птенца, марающего кистью холст, в матерого мэтра живописи. Я его знаю хорошо и по хорошему завидую ему. Скоро мы будем стоять в очередях за билетом на его выставки и наслаждаться его творчеством...

— Эдик, хватит! — Пытался я его урезонить. Но честно признаюсь, мне его похвала была приятна, особенно, в присутствии Марины.

— Да, Юра, ты прав! Пора заканчивать тост во славу тебя и выпить. Но друзья мои, поверьте мне! Вы сидите за одним столом с будущим светилом нашего искусства. Я в талантах не ошибаюсь! Выпьем за Юру, моего друга!

Все выпили и мы с Мариной тоже. Я заметил, что Марина первую рюмку не допила, а вторую за меня — выпила до дна. Я с благодарностью

посмотрел на нее и она покраснев, улыбнулась мне, как бы показав, что эта рюмка — за меня. А Эдик, закусив и перекинувшись несколькими словами со своими друзьями, перешел к новому тосту.

— А теперь, друзья мои, вы видите рядом с моим талантливим другом, прекрасную девушку — Марину. Как будто морем всколыхнуло упоминание ее... Не помню чьи это стихи, но красивые. В человеке должно быть все прекрасно, как говаривал старик Чехов. Но я бы его поправил и дополнил — у талантливых людей должно быть и окружение прекрасно. Я имею ввиду квартиру и прочие аксессуары, а также отдельно, друзей и подруг! Друзья и подруги у него прекрасны, не так ли? А квартира еще будет в пределах Садового кольца и, конечно же, шикарная. Ну, а пока о Марине. Вы знаете, когда я с ней впервые познакомился? Не сейчас, и не сегодня? А давно... Не догадаетесь при каких обстоятельствах?

— Перестань, Эдик? — Попросил я его.

Я никогда не любил быть в центре внимания, в данном случае, в центре этой компании. Но, развеселившиеся наши новые друзья, заинтересовались знакомством Эдика и Марины и потребовали продолжения рассказа. Марина покраснела, и вдруг спросила Эдика:

— А когда это вы со мной успели познакомиться?

Она была явно заинтригована его словами. А Эдик, выдержав паузу и получив молчаливую поддержку всех, кроме меня, обратился ко мне:

— Юрочка! Если ты не хочешь, чтобы я рассказывал — не буду. Но тогда наши друзья лишатся возможности услышать удивительно красивую историю моего знакомства с Мариной... — Он не забывал упомянуть обязательно себя. — Ну, разреши, хотя бы коротко? — И не дожидаясь моего согласия начал. — Недавно, будучи в служебной командировке в одном маленьком городке, я зашел на квартиру, где живет Юрий. Хозяева, милые старики, угощали меня таким чаем с вареньем, какого в нашей столице не купишь никогда. Действительно это народное кушанье, о котором мы давно забыли в городе. Но мне по роду своей работы часто приходится быть в глубинке, и я знаю жизнь народа. Нам работникам искусства народная подпитка необходима, как воздух. — Эдик говорил трафаретами, с которыми выступал на собраниях провинциальных художников. — Так вот, народные кушанья страшно вкусные и, без сомнения полезные. Но вот захожу в комнату к Юрию, в которой он спит и рисует, а там представляете себе — куча картин и на них изображено только одно лицо. Догадываетесь чье? Точно — Марины! Которая так неожиданно сегодня находится среди

нас. Позвольте подойти к вам и поцеловать вашу ручку. — Эдик перегнулся через стол и Марина подала ему свою руку, которую он поцеловал. — Глядя на это прекрасное, одухотворенное лицо, тогда еще на картинах, я сразу же влюбился в эту девушку. Заочно, как вы понимаете. А вот теперь вижу натуру, которая полностью соответствует живописному образу...

Признаюсь мне было приятно слышать шуточные, хотя немного льстивые слова Эдика в адрес Марины и меня. Но я попытался его остановить:

— Эдик, ну перестань?

— Все заканчиваю. Только последний логический вывод. Так вот, вы мне можете задать естественный вопрос — как на эти картины попала Марина? А ответ прост и лежит на поверхности. Марина оказывается является внучкой этих двух прекрасных стариков, которые меня угощали таким душистым вареньем. Она приехала к ним в гости и Юрий, естественно, не мог пропустить такую натуру, не оставив себе память о ней.

Эдик произнес в общем-то двусмысленную фразу, на которую только я обратил внимание. Марина слушала его с явным удовольствием, лицо ее покраснелось и она не почувствовала двойного дна его слов.

— Так вот, я предлагаю выпить не за

картинный образ Марины, а за натуральный, который присутствует здесь!

Мы все выпили и Эдик сказал:

— А может быть в скором будущем лик Марины войдет в историю живописи. — Он посмотрел на меня и сразу же, сделав испуганный вид, замахал руками. — Молчу, молчу! А то я по пьянке могу разгласить чужие творческие планы. Веселимся от души!

В дальнейшем Эдик меня не касался, кроме разговора, где необходимо было мое слово. Но я обратил внимание, что он бросал на Марину оценивающие взгляды, но двусмысленных намеков с его стороны больше не было.

Часа через три мы с Мариной решили уйти. Я стал благодарить всех и отдельно хозяина за гостеприимство, пояснив свой уход необходимостью посещения еще одних знакомых. Никто не возражал, а Эдик, выйдя с нами в коридор предложил:

— А вы не желаете остаться у меня? Скоро мы все уйдем. Ночевать я здесь сегодня не буду. Я ж холостяк. Оставлю квартиру в ваше полное распоряжение.

Он вопросительно посмотрел на меня и Марину. Я был бы не прочь и остаться — шляться по зимней Москве не хотелось, но Марина категорически запротестовала:

— Спасибо, но у меня послезавтра экзамен, а я еще не раскрывала учебников. Мы пойдем.

— Как пожелаете. — Ответил Эдик. — Это я вам так, просто предложил. От широты души. Извините, что не так. — Он удивительно спокойно мог выходить из неприятных ситуаций одной фразой «извините, что не так».-А ты, Юра, придешь ночевать?

— Да. Мне просто некуда деваться. Спасибо, что привечаешь.

— Всегда тебе рад, Юра. Заходи ко мне, когда захочешь — ночью, днем, в любое время. И вы, Марина, тоже. Друзья Юры — мои друзья. Договорились? Я живу один. — Подчеркнул он последнюю фразу, в который раз, переводя взгляд то на Марину, то на меня.

Марина в ответ неопределенно кивнула головой и мы распрощались. Эдик несколько раз за это время говорил, что он холостяк. И пока он холостяк, то может отдать квартиру в наше полное распоряжение на столько времени, на сколько нам нужно.

Потом мы бродили с Мариной по вечерней новогодней Москве и, когда я ее довел до институтского общежития, она меня неожиданно спросила:

— А ты хорошо знаешь Эдуарда?

— Вроде хорошо. Уже лет семь-восемь

знаком. — Я имел ввиду знакомство с ним до армии. — А что он тебе понравился? — С некоторой долей ревности спросил я.

— Нет. Наоборот.

— Почему?

— Не знаю. Но в нем есть неискренность.

— Это в нем есть. — Согласился я. — Но в целом он неплохой товарищ. Мне помогал всегда. Если бы не он, то мы с тобой бы никогда не познакомились.

— Как это?

— Вот так это. — Передразнил я ее. — Работу в городке, где живут твои дед с бабушкой, нашел мне он. — Засмеялся я. — А не попал бы в этот городок, то и тебя бы не узнал.

Но она не засмеялась:

— Так выходит ты ему многим обязан?

— Немногим. Я ж ему тоже кое в чем помогаю.

— Не нравится он мне. Он действительно неженатый?

— Недавно развелся. Ты что им заинтересовалась? Или его квартирой?

— Вот ты не заметил, а прощаясь с нами он сказал, что он холостяк, а не разведенный. А это нечестно.

— Чепуха. Не мог же он всего тебе сразу разьяснять. Сейчас он действительно холостяк.

Марина вздохнула и ничего больше не ответила на мои слова в защиту Эдика. Мы распрощались и договорились о встрече на завтра.

Когда я пришел на квартиру Эдика, то его там с компанией не было. Он сдержал свое слово и ночевал, где-то в другом месте. Со стола ничего не было убрано. Пустые банки я выбросил в мусорное ведро, протер стол, вообще немного прибрал в кухне, и лег спать.

В следующие дни мы встречались с Мариной постоянно, ходили в кино на выставки. Я старался не забирать у нее много времени, понимал — сессия. В квартиру Эдика она больше не пошла, хотя я ее неоднократно приглашал. Мы договорились, что поженимся, но позже — летом. Она сообщит об этом своим родителям, а я своим. И здесь же я пообещал ей, что с осени будем жить вместе только в Москве — она учиться, а я работать.

О последних новогодних встречах рассказываю немного, но думаю вам ясно, что я взял на себя огромные обязательства, которые обязан был выполнить, тем более времени оставалось немного. Наряду, с переполнявшим меня чувством любви — а это было во мне, подступили к горлу и заботы, связанные с созданием семьи, покупкой квартиры, в первую очередь. На первое место выходила вечная

проблема социалистического времени — поиск денег. Я был старше Марины на семь лет и считал себя обязанным разрешить эти проблемы — в таком возрасте пора бы иметь свой угол.

С Эдиком мы расстались, как единомышленники, затеявшие серьезное дело по зарабатыванию денег, которые были крайне необходимы мне и ему. Но разговор об иконах не шел. Может быть он понимал, что я не соглашусь, и не обострял этот вопрос. Я думал, что мне хватит и тех денег, которые планировал получить за церковные фрески, а Эдик выбить под них приличную сумму. Он попросил меня побыстрее подготовить эскизы и прислать ему, которые он постарается протолкнуть на конкурс, как можно быстрее. Также Эдик пообещал приехать к нам и посмотреть, как идут работы. На прощание он поинтересовался, в каком институте учится Марина и я ему сказал. На этом мы расстались.

На три дня я заехал домой попроведовать отца с матерью и сестру. Отец находился на пенсии, полностью закончив свою педагогическую карьеру, мать — все также прибалывала. Зато у сестры было все хорошо. Муж снова пошел на повышение, дети хорошо учились и больших проблем у них не было. Я сообщил, что к осени, видимо, женюсь. Я старался не говорить об этом категорически, но тем не менее, все были рады за меня. Просили

познакомить с невестой, что я пообещал к лету сделать. Все-таки мои родные давно ждали такого решения от меня-возраст у меня был уже не юношеский-двадцать семь лет исполнилось три недели назад. Но я только в прошлом году закончил институт. Как удивительно быстро пролетают годы. А может несколько лет пролетели впустую? Я имею ввиду армию.

7

Весь остаток зимы я работал над эскизами фресок и в конце февраля отдал их Захарычу, чтобы тот передал их Эдику Горенкову. Одновременно уделял большое внимание своей картине — сделал этюды отдельных богов и групповые сцены. Я хотел сделать такую картину, чтобы ее сразу же приняли в экспозицию какой-нибудь выставки, а может даже и купили. Я понимал, что без резкого заявления о себе в творческой среде — мне в Москве делать нечего. Надо было всех удивить нестандартностью своей идеи и замыслом ее воплощения. Поэтому, меня многое не удовлетворяло в будущей картине и я стремился к большему совершенству, упорно работал над каждым образом и, в целом, над композицией. Вообще, хочу заметить, я в своем творчестве очень требователен к себе и поэтому всегда бываю

неудовлетворен своей работой.

Марина написала мне несколько писем, но конкретно ничего, в основном, как учиться и живет. О своих чувствах она, видимо, стеснялась писать. На восьмое марта она сообщила, что придет погостить к бабушке и дедушке и я поехал встречать ее на железнодорожную станцию в сорока километрах от нас. При встрече мы обнялись и поцеловались, как истинные влюбленные, которые не видели друг друга очень долго — может быть годы. А всего с момента нашего новогоднего расставания, прошло два месяца. По дороге домой, она мне рассказала, что только месяц назад вернулась от родителей, отдыхала у них на каникулах, а сейчас снова учеба в институте. Я ее спросил:

— Ну, а родителям ты сообщила о нашем решении? — Слово свадьба я сказать не решался.

Марина хитро улыбнулась и спросила в ответ:

— А ты как думаешь?

Мое сердце сжалось — неужели она промолчала об этом своим родителям, неужели передумала? Так зачем же она приехала сюда?

— Побоялась?

— Нет. Сказала вначале маме, а потом она сообщила об этом папе. Ты знаешь, а они восприняли известие неплохо. Только огорчились, что ты художник, а не шофер, например. Эту

работу они серьезной не считают.

— Так они согласны?

— Да! Я ж тебе только об этом сказала. Но вначале они хотят познакомиться с тобой, посмотреть на тебя, сделать вывод — достоин ли ты их ты дочки-красавицы. А они меня считают самой красивой не только в нашем городе и на Кавказе, но и во всем мире. Понял, на ком ты собираешься жениться?

— А твои родственники не требуют от меня калым? — Радостно засмеялся я от того, что за два прошедших месяца наше обоюдное согласие о совместной жизни осталось в силе.

— Таких законов у нас уже нет. Может, где-нибудь в захолустном ауле. Потом моя семья не чисто кавказская, а смесь, как соус. Ты думаешь сколько во мне кровей течет? Две? Русская и осетинская? Нет! Мы с мамой и с папой, когда я сообщила, что собираюсь жениться, в шутку стали считать и насчитали более десятка. Но с мамой все ясно — у нее одна русская кровь. Может, еще есть немного татарской. А папа вспомнил до прапрадедушек и прапрабабушек. Вышло двенадцать кровей. Но он еще не знает более древних родственников!

— А обезьяну забыли? Древнее родственника нет.

— Не смейся! Там у нас серьезно относятся к

родословной, не то что у вас. Мама говорит, потому я такая красивая, что мне каждый из прошлых родственников выделил капельку своей красоты.

— А сестрам и братьям?

— Они тоже красивые, но не так, как я. Поверь, я не хвастаюсь, все так говорят. Зато мои сестры и братья умельцы — кто хорошо шьет, кто хорошо строит, кто что-то хорошо другое делает. Это я только неумеха, красивая, как кукла и все...

— Научись. — Радостно заверил я ее. — Всему научись! Выучись — будешь хорошим инженером. Будешь хорошей... — Я хотел сказать женой, но во время сдержался — так можно сглазить будущее. — В общем, везде будешь хорошей!

Мы приехали к Иванычам. Конечно же, своей внучке они были рады и уже накрыли стол. Сам Иваныч приложился неоднократно к рюмке, по такому поводу, заставил меня выпить пару стопок и женщин. Еще они были рады, что мы Мариной не просто дружны, а как они выяснили здесь же за столом, собираемся жениться. По этому поводу Ивановна хотела нам постелить вместе в одной комнате, но Марина и я отказались от бабушкиного предложения. Закончив обед, Марина прошла в свою комнату, распаковывать свои вещи, а я к себе, чтобы не мешать разговору стариков с внучкой. Где-то через полчаса Марина пришла ко мне. К

этому времени я приготовил все для рисования и с нетерпением ждал ее. Я давно решил, что она станет образом России, правда, придется волосы сделать посветлей, немного поправить линию носа, чтобы была видна славянская внешность, а вот внутреннюю загадочность ее души мне предстояла еще искать и искать. Но об этом я Марине не хотел раньше времени говорить — вдруг мне придется изменить на картине ее внешность до полного различия или, более того, взять совсем другой женский образ. Я писал серьезную картину. А если она все же останется на картине, то это будет моим подарком к нашей свадьбе.

Марина меня сразу же спросила:

— Покажи, что нового написал в мое отсутствие?

Она была радостна и беззаботна, видно, будущее ей рисовалось в светлых тонах. У меня было точно такое же безоблачное настроение и я ее в шутку спросил:

— А почему ты отказалась от общей постели? Испугалась?

— Может быть и испугалась. — Засмеялась она. — Я ж тебе объясняла, что по нашему обычаю ни жених, ни невеста не должны до свадьбы даже целоваться, не говоря о другом. А мы уже с тобой целуемся. У нас есть примета. Если девушка нарушит предусмотренные обычаи, то она будет

несчастлива со своим мужем. Муж будет тогда изменять ей и бить ее. А она должна все это терпеть и быть верной женой потому, что сама виновата, позволив жениху — будущему мужу относиться до свадьбы к себе, как к вещи. Об этом мне напомнила в этот приезд и мама. А она русская. А что тогда говорить о папе. Поэтому не торопись — всему свое время.

— Ну, это явный феодальный пережиток. К тому же у тебя мама русская — не могла сказать такое.

— Мама — то русская, но женскую долю знает, поэтому и правильно учит. Но еще одно условие. Ты должен приехать к нам, чтобы на тебя все посмотрели, каков ты и, чтобы ты официально попросил моей руки. Калыма не надо. — Засмеялась Марина, блеснув белыми зубами. — Но попросить у родителей моей руки, ты должен обязательно. Попросишь?

— Попрошу. Куда ж деваться! — Засмеялся я. — Ну и законы же у вас вредные, особенно для мужчин.

— Они вредные для женихов. А потом мужчины, что хотят делают с женами. — Она глубоко вздохнула. — Ты ж не будешь таким мужем?

— Конечно нет. И мы же не на Кавказе. Когда поедем к твоим родителям.?

— Давай летом. В июне я сдам сессию и сразу же поедem к ним. Я думала раньше, но не получится. — Видимо она увидела недовольство на моем лице и постаралась успокоить меня. — Всего-то осталось меньше четырех месяцев. А может я сдам, что-то досрочно и поедem раньше.

— Хорошо! Но только давай вначале, где-то по весне съездим к моим родителям. Ты же тоже должна с ними познакомиться.

— Конечно. Давай поедem к ним на майские праздники?

— Давай. А теперь смотри, что я написал и больше критикуй мои картины.

Марина посмотрела мои этюды, но сказала только одно:

— А почему они у тебя получились такие страшные?

Я даже немного обиделся:

— Это древнеславянские боги. Вот Перун, вот Волос, а это Ярило...

— А это кто? Красивый мальчик с дудкой.

— А это наш с тобою бог. Лель — бог любви. И с не дудкой, а со свирелью.

— В общем-то красиво. Я просто так сказала, что они страшные. Чтобы ты не зазнавался. А то Эдик твердит, что ты талант. У тебя боги, если не красивые, то умные. Видно по их лицам. Думают они о чем-то серьезном. О чем?

— О серьезном. Ты сама подметила это. Думают — какую судьбу дать России.

— А, где она сама?

— Пока ее нет. Не успел написать. — Уклонился я от ответа. — Давай я с тебя сделаю несколько набросков.

— Давай. Мне нравится, когда ты рисуешь. Становишься таким умным и неземным. Рисуй меня!

— Рисует знаешь кто?

— Нет.

Я не стал говорить, кто рисует, только пояснил:

— Художники пишут! Знай это впредь, если желаешь стать женой художника.

— Я это знаю, только путаю слова. Но я привыкну к слову... — Она напыщенно произнесла. — Художник пишет!

— Вот так. Правильно!

Марина села на стул и я стал карандашом набрасывать ее то в профиль, то в анфас. Потом я попросил, чтобы она встала и стал набрасывать ее в полный рост. Получилось рисунков пять или шесть, она стала их рассматривать и сделала вывод:

— Кажется, я на них не похожа на себя. В прошлый раз ты меня писал более похожей. А может мне так кажется?

Я не мог ей сказать правду, что пишу не ее, а

другой образ, и отшутился:

— Просто ты сейчас мне кажешься другой. Ситуация изменилась.

— Наверное. — Согласилась Марина.

Мы еще долго говорили с ней, до поздней ночи — настоящие влюбленные, и наконец, она меня спросила:

— А как ты отнесешься к тому, что я тебе давно хочу сказать, но не решаюсь?

— Не знаю. — Насторожился я. — Смотря какая новость...

— Я не хотела тебе говорить сразу, но между нами сейчас не должно быть тайн. Так вот. Ко мне приезжал Эдуард Горенков. На машине. Месяц назад он уговорил меня, чтобы я присутствовала на каком-то слете молодых художников. Меня он усадил в президиум и объяснил, что я должна быть красивым интерьером на фоне серых личностей. А потом предлагал мне пойти с ним в ресторан, но я отказалась...

Я напрягся. Такого от Эдика я не ожидал. Правда, я ему полностью не рассказывал о взаимоотношениях с Мариной и не сказал, что у меня с ней все серьезно. Но все равно с его стороны, так поступать было подло. Я молчал и Марина спросила меня:

— Почему ты молчишь?

— А почему ты не пошла с ним в ресторан? —

Сдавленным от ревности голосом прохрипел я совершенно несуразный вопрос.

У Марины удивленно приподнялись густые брови:

— Ты считаешь, что я должна была пойти с ним в ресторан? У тебя что богемные взгляды? Я считаю себя твоей девушкой и мы с тобой уже давно договорились о более серьезном и навсегда. А на этот слет я пошла только из любопытства. Не более. Ты обиделся на меня?

— Не знаю. Но Эдик в этом случае порядочный скотина. Ты не могла ему так сказать?

— Не могла. Я с ним на «вы». Тем более, ты мне постоянно твердил, что вы с ним друзья. Ничего большего, например, встретиться, он мне не предлагал. Откуда он узнал, где я учусь? Я ему этого не говорила.

— Я сказал.

— А зачем?

— Он спросил и я сказал.

— Несколько дней назад он снова приезжал ко мне, подарил большой букет цветов, поздравил меня с женским праздником и попросил меня не говорить тебе о том, что он приглашал меня на слет и в ресторан. Откуда он узнал, что я на праздники еду к тебе?

— Вычислил...

— Я ему сказала, что мы с тобой собираемся

пожениться и он понял, что от меня надо отстать. Но я, о своем замужестве еще никому не говорила на курсе, даже лучшим подругам. Эдуарду сказала об этом первому из посторонних и сообщила, что на праздники я еду к тебе. Это для того сказала, чтобы он вообще отстал. Он меня поздравил с будущим замужеством и сказал, что мы с тобой очень подходим друг другу. Ты и я! Вот так! Что ты станешь известным художником и мы будем счастливы. И снова упрашивал меня не говорить о том приглашении тебе, — лучшему другу. Так он тебя называет. Я ему пообещала не говорить, сама же решила рассказать.

— Правильно сделала. Я ему скажу при встрече...

— Не надо ничего говорить. Я же обещала ему не рассказывать тебе об этом случае. Только знай, какой у тебя друг. Он мне сразу не понравился и я тебе об этом говорила. А ты все твердил — хороший он, хороший...

— Ладно. Давай об этом забудем и никогда не будем вспоминать.

Но про себя я решил, что с Эдиком — поговорю. Настроение было испорчено ее честным признанием. Марина тоже это понимала и мы достаточно прохладно расцеловались на прощание, и она пошла в свою комнату спать.

Я тоже лег в постель, но не мог заснуть. Тогда

встал, подошел к мольберту, поставил чистый холст и стал красками набрасывать женский образ, символизирующий юную Россию. Работал я вдохновенно, может быть со зла на себя, Марину, Эдика... Эта была обнаженная Марина в прозрачной, как бы сотканной из утреннего легкого тумана, накидке. Картина получалась немного загадочной и откровенной. Может, этой откровенностью я хотел отомстить всем, кто меня обидел сегодня и, в первую очередь, Марине. Смотри, какой тебя видят другие! Прошло несколько часов и время шло к утру. Хотя было еще темно — ранее весеннее утро наступает в этих местах поздно, я услышал шорох открываемой двери и, обернувшись, увидел стоящую на пороге Марину. Она была в ночной рубашке и босиком. Волосы ее были распущены, а губы и глаза припухшими. Видимо, как и я она в эту ночь не спала. Марина глядела на меня виноватыми глазами, как бы спрашивая разрешения войти, потом прошептала:

— Можно к тебе?

— Да. Входи.

Она подошла ко мне, встала рядом со мной и стала рассматривать картину. Потом повернула голову ко мне и тихо произнесла, но не о картине, а призналась в своей любви ко мне, но не прямыми словами, а своим душевным состоянием:

— Знаешь, мы расстались, я не могла заснуть. Несколько раз вставала и подходила к твоей двери, видела, что и ты не спишь, выходила на улицу и смотрела в окно и по тени на занавеске поняла, что ты пишешь. Но еще долго решалась — зайти к тебе или нет. И вот, как видишь, решилась. Я тебе не помешаю? Ты меня не прогонишь?

— Нет.

— Ты тоже не спишь от того, что я тебе все честно рассказала. Я, конечно, виновата. Мне надо было сразу же Эдуарду сказать — нет. Что я занята, у меня нет времени... Но я тогда растерялась, и не смогла найти нужных слов. Но поверь, он мне всегда был неприятен, а теперь особенно.

— Верю. Я уже пришел к выводу, что ничего страшного не произошло. Он мне уже не друг, и мы его больше знать не будем и не станем. Давай не возвращаться к этому эпизоду. Ты ни в чем не виновата и не чувствуй своей вины. Это я такой дурной и ревнивый. Забудем об этом. Договорились?

— Да. Спасибо тебе. Ты очень добр. Хочешь я я сегодня останусь у тебя и стану навек твоя?

— А как же твои обычаи?

— Обычаи? Да их уже никто у нас не придерживается. Это я их выдумала, чтобы было романтичнее и мы сильнее полюбили друг друга. Когда дольше ждешь — крепче любовь

становится... Но, чтобы ты ни сомневался в моей любви, я готова ее доказать. Останусь у тебя и уже никогда от тебя не уйду. Буду с тобой и днем, и ночью...

У меня от волнения перехватило горло и я, как недавно вечером, снова прохрипел:

— Не надо. Пусть у нас все будет, как в твоём обычае. Подождем до свадьбы. Такое ожидание очень красиво. Я только сейчас понял красоту ожидания. Как бы ее выразить красками? Ты подала мне интересную мысль — изобразить на картине ожидание. — Даже момент жертвенности ее любви, я преломлял под углом живописи. До какой степени я был закомплексованный дурак. — Ожидание любви или просто ожидание чего-то... Давай лучше подождем. Осталось меньше четырех месяцев. Ощутим красоту ожидания. — Как сейчас помню свои заумные фразы с одним словом «ожидание» и жалею, что меня в тот момент захватило это абстрактное чувство, а не чувство реальности. Может быть, после мгновения той ночи у нас пошло бы все, как у обычных людей и Марина бы осталась со мной навеки и мне бы не пришлось перенести столько мук и унижений. Мои будущие враги поняли бы, что она уже моя и отказались бы от притязаний на нее. Но я закончил свою речь совсем прозаически и нормальным голосом. — Да ты и сама видишь, условия не те. Подождем нашего

счастливого дня, так будет действительно романтичней.

Марина с признательностью прижалась ко мне и прошептала:

— Спасибо тебе. Ты у меня самый лучший. Я тебя буду любить вечно и с каждым днем все сильнее и сильнее. Верь мне всегда и во всем. Кавказские женщины никогда не обманывают. И я такая же.

Я поцеловал ее сначала в губы долгим поцелуем, а потом целовал ее влажные глаза и щеки... Она прижалась ко мне всем телом и я ощущал каждый его изгиб и трепет. Потом тихо спросил ее:

— Ты ничего не сказала о моей картине?

— Я уже посмотрела ее. Ты меня изобразил. Но почему голой?

— Обнаженной. — Поправил я ее. — Чтобы показать ее доверчивость и чистоту. — Я имел ввиду образ России, а не портрет Марины.

— Почему ее... Это же мой портрет.

— Да твой. — Я понял свою ошибку и решил ее исправить. — Портрет твой, но образ в него я вкладываю другой.

— Поняла. — Ответила Марина обиженно. — Я тебе нужна, как натура. А я то подумала...

— Ты правильно подумала. Это и ты, и не ты. И не обижайся. Я никогда не смогу сделать фото

человека. Мне нужно большее. Как бы тебе объяснить?... Ты все поймешь, когда будешь постоянно рядом со мной.

Не мог же я ей объяснить прямо, чей это образ. К тому же давно решил, что для нее моя картина, и она не ней в окружении богов, должна быть сюрпризом.

— Я поняла. Раз тебе необходимо меня так показать, показывай. Это твое дело. Рисуй меня, как хочешь. Но только знай, в натуре я не такая.

— Я достаточно глубоко изучал анатомию человека. Рисунки обнаженного тела замучили нас всех в институте. Поэтому могу и тебя представить.

— Но я все-таки не такая. Детали ты изобразил не мои. Хочешь посмотреть, какая я в натуре?

Я кивнул головой в знак согласия. Сейчас эти детали меня не могли возбудить — присутствовал интерес художника — что же я написал не так. Марина сняла ночнушку, оставшись в лифчике и плавках. Такой я видел ее впервые. У нее было красивое, пропорциональное тело — грудь, талия, бедра, стройные прямые ноги. Это я все оценивал, как художник. Но более всего меня поразило смуглота ее тела — бархатистая, светло-шоколадного цвета и я, забыв, что есть более интересные детали, которые обычно вызывают у мужчин острое любопытство, приказал

Марине, а получилось именно так:

— Стой здесь и не шевелись.

Она послушно отошла от меня на метр, куда ей указал, но я продолжал приказывать:

— Чуть дальше! Повернись ко мне в полный анфас...

Я навел на нее свет настольной лампы и стал быстро смешивать краски, пытаясь достичь синхронности цвета ее кожи с образом на картине. Писал я долго, больше часа. Стало светать, а она послушно стояла, замерев, как статуя, не разговаривала, чтобы меня не отвлекать. Наконец, я закончил этюд и сказал ей:

— А теперь посмотри, что получилось?

Марина потянулась, расправляя затекшее тело и произнесла:

— Я не знала, что так тяжело позировать. Вся занемела...

Я удовлетворенно засмеялся:

— Бывает и хуже. По несколько часов приходится сидеть или стоять натуре без движения. Один миг изменения положения — и образ пропал.

Марина подошла и стала рассматривать себя, а потом удивленно произнесла:

— Неужели я такая красивая на самом деле?

— Да. Более, чем красивая...

— Мне все об этом говорят и я привыкла. Себя ж со стороны не видно. А здесь...

Действительно, как на картине. Даже интересно на себя посмотреть, такую красивую... А что ты имеешь ввиду, говоря более? — Она надела ночную рубашку и пояснила. — У тебя холодно, я замерзла...

— Да к утру выдувает... — Согласился я равнодушно, не заметив того, что она стоически, ради меня, переносила холод. А я вот так — по деловому, без теплых благодарственных слов... — А более красивая... Я имею ввиду, что эта девушка с картины скоро станет моей на всю жизнь.

— А не я?

— Ты и она. Много еще будет тебя на моих картинах, и все будет наше. И все это увидят.

— Ты, как Пигмалион. Но от него, его создание ушло.

— Это у Бернарда Шоу создание ушло. От настоящего Пигмалиона, его Галатея не ушла. Более того нарожала ему детей и он счастливо царствовал.

— Все — то ты знаешь... — Только и произнесла она с грустной ноткой любви. — У нас не должно быть, как в пьесе. Пусть будет, как в мифе.

— Не бойся, все будет хорошо.

— Дай бог. — Она тяжело вздохнула. — Уже поздно, пора бы и идти спать.

Я засмеялся:

— Поздно? Пора вставать! Слышишь Иванычи проснулись, печку растапливают.

— А сколько времени?

— Скоро шесть.

— Боже мой! А что я скажу бабушке и бабушке? — Марина всплеснула руками. — Что они подумают?

— Нормально подумают. Ну, иди поспи немножко, сегодня выходной день, а вечером пойдем в кино или на танцы. Согласна?

— Согласна. А ты, что сейчас будешь делать?

— Поправлю немного твой портрет и тоже лягу спать.

— Тогда я останусь и посмотрю, как ты будешь править.

— Не надо. Я не люблю, когда за моей спиной кто-то стоит во время работы. В присутствии чужих глазах я теряюсь. Иди спать.

— Но, когда я тебе позировала, ты не терялся. И, кроме того, я тебе не чужая...

— Когда ты позировала, ты была частью моей работы. А окончательный вариант делается в уединении. Тогда все близкие становятся чужими. Поэтому не обижайся, иди спать, а я кое-что поправлю немного, пока не забылось. Иди, а то скоро твоя бабушка позовет всех на завтрак.

— Хорошо. Спокойной ночи. — Марина счастливо засмеялась и поцеловала меня. —

Спокойной ночи и смотри не проспи утром. Оно уже наступило.

И она, радостная от того, что размолвка счастливо разрешена, упорхнула из моей комнаты, забыв прикрыть дверь. Я немного повозился с картиной, но бессонная ночь давала себя знать, и вскоре лег в постель.

Проснулся я к полудню. Естественно, Иванычи ни меня, ни Марину не будили к завтраку и тянули с обедом. Марина проснулась раньше меня и тоже не хотела меня будить, считая что я еще долго работал после ее ухода. Я заметил, что Иванычи ко мне всегда относившиеся хорошо, теперь стали вообще относиться, как к родному. Это было заметно по их обращению и вниманию ко мне. Что ж, они все поняли, но по своему. Пусть понимают так, как им хочется понимать!

До полудня Марина привела себя в полный порядок — накрутилась, сделала прическу, которая мне так нравилась — густые блестящие волосы свободно спадающие ниже плеч. Она была неотразимо красива и я заметил, что ей люблюсь, но уже не как художник, а как мужчина. Она заметив мой откровенный взгляд, шепнула мне, чтобы не слышала бабушка:

— Перестань на меня так смотреть. Я теряюсь под твоим взглядом, как ты, когда рисуешь, а за спиной кто-то стоит. Мы ж идем сегодня на танцы?

— Конечно!

Пока обедали, потом болтали со стариками время подошло к вечеру и мы с Мариной отправились в дом культуры. Это было типовое некрасивое здание, построенное в первоначальный период, так называемого «стирания различий между городом и деревней». Но для захолустного городка это было неплохо. В одном зале крутили кино, в фойе в это же время, проходили танцы. В этот вечер ансамбль не играл и танцевали под магнитофон. Танцующих было немного и танцы шли вяло. Мужчины и часть женщин предпочитали танцам буфет. Еще было рановато для настоящих танцев. Обычно к часам семи собиралась подвыпившая молодежь и вот, тогда начинались настоящие танцы.

В фойе мне повстречался Санька, как всегда в хорошем настроении. Увидев меня с Мариной, он ринулся нам навстречу, не сводя с нее зачарованных глаз. Даже, пожимая мне руку, он смотрел на нее, а не на меня и мне это льстило. Рядом со мной — самая красивая девушка в мире.

— Смотри-ка, какая краля! — С восхищением хрипел он, называя Марину так в глаза. Таким нежным словом обычно называют красавиц Беломорья. — Ты молодец, Юрий! Такое и нужно для нашего брата.

Когда-то, судя по его высказываниям, он был

неплохим художником, но спился и теперь зарабатывал случайными заработками. За место в бригаде он держался крепко, выполнял любую работу, зная — отчислит его Захарыч — другую такую работу ему тяжело будет найти со своей репутацией пьяницы. По возрасту он уже давно не относился к молодежи, но был одинок и поэтому заглядывал на танцы. Тем более, местные считали его художником — он мог написать неплохой портрет, всего-то за сто граммов.

— Пойдем в буфет. Поговорим, пока людей немного. — Предложил он.

Я вначале отказался, но Санька настаивал и мы втроем прошли в буфет. Здесь мне стало понятно, почему Санька тянул меня сюда — у него не было денег. Это стало понятно, когда он спросил без всякого стеснения:

— Ну, что ты хочешь для нас заказать?

Под «нас» он имел ввиду себя и Марину. Поэтому я рассмеялся, а следом Марина и сам Санька:

— Понимаешь, деньги в отпуске потратил, а Захарыч аванс не дает, говорит мы ничего не делаем, поэтому и денег нам не дают. Но он говорит, что летом мы заработаем больше, чем за весь прошлый год. Правда?

— Правда.

— Вот хорошо! Все мечтаю заработать кучу

денег, купить себе домик на юге и жениться. Но, наверное, придется вкалывать?

— Конечно. Работы будет много. Эскизы я уже подготовил, скоро должны утвердить и, как потеплеет, начнем. Деньги обещают хорошие. — Но я подосадовал на Захарыча — неужели он поделился нашими планами с Санькой. Не может быть? С Захарыча лишнего слова не выжмешь. Матерый волк. Наверное, он сказал Саньке, что-то другое.

— С твоим талантом, Юрок, деньги можно грести лопатой.

Я поморщился при таком сравнении, да еще в присутствии Марины и сказал Саньке:

— Что ты хочешь выпить?

— Водки, конечно. А ты, что будешь?

— Что будем, Марина?

— Я могу и ничего. Может немного сухого вина?

Я дал Саньке червонец, чтобы он купил бутылку сухого вина, нам с Мариной и конфет, а себе что хочет. Вскоре Санька все принес, поставил на стол и протянул мне сдачу, но я движением руки показал — пусть оставит ее у себя. Он не заставил себя упрашивать, и мы стали выпивать. Санька совсем захмелел, пьяными глазами влюбленно смотрел на Марину и несколько раз за вечер спросил ее при мне:

— Скажите, где таких красивых делают? Я туда обязательно поеду...

Марина, понимая его состояние, отшучивалась и называла географическое место, где таких делают. На Марину засматривались другие мужчины и этим я гордился. Сам не знаю почему, но гордился. Влюбленный осел! Потом, оставив Саньку допивать вино, мы прошли в зал. Потанцевали танго, но нам с Мариной, привыкшим столичным танцулькам, такие танцы не нравились. А потом пришел совсем пьяный Санька и что-то буровил насчет нехватки культуры и что сейчас никто не слушает классическую музыку. Он показал, на находившееся на невысокой эстраде, фортепиано:

— Видишь, за весь вечер никто и крышку пианино не открыл. Культура называется! А вот дать бы им послушать Чайковского или Шопена, чтобы сравнили...

— Так сыграй? — Предложил я ему.

— Не умею. Я художник, а не музыкант. Но музыку чувствую сердцем!

Во мне вспыхнула мысль разыграть Саньку и я ему предложил:

— А, если ты сейчас услышишь классическую музыку, расскажешь мне, что почувствовал?

— Только не магнитофонную запись, я люблю натуральное исполнение.

— Конечно, натуральное.

— А, кто исполнит? — Санька подозрительно смотрел на меня, а я внутренне смеялся над ним.

— Я!

— А ты умеешь?

— Сейчас посмотрим. А ты внимательно слушай, а потом расскажешь, что почувствовал. А то играть не буду.

Я взял Марину за руку и потянул ее за собой в сторону эстрады. Она не понимала, что я замыслил, но пошла за мной. Там я открыл крышку пианино, сел на стул, а ее поставил рядом с собой, лицом к залу. Я давно не играл на пианино, последний раз у родителей два месяца назад, но были еще большие перерывы и боялся — получится ли у меня? Я выбрал несложный, но красивый «Сентиментальный вальс» Чайковского. И мелодия у меня пошла и, даже, неплохо. Были правда сбои, я их заметил. Но зато реакция танцующих была удивительной — все притихли и слушали меланхолическую мелодию. Когда я закончил, раздались редкие аплодисменты. Я снова взял Марину за руку и сошел с эстрады — пусть все видят, самая красивая девушка — моя! Марина заметно была растерянна и ничего мне не говорила, только покраснела больше обычного, но это ей шло. Я спросил удивленного Саньку:

— Ну, рассказывай, что ты чувствовал. Тебе

была исполнена классика.

Но Санька только потерянно повторял:

— Ты, Юрка, талант. Во всем талант...
Можно, я за тебя выпью? Дай рупь... Я теперь твой друг до гроба...

Через несколько месяцев мой друг до гроба — Санька меня предал.

Я дал ему дополнительно рубль к оставшейся у него сдачи и мы с Мариной решили покинуть танцы. На улице она сказала мне:

— А когда ты научился играть на фортепиано?

— Давно. Еще в детстве.

— А я не знала об этом.

— Ты еще многого обо мне не знаешь...

И в этот вечер мы бродили с ней по заснеженным, но по сырому весенним улицам старого городка, и говорили обо всем и, главное, о будущем...

...Юрий Григорьевич выпил глоток итальянского вина из фужера, закурил следующую сигарету и вздохнул. И я понял почему:

— А вчера вы играли на фортепиано, не по ассоциации ли с прошлым?

— Вы угадали. Вчера я не сдержался. Страшно, когда память начинает концентрироваться в тебе и ей обязательно надо выплеснуться, каким-либо образом, из тебя наружу.

Иначе может быть хуже — или инфаркт, или психичка. Пусть лучше будет нервный срыв. Вот такое произошло вчера и со мной. Вино, танцы, умопомрачительная музыка и... А много ли человеку надо?

— Но вы играли вчера вполне профессионально. В вашем исполнении была душа.

— Душа была — признаю. Но то, что я потерял в музыкальной практике уже не вернешь. Дома я почти каждый день прохожу пальцами по клавишам. Но пальцы уже не те, что в детстве — дает знать себя лесоповал и рудники. Осталась, как вы правильно отметили, душа и то изломанная всякими жизненными невзгодами. Она заменяет сейчас технику исполнения...

Юрий Григорьевич глубоко вздохнул. Тучи покидали Тирренское море, звезды пока робко мерцали в фиолетовой вышине итальянского неба. Наши жены продолжали беседовать в лоджии и на нас не обращали внимания. Я отпил из своего бокала вина и сказал:

— Я вас с вниманием слушаю Монте-Кристо. Пока все идет, как у Дюма.

— Если бы, как у Дюма. Русская действительность страшнее французских ужасов. Что ж, я продолжаю. Как все было, без всяких прикрас...

Если действие не перешло в комедию, следует или фарс, или трагедия. На фарс я не способен — воспитан на настоящих чувствах, а не игрушечных. Сильные страсти по мне — я творческая натура, но только страсти без подлости и мелкого интриганства. Об этих низких качествах человечества я читал и, даже лично их видел. Но никогда не думал, что они могут быть направлены против меня — по своему честного, справедливого, как говорили, талантливого человека, мыслящего по крупному и, поэтому не замечающего или отмечающего все мелочное и пошлое в этом несовершенном обществе. Но, увы, мы сами, при всех своих высоких помыслах, даем повод для зависти и уничтожения себя, как индивидуума и выравнивания своего ума и сознания до уровня соответствующего человеческого коллектива. И в основе этого лежит банальная вещь — деньги. Они необходимы человеку для превращения своих замыслов в реальность. А у меня их не было. И снова, увы! Занятый формулированием своих замыслов, работой по их воплощению, я не видел вокруг себя Вильфоров, Кадруссов, Фернанов, но только в нашем русском, беспощадном варианте. Каким я был тогда наивным! Перехожу к трагической странице своего повествования. Да,

мне суждена была трагедия. До комедии я так и не дорос.

Через день Марина уехала. Мы договорились с ней, что на майские праздники я приеду в Москву и мы поедem к моим родителям на два-три дня и договоримся окончательно о свадьбе. Расходы предстояли большие, родителей я не хотел обременять лишними растратами — я сам себе зарабатываю деньги и неплохие, да и стыдно что-то тянуть с пенсионеров. Я надеялся на будущие заработки. Купил хороший холст для будущей картины, загрунтовал его, сделал подрамник, два на полтора, и начал писать картину, которой дал название «Напутствие славянских богов России». С одной стороны, надо было спешить — время поджимало, замысел полностью сложился в моей голове и этюды были готовы, с другой — мне не хотелось спешкой испортить философский смысл и художественный уровень картины. Как уже говорил — я хотел выставить ее в столице и, чтобы она прозвучала. В том, что должен получиться шедевр я не сомневался — слишком долго продумывал свой замысел. А мастерства должно было хватить для перенесения его на холст.

Кроме лично своей работы, с наступлением тепла, мы стали работать в церкви. С утверждением эскизов выходила затяжка, но мы все же решили начать роспись. Эдик в телефонном разговоре с

Захарычем, обещал все решить в апреле. Изматывался я страшно, но картина моя продвигалась, хотя и медленно, но вперед. Я продумывал каждую деталь, каждый цвет, размер мазка и каким-то неизвестным чувством понимал — картина у меня получается. Такое вдохновение давала мне любовь и, без преувеличения, заботы связанные с ней.

В последних числах апреля приехал Эдик, привез утвержденные эскизы и двух мастеров в помощь. Мы выиграли творческий конкурс. Понятно с чьей помощью.

Снова мы встретились втроем в доме Захарыча. Эдик пояснил ситуацию, которая складывается вокруг нашей работы. Церковь согласна оплатить все расходы, но с условием, чтобы внутренние работы были в этом году закончены. Сумма выходила внушительная. Решили полной суммы бригаде не показывать — все-таки основная тяжесть работ падает на нас с Захарычем и особенно на меня. Это подчеркнули они оба. Половину денег, которые заплатит церковь, мы поделим между собой. Остальным, а Эдик пообещал еще подобрать двух художников в бригаду, платить сдельно и по окончании работ дать премию. Такое решение я считал справедливым — я работал над эскизами всю зиму, а это тяжелый, неоплачиваемый во время, труд. А

Захарыч успевал и мне помогать, доставал материалы и вел много других организационных и хозяйственных дел. Может, у меня возникали сомнения в правомерности доли Эдика, но я смолчал. Он должен был помочь мне во многом. В отношении конкурсной премии за утвержденные эскизы, Эдик пояснил, что она будет месяца через два-три — сейчас у фонда нет денег на премии, будут с нового полугодия. В целом, меня все удовлетворяло. Даже отсрочка в получении премии — деньги пригодятся к свадьбе, никуда не пропадут. Закончив с деловыми вопросами мы с Эдиком вышли прогуляться по улицам городка и побыть наедине.

Вечер было по весеннему тихий и пахучий, от распустившихся листьев на деревьях и только, что пробившейся из земли изумрудной травы. На это обратил внимание Эдик, вздохнув полной грудью, он сказал:

— Как все-таки приятно окунуться в чистую российскую глубинку. Здесь даже воздух особый, не такой вонючий, как в Москве. Здесь молодеешь, а там стареешь. Да и сам себя чувствуешь чище... Ты выглядишь прекрасно. — Это он сказал обо мне, после патетики русской глубинке.

Эдик, а это было заметно, держался со мной настороженно. Видимо, боялся, что Марина рассказала о его визитах к ней. Но я помнил

обещание данное ей — не говорить ничего Эдику. Да и мне не хотелось, накануне грядущих перемен обострять отношение с ним. Он должен мне помочь в Москве. Так трусливо по отношению к себе я поступил. Раньше, мне кажется, я был честнее и прямее. Но обстоятельства вынуждали к подлому молчанию.

— Пойдем ко мне. Посмотришь мои работы. — Предложил я ему.

— Пойдем. — Согласился он. — Да, в отношении твоих работ, которые я взял у тебя зимой... Времени не было заниматься ими. Я их выставлю в художественном салоне и мне там обещали их продать кому-нибудь на юбилей. Но сам понимаешь цена будет невысокая — пока у тебя нет имени.

— Будет. Сейчас увидишь.

Мы зашли ко мне. Ивановна, узнав гостя, предложила чая, но мы отказались, а она сильно не настаивала, помня его бесцеремонное предложение о продаже их портретов. Мы прошли в мою комнату, я включил свет и провел его к «Наставлениям богов России». Картина была еще не дописана, присутствовали только боги и пустое место, где должна быть Россия. Эдик сразу же впился в нее взглядом и долго рассматривал каждый образ. Потом глубоко вздохнул:

— Я всегда говорил Юра, что ты талант. В

чем-то я могу ошибаться, но в людях я никогда не ошибаюсь. Действительно, у тебя скоро будет имя и все двери, ведущие в большое искусство будут, для тебя открыты. Картина у тебя получится, боюсь сглазить — тьфу-тьфу-тьфу — эпохальной. Пока, за последние годы такого уровня картин, как твоя, я не видел. Но смотри, могут быть трения с худсоветами — все ли идеологически выдержано?

— Антисоветчины нет, как видишь. Полностью историческая тема.

— А как картина будет называться?

— «Напутствие славянских богов России».

— Богов? Вот это то и плохо. У нас, как тебе известно с институтской скамьи, одно художественное направление — социалистический реализм. Нужна партийность. Может быть, ты что-то нужное изобразишь? Ну, такое...

— Брежнева в кругу богов на целине или Малой земле? — Засмеялся я. — Тогда идеологически будет порядок.

Эдик тоже засмеялся:

— Ладно, думай. Одно скажу картина прозвучит в любом случае. Критика может сильно ругать за то, что нет в картине перспектив будущего, но народ будет ее смотреть и думать.

— Пусть ругает. Для того и нужна критика.

— А кого ты хочешь показать в образе России?

— Ты ж когда-то за меня это определил —
Марину.

— Правильно я определил. У меня все-таки есть художественное чутье. Такая девушка заслуживает увековечивания, хоть бы в картинах своего возлюбленного. Многие возлюбленные художников были им и вдохновением, и натурой. Ты тоже не избежал этой участи. Ты уже с ней спишь?

— Нет. Она моя невеста. Все остальное после свадьбы. Мы так с ней договорились.

— Да! Ну, и терпеливые вы! И когда же свадьба?

Не надо было говорить о свадьбе Эдику раньше времени, но я был рад похвастаться предстоящим радостным событием. Да и его помощь после свадьбы, была мне необходима.

— В июле, может быть в начале августа. Точно не определили. Проблем много. Ей надо доучиваться, мне где-то работать. Где жить... Ох, как много всяких проблем.

— Да. — Согласился Эдик. — Жениться проблема, а жить с женой еще большая проблема. По себе знаю. Но будущую жену ты себе выбрал по высокому художественному вкусу. Завидую тебе, но белой завистью. Я знаю Марина к тебе приезжала. Ты не сделал с нее этюдов для картины?

— Да. — Я достал из стопки прислоненных к

стенке холстов ее картину. Эдик снова долго рассматривал ее и снова глубоко вздохнул:

— Да... Она не только изумительно красива, но и в высшей степени женственна. Как, кто-то говорил — мечта художника. Завидую я тебе. — Снова повторил он. — А я вот по молодости лет втюрился в ту, ну знаешь, корову и теперь маюсь. Хорошо, что успел зацепиться за квартиру. Ничего от нее не получил, а о вдохновении и не говорю. А на память, алименты остались. — Эдик вспоминал свою неудавшуюся женитьбу.

— Тебе еще повезет, найдешь себе шедевр, как Дали русскую жену. Тебе же столько лет, как и мне.

— Лет-то столько. Может и жизненного опыта побольше, чем у тебя, а удачи нет. Таланта, я давно это понял, немного. Поэтому и стал администратором, а по совместительству, художником. Я все понимаю. Но все равно хочу иметь самое лучшее, но не всегда имею. И по-хорошему завидую тем, кто имеет что-то лучшее, чем я: автомобиль, квартиру и, не смейся, жену или девушку. А годы проходят, лучшее еще не создал и пока ничего не заимел. Вот так!

— Не переживай все еще у тебя будет...

Эдик снова стал рассматривать портрет Марины.

— Это ты сам дописал ее полуобнаженной

или она так тебе позировала?

— Позировала.

— Вижу. У вас далеко зашли отношения...

— Пока не до конца.

— Обманываешь. Такую натуру можно приобрести только за деньги или находиться с ней в близких отношениях. — Улыбнулся тонкими губами Эдик. — Но тебе уже позволено все с ней. Можешь не признаваться, я все понял.

— Поверь, мы еще никогда с ней не были близки. Я ж тебе уже об этом сказал. Решили, что все у нас должно быть красиво. Не торопиться. Все у нас будет только после свадьбы.

Ох, как напрасно объяснял я ему все так подробно и начистоту. Будь я внимательней, то заметил бы, как в глазах Эдика вспыхнул азартный огонек охотника и игрока. Но он быстро угас и Эдик меня спокойно спросил:

— А кого ты хочешь пригласить свидетелем на свадьбу?

— Не думал.

— Тогда эту должность забиваю я! Не возражаешь?

— Нет. Будь, ты дружком. Я действительно еще об этом не думал. Работы, сам видишь, много, а времени мало. Хочу к свадьбе закончить картину. А то после, особенно, в первое время, этого чертового времени вообще хватать не будет.

— Верно. Заканчивай быстрее картину. В сентябре открывается салон и я помогу тебе ее выставить. Если, конечно, не возражаешь и у тебя нет других планов.

— Какие могут быть возражения! Спасибо тебе за помощь. — Я благодарил его искренне. Осмотр картин закончился и я пошел провожать его обратно. По дороге Эдик, словно понимая мои проблемы, предложил:

— Тебе нужна помощь в приобретении квартиры в Москве.

— Конечно! — Не колеблясь ответил я, обрадованный его вопросом и желанием помочь мне в этом.

— Сам знаешь, проблем в этом вопросе много, а денег нужно еще больше. У тебя прописка московская сохранилась?

— Да. Я не выписывался, уезжая сюда.

— Это хорошо. Разменять квартиры ты не можешь, за неимением таковой. Остается один вариант — прописаться тебе у таких людей, которые собираются покинуть столицу.

— Можно и так.

— Сложно. Надо вначале найти таких людей и ты знаешь сколько тебе эта прописка будет стоить? — И Эдик назвал мне такую сумму, что я присвистнул от удивления.

— Я думал дешевле. На такую трехкомнатную

квартиру мне надо работать при нынешнем заработке три-четыре года и ничего не есть!

— А ты что, не знал?

— Да, знал. Но старался не думать.

— Я ж тебе предлагал способ заработать деньги, а ты отказался.

— Какой?

— Писать иконы под старину. Ты это умеешь, а это живые деньги. Сейчас бы тебе платили не те гроши, которые давал тебе мой отчим, а солидные суммы. На хорошей иконе ты бы мог заработать, как минимум, тыщу рублей. Это я тебе гарантирую.

— Я подумаю.

— А что здесь думать? Если бы ты начал их сейчас творить, то я бы под них занял тебе нужную сумму денег на квартиру. Подчеркиваю, под свое честное слово, занял бы для тебя у других людей! И к осени ты бы жил в Москве в своей квартире. Соглашайся. Это для тебя единственный шанс. Пока за твои картины начнут давать хорошие деньги, кто знает сколько времени пройдет. Да и наше государство своим художникам за их произведения много не платит, и не дает большой возможности купить их коллекционерам из-за бугра. Вот так-то!

— У меня времени мало. Сам, видишь, много работы. — Я уже не отказывался от его предложения, но искал лазейку, чтобы от него